

Sentence

NP + VP

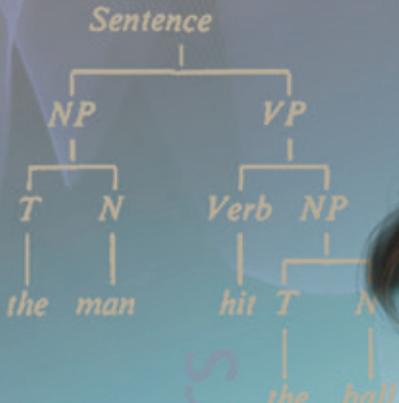
МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Syntactic Structures

Systems of Syntactic Analysis

Certain Formal Systems of Grammars

transformation T_{Adj} :

of S_1 : $T - N - is - A$
of S_2 : same as 24

$X_1 - X_2 - X_3 - X_4; X_5 - X_6 - X_7 - X_8 - X_9 - X_{10}$

$VP \rightarrow Verb + NP$
 $NP \rightarrow T + N$

Three models for description of language

$Verb \rightarrow hit, took, etc.$

In this possibly terminal phase of human existence, democracy and freedom are more than just ideals to be valued - they may be essential to survival.

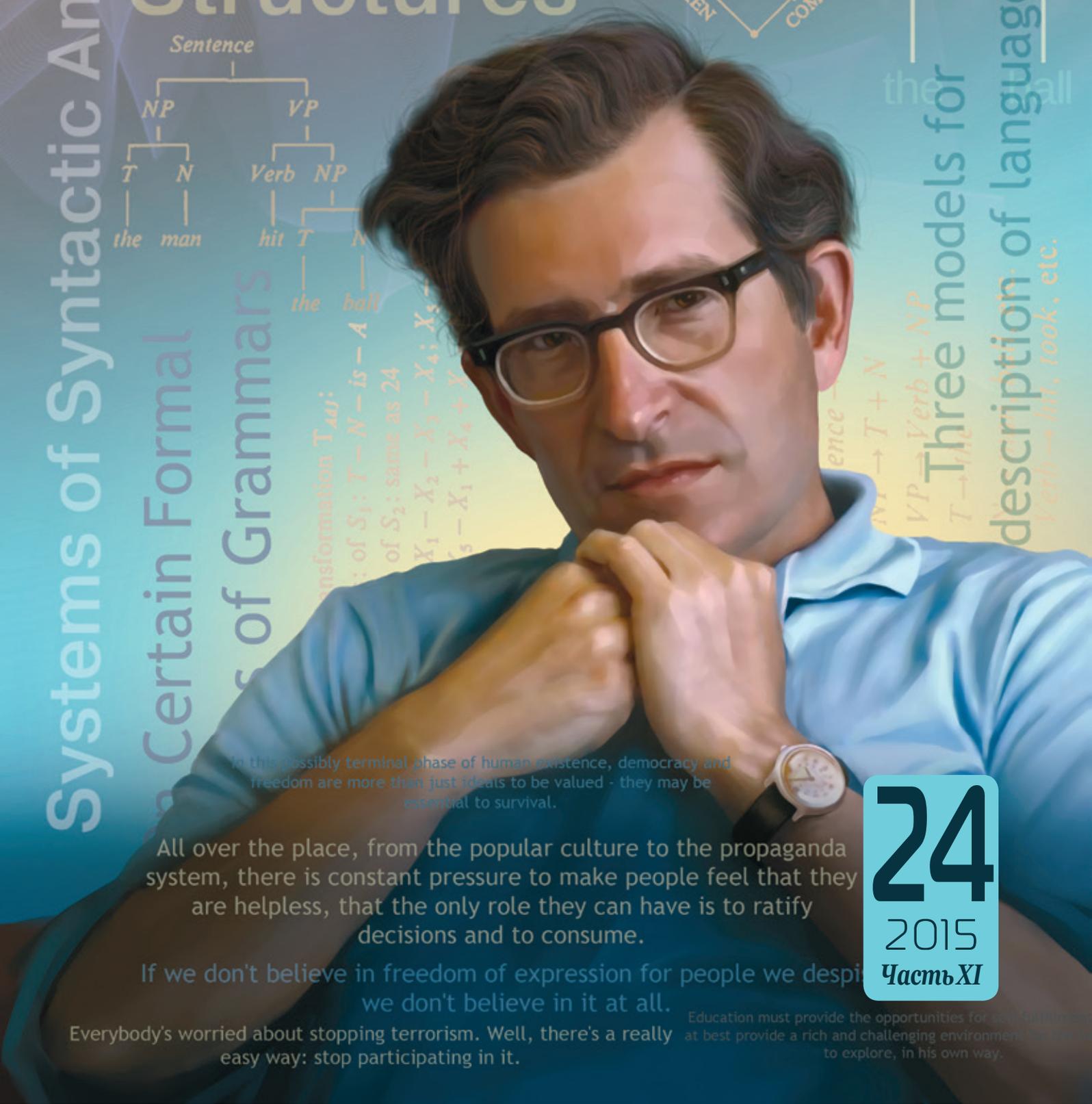
All over the place, from the popular culture to the propaganda system, there is constant pressure to make people feel that they are helpless, that the only role they can have is to ratify decisions and to consume.

If we don't believe in freedom of expression for people we despise we don't believe in it at all.

Everybody's worried about stopping terrorism. Well, there's a really easy way: stop participating in it.

Education must provide the opportunities for self-fulfillment at best provide a rich and challenging environment for the child to explore, in his own way.

24
2015
Часть XI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 24 (104) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 15.01.2015. Цена свободная.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

На обложке изображен Аврам Ноам Хомский (род. 1928 г.) — американский лингвист, политический публицист, философ и теоретик, автор классификации формальных языков.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Амирова З. О., Мамадалиева С. А., Туропова Л. С.**
Значение слова и различия
между языками 1113
- Бабиян Т. В., Гришечко О. С., Самофалова М. В.**
Вопросы происхождения и становления
топонимической системы США 1115
- Бондаренко Ю. Б.**
Авторская биография как особая разновидность
PR-биографии (на примере биографического
текста «Его имя — Эдуард Лимонов»
З. Прилепина).....1117
- Борисенко В. А., Бабиян Т. В., Жарина О. А.**
К вопросу о роли английских фразеологизмов
с компонентом цветообозначения 1120
- Борисенко В. А., Жарина О. А.,
Самофалова М. В.**
Вербализация концепта «коммуникация»
в английских СМИ..... 1122
- Горбачева Е. Ю., Осипова К. С.**
Студенческий сленг
в историческом контексте 1125
- Gu Yang-Me**
Cultivation of Minority Language Students'
Autonomous Learning Ability in Regular
Institutions of Higher Learning 1128
- Макарова Е. Ю.**
Традиции готической литературы в произведении
Э. Т. А. Гофмана «Эликсир сатаны» 1131
- Мамадалиева С. А., Амирова З. О., Окбоева З. Б.**
The verb: aspect and its main using
in sentence 1133
- Мамадалиева З. У., Шодиев О. Ф.**
Некоторые рассуждения в отношении дастана
Абдурахмана Джамии «Лейли и Меджнун» 1135
- Нагорнова Е. В.**
Образы сада, парка, цветов в «Путевых письмах»
Мэри Монтэгю..... 1136
- Нефедов И. В., Хашхаян М. А.**
Ролевая игра как способ формирования
социолингвистической компетенции 1138
- Пан Чжи, Покровская Е. А.**
Речевая формула обращения
в русском языке 1141
- Пардаева Н. К.**
Значение национальности и общечеловечности
в романе А. Кадыри «Минувшие дни»..... 1144
- Пчельникова А. А.**
Анализ концепта «le bouc émissaire»
во французском языке (на материале романа
Даниэля Пеннака «Фея Карабина») 1145
- Садовникова М. Н., Ялтырь М. В.**
Риторические особенности современной
политической речи: гендерный аспект
(на примере предвыборных речей Франсуа
Олланда и Марин Ле Пен) 1148
- Самофалова М. В., Бабиян Т. В., Мкртчян Т. Ю.**
Художественное время как важнейшая
композиционная составляющая текста..... 1152
- Сизюхина К. В.**
Интертекстуальные фрагменты в дневниках
А. М. Достоевского 1154
- Сонг Тяньяо**
Разум и чувства..... 1159
- Турсункулова Ю. Р.**
Мотив сна в произведениях Навои
(на примере дастанов «Хамса»)..... 1161
- Файзиева Ф. М., Умарова Л. Ш.**
Диалогическая речь в обучении
иностранным языку 1162

Хмилярчук Н. С.
Стилистический аспект немецкоязычной деловой корреспонденции 1164

Хусаенова Л. Ф.
Национальные особенности делового общения..... 1166

Чжан Бо, Покровская Е. А.
Вопрос о соотношении инфинитивных и безличных предложений в отечественной лингвистике1167

Шишкина Т. С., Вагина В. О.
Иницирующие реплики неформального интервью 1170

ФИЛОСОФИЯ

Глущенко Г. Ю.
Коммеморация как возможность истории. Анализируя Пьера Нора 1172

Любецкий В. И.
Экзистенциалы человеческого бытия в философии Сёрена Кьеркегора: от отчаяния к вере..... 1175

Мегрелишвили М. А.
Идея взаимосвязи конструктивного и деструктивного в философии Нового времени (XVIII–XIX вв.)..... 1178

Мельниченко А. А.
Общественный договор как основа политической концепции Дж. Локка 1182

Мельниченко А. А.
Природа познавательного опыта по Джону Локку 1184

Наседкина О. О.
Использование мировоззренческих наставлений сказки в современных социальных практиках1187

Скачок В. Е., Демьяненко А. М., Демьяненко Е. А., Котлярович А. А.
Игра как философский феномен человеческой деятельности..... 1193

Стоян А. А.
«Массовый человек» как составной элемент «Общества спектакля» Ги Дебора 1195

Шоназаров Ж. Ш., Имомов Б. Х.
Проблема свободы человека в философии Эпикура и Демонакта 1198

ПРОЧЕЕ

Гвоздева А. П., Марченко М. Н.
Особенности создания современного тематического периодического издания на примере кулинарного журнала 1200

Гиоргадзе Н. В.
Формирование и распространение философии корпоративной культуры и лидерства 1203

Степанов П. П.
Практические аспекты внедрения 242-ФЗ.....1207

Хомякова Т. А.
Современные интернет-инструменты PR..... 1209

ФИЛОЛОГИЯ

Значение слова и различия между языками

Амирова Зохида Ориповна, преподаватель;
 Мамадалиева Сусанна Атамовна, преподаватель;
 Туропова Лола Суюновна, преподаватель
 Каршинский государственный университет (Узбекистан)

Слова, обозначающие в разных языках одни и те же или близкие явления действительности, часто оказываются нетождественными, заметно расходящимися по своим концептуальным значениям. Так, в русском языке мы различаем *голубой и синий*, а в некоторых других языках этим двум словам соответствует одно — англ. *blue*, фр. *bleu*, нем. *blau*. Русское слово *руки* обозначает всю верхнюю конечность человека (или обезьяны) — от плеча до копчиков пальцев; правда, у нас есть еще отдельное слово *кисть* для части руки ниже запястья, но это последнее слово применяется редко, в специальных случаях: нормально мы говорим *подать руку, пожать руку, взять за руку, мыть руки* и т.д., а не «подать кисть», «пожать кисть» и пр. [1]. В некоторых же других языках значение русского *руки* «распределено» между двумя словами: одно из этих слов регулярно (а не изредка, как — русское *кисть*) используется для обозначения кисти руки — это англ. *hand*, нем. *Hand*, фр. *main*; другое — соответственно *arm*. *Arm, bras* — для остальной части руки и лишь в специальных случаях для руки в целом. Русское слово *пальцы* в современном языке относится и к пальцам рук, и к пальцам ног; в некоторых других языках такого общего слова нет, а существует по два слова — одно для пальца на руке (англ. *finger*, нем. *Finger*, фр. *doigt*), другое — для пальца на ноге (англ. *toe*, нем. *Zehe*, фр. *orteil*). Зато мы различаем *мыть и стирать* (о белье и т.п.), а немцы объединяют то и другое в одном глаголе *waschen* [2].

Иногда расхождения между языками касаются не отдельных слов, а целых лексических микросистем. Например, в системе терминов родства в некоторых языках оказываются существенными семантические дифференциальные признаки, не играющие роли в русской системе. В частности, современному русскому слову *дядя* во многих языках соответствует по два слова: 1) лат. *patruus*, болг. *чичо*, польск. *stryj* (также и др.-русс. *стрый*) — для брата отца и 2) лат. *avunculus*, болг. *вуйчо*, польск. *wuj* (и др.-русс. *уй*) — для брата матери [3]. В саами

(лопарском) языке для дяди по отцу (а также для тетки с материнской стороны) существенным является еще один признак — моложе или старше отца (для тетки — моложе или старше матери). Иногда, напротив, оказывается несущественным признак, казалось бы, очень важный, например признак пола. Так, в малайском языке рядом с общим обозначением *saudara* 'брат или сестра' (включая также двоюродных братьев и сестер) нет однословных обозначений отдельно для брата и отдельно для сестры, но зато есть особые слова, с одной стороны, для младших, с другой стороны, для старших братьев и сестер (без различия пола), а кроме того, еще разные слова для понятий 'старшие сестры' и 'старшие братья' (включая двоюродных). В венгерском языке вплоть до XIX столетия также не было слов со значением 'брат' (соврем. *fiu*) и 'сестра' (соврем. *noyer*), а употреблялись только (существующие и сейчас) отдельные слова для старшего и для младшего братьев, а также для старшей и для младшей сестер. На основании такого рода различий между языками в составе словаря и в значениях слов (а также и аналогичных различий грамматического порядка) была выдвинута «гипотеза лингвистической относительности». Её сторонники — американцы Э. Сепир (1884–1939) и особенно Б. Уорф (1897–1941) — утверждают, что не только язык, но и само «видение мира» оказывается у разных народов разным, что каждый народ видит мир через призму своего языка и потому мыслит и действует иначе, чем другие народы.

Можно сказать, что слово — минимальная единица, обладающая позиционной самостоятельностью. Части слова, например *морфемы* внутри многоморфемного слова, такой самостоятельностью не обладают. Они как раз связаны жесткой линейной связью: их нельзя переставлять, между ними либо вовсе нельзя вставить никаких других морфем (например, в *вы-брас-ыва-ть, рыб-о-лов*), либо же можно вставить лишь немногие морфемы из жестко ограниченных списков (*тепл-ая, тепл-оват-ая, тепл-еньк-ая, тепл-оват-ень-кая*;

погод-а, погод-к-а; да-ть, да-ва-ть). Показательно в этом отношении сравнение в русском языке предлогов и приставок, в частности параллельных (*у* и *у-*, *от* и *от-* и т.д.). Предлоги легко отделяются от слова, перед которым стоят и с которым связаны по смыслу, вставкой других слов: *у стола; у большого стола; у небольшого, недавно купленного стола* и т.д. Поэтому вполне закономерно считать предлог отдельным словом (хотя он и не составляет акцентного слова, см Приставка же неотделима от корня, перед которым стоит: в *унести, отнести* между *у-* или *от-* и *-нести* ничего нельзя вставить. Позиционная самостоятельность характеризует все типы слов в языке, хотя и не в одинаковой степени. Следовательно, не может быть русского, английского, лопарского, малайского и т.д. мышления, а есть единое общечеловеческое мышление. Вместе с тем конкретный инвентарь понятий, осознанных коллективом и устойчиво закрепленных в концептуальных значениях слов, во многом отличается от языка к языку и, в истории одного языка, от эпохи к эпохе. Однако эти различия, вопреки представлениям Сепира и Уорфа, не порождаются языком, а только проявляются в языке. Порождаются же они непосредственно или опосредованно различиями в общественной практике, в культурно-историческом опыте народов. Так, у лопарей в старину существовал обычай, согласно которому вдова выходила замуж за младшего неженатого брата своего покойного мужа, а вдовец женился на младшей незамужней сестре своей покойной жены; таким образом, младшие дяди со стороны отца были для детей «потенциальными отчимами», а младшие тетки со стороны матери «потенциальными мачехами». Это их особое правовое положение и обусловило закрепление за ними специального слова; теперь обычай этот давно оставлен, по возникшее благодаря ему отдельно обозначение сохранилось и поныне [4].

Конечно, во многих случаях мы не можем конкретно объяснить различие между языками различиями в общественной практике, но это не меняет дела в принципе. Ведь отражение действительности — не пассивный, а активный процесс. Отражая мир, человек определенным образом систематизирует и моделирует его, в зависимости от своих практических потребностей. К тому же сама

многогранность объективной действительности, многообразие признаков предметов и явлений, наличие всесторонних связей между ними дают реальные основания очень по-разному группировать и объединять эти предметы и явления в классы, выдвигая на передний план то один, то другой из признаков. Рука в целом объективно представляет собой известное единство, но вместе с тем кисть руки объективно отличается (по выполняемым функциям и т.д.) от остальной части; пальцы рук и ног объективно имеют сходные черты и так же объективно отличаются друг от друга и т.д. Разные человеческие коллективы могли по-разному сгруппировать данные опыта и соответственно закрепить эту группировку в значениях слов своих языков.

Хотя мы сейчас во многих случаях не можем конкретно объяснить практикой происхождение того или иного различия между языками, мы в принципе знаем, что в филогенезе, т.е. в истории становления и развития человека, человеческого мышления и языка, дело обстоит именно так: общественная практика всегда была здесь первична, а различия между языками — вторичны. Другое дело — в онтогенезе, т.е. в индивидуальном развитии отдельного человека. Рассматривая роль языка в становлении понятийного мышления индивида, мы должны признать, что каждый новый член общества и каждое новое поколение, вступая в жизнь, усваивает знания о мире при посредстве и потому в значительной мере, действительно, через призму родного языка.

Однако и последнее обстоятельство не создает каких-то непроходимых перегородок между народами. Ведь понятие выражается, как мы знаем, не только с помощью отдельного слова, но и в сочетаниях слов. В английском языке нет слова, соответствующего по значению русскому *сутки*, но то же самое понятие без труда передается словосочетаниями *day and night* 'день и ночь' или *24 hours* '24 часа'. Если, говоря по-английски, нужно разграничить понятия 'голубой' и 'синий', к слову *blue* прибавляют определения *light* 'светлый', или *Cambridge* 'кембриджский' (для голубого) и *dark* 'темный', или *Oxford* 'оксфордский' (для синего) [5]. В принципе все переводимо с любого языка на любой другой, и каждая мысль может быть так или иначе выражена на любом языке.

Литература:

1. Ю. С. Маслов «Введение в языковедение» Высш. шк. М. 1987 г.
2. Щерба, Л. В. «Языковая система и речевая деятельность» М. 1989 г.
3. Гринберл Дж. «Квантитативный подход к морфологической типологии языков» М. 1963 г.
4. Матезиус, В. О. «Так называемое актуальное членение предложения» М. 1976 г.
5. Холодович, А. А. «Проблема грамматической теории» Л. 1979 г.

Вопросы происхождения и становления топонимической системы США

Бабиян Тамара Вартересовна, ассистент;

Гришечко Овсана Саввична, кандидат психологических наук, доцент;

Самофалова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет

Научной базой для правильного объяснения названий служит топонимика (греческое *topos* «место, местность», опута «имя») — наука о географических названиях, об их происхождении, смысловом значении, развитии и использовании. Поскольку любые названия представляют собой слова языка, для их анализа используются, прежде всего, методами языкознания, прочно опираясь при этом на данные истории и географии. Результаты топонимических исследований находят широкое применение в различных разделах географии и языкознания. Данные топонимического анализа в сочетании с другими сведениями привлекаются для определения территории бывшего расселения какого-либо народа или этнической принадлежности народов, населявших ту или иную территорию; для выявления древних миграций, их начальных и конечных пунктов, маршрутов движения; для изучения былой плотности населения, истории возникновения населенных пунктов и их первоначальных функций.

Топонимы — неотъемлемая часть фоновых знаний носителей данной культуры; в них, как в зеркале, отражается история данного народа, история заселения и освоения данной территории, поэтому именно эта часть лексики издавна привлекает внимание не только филологов, но и историков, этнографов, географов и т.п. [1, с. 4].

Более того, как справедливо замечает Г.Д. Томахин «географические названия кроме своей основной функции — наименования географического объекта» выполняют «ряд дополнительных функций», связанных с какими-то событиями в жизни народа-носителя языка и культуры. Например, Plymouth Rock — Плимутская скала (место высадки переселенцев-пуритан в Северной Америке в 1620 г.); Appomattox — Аппоматокс (поселок в штате Вирджиния, где в 1865 году произошла капитуляция армии южан под командованием генерала Ли (главнокомандующий войск северян — генерал Грант), считается окончанием гражданской войны в США 1861—1865 гг.); Sutters Mill — лесопилка Саттера (в Калифорнии на реке Сакраменто, где в 1848 году было найдено золото, послужившее началом «золотой лихорадки») [2, с. 12].

Вопросы становления топонимической системы США обусловлены социолингвистическими причинами, связанными с этнической историей различных народов, проживающих в настоящее время на территории Соединенных Штатов Америки. На ранних этапах развития человечества, когда пространство, известное древнему охотнику и рыболову, было крайне ограниченным, необходимости в присвоении географическим объектам собственных

названий не возникало. Гору он мог называть просто «горой», реку — «рекой», озеро — «озером» и т.д., обходясь одними нарицательными словами. Проходили века и тысячелетия, эти нарицательные слова (географические термины) выходили из живого употребления вследствие развития языка или смены населения, но продолжали сохраняться как обозначения географических объектов, и новыми поколениями или новыми насельниками с иным языком эти нарицательные термины уже воспринимались как имена собственные.

Эта идея находит отражение в работах Б.А. Серебренникова, который писал, что «топонимика отличается необычайной устойчивостью. Как только слово или словосочетание превратилось в название населенного пункта, местности, реки и т.п., оно сразу же становится именем собственным, и эта особенность за ним прочно закрепляется. Могут исчезать с лица земли народы и их языки, но топонимические названия как своего рода имена собственные, ничего иного не обозначающие, кроме объекта, за которым закрепились, легко усваиваются другими народами и таким образом могут сохраняться в течение тысяч лет» [3, с. 36—37].

Именно поэтому названия многих крупных рек во всех странах мира объясняются как «вода», «река», «большая река». Примером могут служить названия таких значительных рек как *Амур, Ганг, Дон, Енисей, Инд, Кама, Лена, Миссисипи, Нил, Одра, Ухта, Юкон, Яна*. Подобная картина наблюдается и в названиях горных систем, хребтов, массивов — *Альпы, Апеннины, Кордильеры, Олимп, Пиренеи, Хибины, Хинган, Юра*, которые имеют в своей основе простые термины «гора, горы».

С развитием хозяйства область интересов человека постепенно расширялась: вместо одной реки, горы, озера ему становились известны и другие, а, следовательно, появилась необходимость в различении однотипных объектов. Так возникла необходимость включения в названия определений, позволяющих отличать один объект от другого. Сначала, вероятно, использовались наиболее простые определения — большая река и малая, глубокая — мелкая, быстрая — тихая и т.п. Постепенно круг признаков, отражающих характерные особенности именуемых объектов, расширялся. Например, многие современные названия в топонимии США содержат цветочные прилагательные. С белым цветом пород или наличием ледников связано название известной вершины Серьерра-Невада — «снежные горы». Встречаются «желтые» топонимы вроде города Амарильо в штате Техас — «желтый город» и реки Йеллоустон, которая оз-

начает «желтокаменная», зеленые топонимы, например, название штата Вермонт — «зеленая гора», а также красные топонимы, к которым относится название штата Оклахома, образованного от слов *okla* — «народ, люди» и *homa* — «красный», то есть «краснокожие люди, индейцы» и т.д. Следовательно, «географическое название не бывает случайным. Его дает общество. Как все общественные явления, оно обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического развития» [4, с. 3]. Это позволяет нам говорить о возможности выделения в современной топонимической системе любой географической местности, в частности США, следующие отдельные классы названий объектов:

1. Названия городов. В образовании городских названий США время от времени появлялись разные тенденции и привычки. Так, возникло обыкновение использовать названия в окончании *-бург*, причем само слово *бург* имеет немецкое происхождение и означает «замок, крепость», например: *Питтсбург (Pittsburgh)*. Из истории Древней Греции известны *полисы* — города-государства: например, полисом была известная Спарта. Но этот греческий термин получил широкое распространение и в американской топонимии как составная часть названий ряда известных городов: *Аннаполис (Annapolis)*, *Индианаполис (Indianapolis)*, *Миннеаполис (Minneapolis)*.

Рассматривая городскую ойконимию, нельзя не остановиться на отражении в названиях городов их специализации. Современные города многофункциональны, но при своем зарождении они обычно выполняли какую-то одну задачу, которой и были обязаны своим появлением. Эта первоначальная функция в ряде случаев находит отражение в их названиях. Наиболее часто производственные названия получают города, выросшие из поселков, что располагались в районах добычи полезных ископаемых. Например, месторождения природного газа нашли отражение в ойконимии *города Газ-Сити (Gas City)*, *штат Индиана*. Обильно представлены в американской ойконимии рудные ископаемые, например: *Айрон-Маунтин (Iron mountain «железная гора»)*, а также названия, включающие слово *мост*. Это обусловлено тем, что сооружение моста в прошлом было большим событием для населения. Каждый мост становился заметным ориентиром, к которому стекались и от которого расходились многие сухопутные дороги. Населенные пункты около мостов быстро развивались и обычно включали в свое название слово мост, как важный признак поселения, например: *город Бриджтаун (Bridgetown)*.

Во всем мире преобладающая часть промышленных предприятий находится в городах, но названия, свидетельствующие о профиле города, сравнительно редки. Это вполне объяснимо, поскольку развитие промышленности во многих городах происходит уже после присвоенного им названия. Однако в тех случаях, когда город возникает при каком-либо предприятии, то есть с самого рождения имеет четкую специализацию, он зачастую получает и со-

ответствующее название. Например, название американского города *Детроит (франц. detroit — «пролив»)* хорошо характеризует его географическое положение при проливе, соединяющем озера Гурон и Эри, но ничего не говорит о крупнейшем в мире центре автомобилестроения. Высокая концентрация автомобильных заводов в окрестностях Детройта обусловила в США присвоение звания *Auto State — «автомобильный штат»* — всему штату Мичиган.

2. Названия рек и озер. Реки всегда играли важную роль в жизни человечества. Они были источником водоснабжения и рыболовства, артериями, связывающими народы и рубежами, разделявшими их. Названия рек давно привлекают внимание топонимистов. В результате длительных наблюдений выявились некоторые общие положения в топонимической системе США. Так, давно было замечено, что самые крупные реки обычно имеют названия наиболее древнего происхождения, а самые небольшие — чаще всего имеют и самые поздние названия. Но в большинстве своем названия крупных рек означают просто «вода» или «река». По-видимому названия используемые различными племенами аборигенов, живущих вдоль течения крупной реки, различались только по форме, но были единичными по своему смыслу. В качестве примеров могут быть указаны *Миссисиппи (Mississippi)*, *Рио-Гранде (Rio Grande)*, *Юкон (Yukon)*. Бывает, что в названии озер проявляется чувство красоты, то, которое основано на образном представлении о прелести природы, о замечательных особенностях того места, которое человек называет. В штате Миннесота есть небольшое озеро, которое может служить этому примером. Оно названо французом, потому что французы были первыми колонизаторами этих мест, и называется *Лак-ки-Парль — «озеро, которое говорит»*.

В гидронимии США прекрасно представлена местная фауна. По утверждению исследователя английской топонимии О.А. Леоновича многие гидронимы напоминают о диких животных, когда-либо обитавших на этой территории: *Deer «олень»*, *Buffalo «бизон»*, *Beaver «бобр»*, *Antelope «антилопа»*, *Elk — «лось»*, *Grizzly — «медведь-гризли»*, *Raccoon — «енот»*, *Rabbit — «кролик»*, *Opossum — «выдра»*, *Skunk — «скунс»*, *Wild-cat — «дикая кошка»*, *Wolf — «волк»* и др. [5, с. 68]. В топонимике хорошо известен следующий факт: названия, указывающее на какое-то животное, часто встречаются не в центре ареала его обитания, а на окраине, в пограничной зоне [6, с. 28]. Так, *Alligator River («река аллигаторов»)* в американском штате Северная Каролина находится на крайней северной границе бывшего распространения аллигаторов.

3. Названия гор и пещер. Как правило, названия обширных горных систем, протяженных хребтов, крупных массивов имеют или искусственные названия или наименования, означающие «гора, хребет», например: *The Rocky Mountains («скалистые горы»)*. Географы давно установили, что местное население обычно знало мно-

жество частных названий, относящихся к отдельным перевалам, склонам, ущельям и другим элементам орфографии, имевшим значение для их повседневной жизни и хозяйственной деятельности, но не употребляло обобщающих названий для макроструктур. Известные современной географии названия Памир, Гималаи, Альпы, Кордильеры, Среднерусская возвышенность и многие другие были созданы искусственно в процессе географического изучения территории. К наиболее известным оронимам США можно отнести горную систему *Кордильеры*, простирающуюся по всему американскому континенту вдоль западной окраины Северной и Южной Америки, название которой происходит от испанского *cordillera* — «горный хребет». Совершенно ясно, что определение «медный» приросло к названию позднее, когда свирепые покорители Южной Америки успели уже ознакомиться с ископа-

емыми богатствами гор, сначала названных попросту «горами», «горной цепью» — Кордильерами.

Крупнейшая пещерная система США *Флинт-Ридж* называется по горному хребту, к которому она приурочена (англ. *ridge* — «хребет»). В подземельях обилие звездных и солнечных названий: *грот Звездный* (пещера *Большая Орлиная*, пещера *Мамонтова*). Различны по степени мотивированности названия, которые условно могут быть отнесены к акустическим: *река Эхо* (пещера *Мамонтова*). Все эти особенности можно назвать и в применении к великим пустыням мира, в частности, индейцы Америки называют свою пустыню *Аризона* — «место, где нет ручьев».

Таким образом, топонимическая система США в своей массе обладает сложной и разноплановой семантической структурой, вызывающей переплетение социальных, культурных, исторических и других ассоциаций.

Литература:

1. Никонов, В. А. Введение в топонимику. — М.: Наука, 1965.
2. Томахин, Г. Д. Америка через американизмы. — М.: Высшая школа, 1982.
3. Серебренников, Б. А. О методах изучения топонимических названий. // Вопросы языкознания. — М., 1959. — № 6.
4. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966.
5. Леонович, О. А. Структурно-семантические особенности американских гидронимов. // Проблемы синхронного и диахронного описания германских языков. — Пятигорск, 1981.
6. Леонович, О. А. к вопросу об основах американских топонимов. // Лексикология и стилистика английского языка. — Пятигорск, 1974.

Авторская биография как особая разновидность PR-биографии (на примере биографического текста «Его имя — Эдуард Лимонов» З. Прилепина)

Бондаренко Юрий Борисович, аспирант
Южный федеральный университет

Под авторской PR-биографией мы понимаем особую разновидность PR-биографии, которая создается и/или подписывается другим публичным лицом, в результате чего воздействующий потенциал текста на целевые аудитории усиливается. Несмотря на высокий потенциал подобных текстов, данная разновидность PR-биографии, судя по имеющимся данным, не становилась объектом детального исследования и не упоминается в научной литературе. По всей видимости, это обусловлено тем, что авторская PR-биография представляет собой редкое явление; данный тип биографического PR-текста может быть создан лишь при соблюдении ряда условий. Наиболее важными среди них представляются следующие:

1) наличие известного публичного человека, способного профессионально написать биографический текст (писателя, журналиста и т. д.), от чего зависит правдопо-

добность и убедительность данного действия, а также впечатление о его искренности,

2) авторитетность автора текста в глазах целевой аудитории, что позволит избежать обратного эффекта, когда подпись не привлекает, а отталкивает представителей значимых целевых аудиторий,

3) отсутствие необходимости в строгом соблюдении официального регистра коммуникации, необходимого, например, в связях с общественностью государственных органов.

В некоторых отношениях авторская PR-биография существенно отличается от сложившейся модели PR-биографии. Это отклонение заключается именно в том, что текст является авторским. Как показывает материал, в PR-биографии фигура автора, как правило, представлена минимально. Это проявляется и в том, что типичная

PR-биография не содержит личных местоимений первого лица, которые могли бы отсылать к ее автору, и в отсутствии подписи, указывающей на автора. В некоторой степени это определяется самим жанром: в противоположность автобиографии, объектом изображения в биографии всегда является другое лицо, вследствие чего фигура автора неизбежно оттесняется на второй план. Однако в PR-биографии эта элиминация фигуры автора выражается еще более сильно. По всей видимости, это обусловлено тем, что основная задача PR-биографии заключается в привлечении внимания к биографируемому лицу, а это приводит к тому, что фигура автора оказывается совершенно незначимой.

Разумеется, автор PR-биографии выступает как та «инстанция», которая осуществляет отбор фактов и формирует последовательность изложения, а также осуществляет явные или скрытые оценки. Однако и отбор фактов, и оценки в PR-биографии нацелены исключительно на то, чтобы представить биографируемое лицо в наиболее выгодном свете. Другими словами, свобода автора PR-биографии является минимальной и ограничена основной целью любых связей с общественностью — формированием положительного образа субъекта PR-деятельности в глазах различных аудиторий.

В то же время, авторская PR-биография в целом сохраняет свойства, присущие PR-биографии. Прежде всего, это касается ее оценочной составляющей. В традиционном биографическом тексте оценка биографируемого лица может быть не только положительной, но и отрицательной, двойственной, ироничной и т.д. PR-биография и авторская биография как ее разновидность, по большому счету, не допускают ничего, что могло бы отрицательно сказаться на образе биографируемого лица. Более того, авторитетность автора биографии только подкрепляет положительные оценки, выражаемые текстом.

В качестве примера авторской PR-биографии рассмотрим текст «Его имя — Эдуард Лимонов», написанный Захаром Прилепиным и размещенный на сайте Э. Лимонова [1]. Тот факт, что текст размещен в разделе «Биография» на сайте, специально созданном к президентским выборам 2012 года, к которым Э. Лимонов, выступавший в качестве кандидата-самовыдвиженца, не был допущен, свидетельствует о том, что мы имеем дело с PR-текстом.

Прежде всего, необходимо отметить типичные черты PR-биографии, которые присущи данному тексту. Во-первых, это хронологический принцип изложения. Текст имеет вступление и заключение, которые представляют собой общую оценку личности Э. Лимонова, и это единственное, хотя и естественное отклонение от хронологического принципа. Такая структура характерна для значительной части PR-биографий.

Во-вторых, масштаб личности биографируемого лица всячески подчеркивается, причем не только фактами богатой, сложной, насыщенной биографии, но и помещением данного лица в один ряд с другими известными личностями. Это может касаться окружения, среды, еди-

номышленников, а также людей, которые определили образ той или иной эпохи: *Была тогда в Москве неофициальная поэтическая группировка «СМОГ» («Смелость, Мысль, Образ, Глубина») — своеобразная альтернатива поэзии официальной в лице Евтушенко-Вознесенского-Рождественского и прочих. В «СМОГ» и вошёл Лимонов, став наряду с поэтами Губановым, Аллейниковым и Кублановским одним из самых ярких представителей движения. То, что Лимонов является замечательным русским поэтом признавали и его друзья, и даже те с кем отношения были сложными — скажем, Евтушенко или Бродский.* Кроме того, имеется случай, когда Э. Лимонов сравнивается с другими поэтами и писателями: *Упрямый, он окончательно переезжает в Москву 30 сентября 1967 года. Так в своё время уехал из своей деревни Сергей Есенин. Так двенадцатью годами раньше в Москву нагрянул молодой Василий Шукшин.*

Наконец, в-третьих, оценочная составляющая текста является сугубо положительной, что позволяет отнести его к эпидейктическим (хвалебным) текстам. Автор текста всячески избегает негативных оценок и, шире, двойственности оценок, которых закономерно ожидать от биографического текста в собственном смысле слова. Это соответствует представлению о том, что воздействие PR-биографии осуществляется при помощи селективной, то есть специальным образом отбираемой, информации [2, с. 214].

В то же время рассматриваемой авторской биографии свойственны черты публицистического стиля. Прежде всего, публицистичность присуща заголовку текста: «Его имя — Эдуард Лимонов». Судя по доступному материалу, для PR-биографий яркие публицистические заголовки в целом не характерны. По всей видимости, это обусловлено тем фактом, что PR-биографии редко используются в качестве самостоятельного текста, гораздо чаще они выступают в качестве элемента более сложного комплекса текстов (например, веб-сайта). Характеристика текста по его жанровой природе в такой ситуации представляется естественной, поскольку позволяет однозначно идентифицировать его в процессе поиска информации. В данном случае использование яркого публицистического заголовка оправдывается не столько стремлением оказать воздействие на читателя, сколько тем, что текст является авторским, а следовательно, может функционировать как самостоятельное произведение.

Еще одна публицистическая черта — это отказ от чистой информативности, который выражается в использовании восклицательных предложений, открытых оценочных суждений: *Фактически его ожидала смерть в тюрьме! Выдержке этого человека можно лишь позавидовать; Мыслитель. Солдат. Зэка. Поэт в том самом высоком смысле этого слова, которое означает не мятущуюся душу, но ясное понимание многообразия и волшебства мира. И, наконец политик, чья деятельность в последние полтора десятилетия*

была едва ли не единственным оправданием существования самого слова «политика» в России. Если бы не Лимонов (и тысячи наших сторонников) что считали бы мы политикой? Этот балаган с людьми, которые уже многие годы называют себя думой, правительством и общественной палатой?

Изложение биографии Э. Лимонова перемежается различными, экспрессивными выражениями: *большинство его соратников и коллег... постепенно, что называется, сошли с дистанции*. Наконец, повествование перемежается высказываниями самого Э. Лимонова: *Много позже, уже будучи в эмиграции, Эдуард Лимонов напишет: «Предки мои, очевидно, землю любили. Как весна — так тоскливо, маятно, пахать-сеять хочется, землю рукою щупать, к земле бежать. А ведь был бы я наверняка мужик хозяйственный строгий»*. Это позволяет придать тексту менее официальный, более живой характер, менее сухо представить биографируемое лицо.

Сам по себе этот текст наводит на ряд выводов. Представляется очевидным, что авторская PR-биография, несмотря на редкость, может представлять собой очень мощный инструмент коммуникаций с общественностью. Усиление эффекта по сравнению с традиционной PR-биографией в рассмотренном случае происходит по целому ряду причин.

Во-первых, Лимонов и Прилепин являются писателями, причем оба признаны широким кругом читателей. Эффект от такого соединения можно охарактеризовать как суммирование публицитных капиталов двух известных личностей. Очевидно, что подпись профессионального журналиста, создающего биографию известного лица, может создать такой эффект только при условии, что сам журналист является чрезвычайно популярным человеком или в высшей степени авторитетным лицом. Это показывает, что суммирование публицитных капиталов происходит не вследствие наличия подписи, а в силу того, что один известный человек пишет о другом известном человеке.

В этом контексте авторскую PR-биографию уместно сопоставить с биографическим текстом, описывающим жизненный путь известной исторической личности и созданным известным писателем. Такой текст привлекает

к себе внимание не только содержанием (объектом изображения), но и фигурой автора текста: талант, авторитет автора выступают своего рода гарантией того, что текст будет обладать увлекательностью, высокими художественными качествами, глубиной и т.д. Само по себе создание известным писателем текста о другом известном человеке может стать общественно значимым событием, то есть способно привлечь к себе внимание и иметь определенный общественный резонанс.

Отличие таких текстов от авторских PR-биографий заключается в том, что их целью не является создание публицитного капитала биографируемого лица. В традиционных биографиях речь обычно идет о людях из прошлого, которые уже обладают авторитетом в общественном сознании; именно известность и авторитет биографируемого лица создают ценность биографического повествования (вне контекста связей с общественностью). Воздействующий потенциал таких текстов не стоит недооценивать. В частности, они могут служить инструментом воспитания, в том числе патриотического. Однако воспитание — это цель, которая находится за пределами связей с общественностью.

Во-вторых, Лимонова и Прилепина можно охарактеризовать как политических единомышленников и даже соратников, поскольку их политические взгляды являются близкими, а тот факт, что они являются носителями близких политических идей, довольно широко известен. Это также усиливает привлекательность текста. Однако если эффект от соединения имен двух известных личностей способен оказать воздействие на широкую аудиторию (людей, имеющих представление о современной русской литературе, довольно много), то тот факт, что Лимонов и Прилепин являются единомышленниками, повышает значимость данного текста для людей, разделяющих близкие политические взгляды.

Таким образом, авторская биография представляет собой интересную и перспективную, но периферийную разновидность PR-биографии. Периферийность данной разновидности PR-биографии обусловлена тем, что ее использование возможно далеко не в любых условиях. В этом случае срабатывают такие критерии, как уместность и наличие соответствующего ресурса, удовлетворить которым возможно лишь в исключительных случаях.

Литература:

1. Прилепин, З. Его имя — Эдуард Лимонов // Лимонов-2012. — Режим доступа: <http://www.limonov2012.ru/biography.html>
2. Кривоносов, А.Д. Основы теории связей с общественностью / А.Д. Кривоносов, О.Г. Филатова, М.А. Шишкина. — СПб.: Питер, 2012. — 384 с.

К вопросу о роли английских фразеологизмов с компонентом цветообозначения

Борисенко Виктория Александровна, кандидат филологических наук, доцент;

Бабиян Тамара Вартересовна, ассистент;

Жарина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет

Цвет является неотъемлемой частью жизни человека: с помощью различных цветов можно воздействовать на эмоциональное и даже физическое состояние людей. Тот или иной цвет приобретает в каждой культуре определенный символический смысл, который реализуется в поговорах, поговорках, фразеологизмах.

Объектом нашей работы являются фразеологические единицы английского языка, содержащие в своей структуре компонент цветообозначения.

Употребление фразеологизмов, содержащих цветовые термины, осложняется тем, что в каждой культуре цвет имеет свое особое значение. Не зная особенностей значений цветов, присущих определенной лингвокультуре, существует большой риск возникновения коммуникативных неудач.

Анализируя словарный состав различных языков, можно обнаружить, что лексико-семантическая группа цветообозначений существенно отличается по своему количественному составу. Так, например, в языке филиппинского племени Мандоро содержится лишь четыре цветовых термина, в то время как в европейских языках данная лексико-семантическая группа может насчитывать до 150 единиц, включая в себя названия базовых цветов и их оттенков. Основные критерии базовых цветовых терминов были предложены английскими учеными Брентом Берлином и Полом Кеем в работе «Базовые цветоименования: их универсальность и эволюция» (1969). По их мнению базовые цветообозначения должны обладать следующими характеристиками:

— Базовое цветообозначение нельзя определить по значению составляющих его частей. Были исключены такие цветообозначения английского языка: *lemon-coloured* («цвета лимона») и т. п.

— Значение базового цветового термина не может быть частью какого-либо другого цвета; слово *scarlet* («алый») обозначает оттенки красного и не может считаться базовым цветообозначением.

— Использование базового цветового термина не может быть ограничено определенным классом объектов. На основании этого критерия можно исключить слово *blond* («белокурый, светлый»), так как оно может использоваться только для обозначения цвета волос.

— Базовые цветообозначения являются психологически важными для носителей языка.

Основываясь на данных критериях, Берлин и Кей исследовали лексический материал языков и обнаружили, что все языки содержат как минимум два наименования цвета — для черного и белого, в то время как наибольшее

число базовых названий цветов составляет одиннадцать. В английском языке были выделены слова: *black, white, red, yellow, green, blue, brown, orange, pink, purple, grey*.

Берлин и Кей также предположили, что можно спрогнозировать, какие именно базовые цветообозначения содержит тот или иной язык. Согласно данной теории, все языки проходят несколько эволюционных стадий расширения лексико-семантической группы цветообозначений. Так, во всех языках есть слова для черного и белого. Если в языке содержится три цветообозначения, то это слова для описания черного, белого и красного цветов. На третьей эволюционной стадии появляется обозначение для желтого или зеленого цвета. На следующей стадии язык содержит оба этих цветовых термина. На пятой стадии развития добавляется обозначение для синего цвета, далее — для коричневого. На заключительной стадии язык содержит восемь или более цветообозначений: добавляется термин для фиолетового, розового, оранжевого или серого цвета, либо их сочетание [3, с. 2–3].

Доказано, что существует взаимосвязь между уровнем развития культуры народа и объемом лексико-семантической группы цветообозначений в языке народа. Так, например, языки стран Европы, Азии и Америки находятся на седьмой эволюционной стадии, то есть содержат от восьми до одиннадцати базовых цветовых терминов. Языки, находящиеся на ранних стадиях (первой, второй и третьей, то есть содержащие от двух до четырех цветообозначений) принадлежат малым народам, проживающим в изолированных районах [3, с. 16].

Перевод базовых цветообозначений с одного языка на другой может вызывать затруднения. Попытки объяснить семантические несоответствия в языках были приняты как лингвистами, так и психологами. В частности, психологи Пол Кей и Чэд МакДэниэл считали, что причиной таких несоответствий могут служить психологические особенности цветового восприятия. [5, с. 612].

Такую точку зрения позднее раскритиковали ученые. Так, Р.М. Фрумкина считала, что семантические различия в номинации цветовых концептов не имеют под собой психологической основы, так как тон, яркость и насыщенность — это физические признаки слов-цветообозначений, которые сами по себе не имеют знаковой природы [2, с. 24].

Польский лингвист А. Вежбицкая также не согласна с точкой зрения Кея и МакДэниэла и предлагает разграничивать понятия «восприятие» и «концептуализация». Восприятие цвета органами зрения является физиоло-

гическим процессом, одинаково протекающим для всех групп людей. Языковая концептуализация, напротив, различна в разных культурах [1, с. 238–239].

Характеризуя семантику базовых цветов в английской лингвокультуре, обратимся к словарным статьям в словарях «The Oxford Dictionary of Idioms» (2004), «Cambridge International Dictionary of Idioms» (2002) и онлайн-словарях «Macmillan Dictionary», «Oxford Dictionary».

Так, самой многочисленной группой фразеологизмов являются ФЕ с компонентом *blue*, несмотря на то, что данный цветовой термин является на пятой стадии развития лексико-семантической группы цветообозначений. Из этого следует, что цветообозначение *blue* обладает самым широким спектром значений и является наиболее важным цветовым символом в английской лингвокультуре.

Рассмотрим оттенки значения, которые приобретают цветовые термины в составе фразеологических единиц.

Так, например, компонент *blue* символизирует: небо или воду: *between the devil and the deep blue sea* — «меж двух огней», *out of a clear blue sky* — «неожиданно, как снег на голову», *blue-sky research* — «исследование, которое нельзя применить на практике»; протяженность (как в пространстве, так и во времени): *the wild/wide blue yonder* — «далекое и неизвестное расстояние», *to talk a blue streak* — «говорить без остановки»; природные явления: *a bolt from the blue* — «гром среди ясного неба», *out of the blue* — «неожиданно»; моральное или физическое состояние человека с негативной коннотацией: подавленного, депрессивного состояния или негативных эмоций, например, *to feel blue* — «грустить, хандрить», *blue devils* — «уныние», *to cry the blues* — «жаловаться, прибедняться»; напряжение, усилие: *(to do smth) till you're blue in the face* — «(делать что-то) до посинения», *to run/rush around like a blue-arsed fly* — «крутиться как белка в колесе»; дурные поступки, например: *to burn with a low blue flame* — «затаить сильную злость», *to turn the air blue* — «браниться, сквернословить».

Существуют так же положительные коннотативные значения цвета *blue*. Тогда *blue* обозначает: консерватизм, приверженность традициям, так как синий цвет является частью символики партии Тори (консервативной партии Великобритании). В идиоме *(smb's) blue-eyed boy* — «любимчик»), *blue-eyed* обозначает избранность, исключительность, так как в английской культуре голубой цвет глаз считается редким явлением и поэтому голубоглазые люди считаются наиболее привлекательными [4, с. 44].

Группа ФЕ с компонентом 'black' являются второй по численности группой фразеологизмов с компонентом цветообозначения. Данное цветообозначение используется в английском языке для выражения какого-либо понятия, или для обозначения образа действия и самого действия.

Чаще ФЕ с таким компонентом имеют негативную коннотацию. Так, компонент *black* включает в себя следу-

ющие оттенки значения: *black* служит для обозначения негативного отношения и к человеку, и к явлениям окружающей действительности. Например, *to be in smb's black books* — «быть у кого-то в немилости», *to look on the black side* — «смотреть на жизнь пессимистично»; в идиомах, обозначающих характеристику человека, слово *black* означает «плохой, дурной»: *to be not as black as smb/smt is painted* — «не так страшен черт, как его малюют», *the pot calling the kettle black (saying)* — «кто бы говорил, а ты бы помалкивал», *a black sheep* — «паршивая овца»; *black* описывает проявления негативных эмоций (злость, неодобрение либо подавленность, депрессия): *a black look* — «злой/сердитый взгляд», *black as thunder/sin* — «мрачнее тучи», *to look black* — «выглядеть мрачным, хмуриться»; а также состояния человека: *black dog* — «дурное настроение, уныние», *black ox* — «старость»; используемое для характеристики явлений, слово *black* приобретает значение «несчастливый»: *a black day (for smb)* — «черный/несчастливый день».

Таким образом, мы можем утверждать, что в английской лингвокультуре цветообозначение *black* прочно ассоциируется с чем-то плохим, дурным, отрицательным.

Также ФЕ с компонентом *black* включает в себя не только идиомы с негативной оценочностью, а также с положительной и нейтральной. Так, слово *black* может обозначать цвет кожи; в идиоме *the new black* («нечто очень модное и популярное») слово *black* используется в буквальном значении, так как в Англии этот цвет считается самым модным цветом в одежде.

Анализируя ФЕ с компонентом 'white' следует отметить тот факт, что белый является одним из двух базовых цветов. Поэтому данная группа ФЕ довольно многочисленна. Компонент *white* символизирует: добродетель, истину: *pretend/say that black is white* — «заведомо говорить неправду; заведомо ошибаться»; безупречность, совершенство: *whiter than white* — «само совершенство», *lily-white* — «безупречный, безукоризненный»; порядочность, благонадежность (при описании людей): *a white man* — «порядочный человек», *a big white chief* — «важная персона, начальник, лидер»; в идиомах *white-bread* («скудный, ординарный»), *the men in white coats* («врачи психиатрической больницы»).

Группа ФЕ с компонентом 'red' обозначает: человеческие эмоции как смущение и гнев: *to see red* — «разозлиться, прийти в ярость», *(as) red as a beetroot* — «красный как рак», где цвет указывает на физиологические проявления этих эмоций; цвет крови: *red-blooded* — «энергичный, полный сил»; нечто привлекающее внимание: *(like) a red rag to a bull* — «как красная тряпка для быка»; в идиомах *a red-letter day* — «праздничный день/красный день календаря», *to roll out the red carpet for smb.* — «обращаться с кем-то по-королевски»

Группа ФЕ с компонентом 'green' означает: цвет травы, растительности, например *green as grass* — «неопытный» (буквально «зеленый как трава»); зависть, ревность: *to be green with envy* — «позеленеть от зависти», *the green-*

eyed monster — «зависть, ревность»; болезненное состояние: *to be green about the gills* — «выглядеть больным».

Подводя итог, следует отметить, наиболее значимыми цветами в англоязычной культуре являются blue, black,

white, red и green. Правильное употребление в речи фразеологизмов с компонентом цветообозначения служит одним из основных факторов успешной межкультурной коммуникации.

Литература:

1. Вежбицкая, А., Язык. Культура. Познание. — М.: Русские словари, 1996.
2. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. — М., Наука, 1984.
3. Berlin, Brent; Kay, Paul. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.
4. Cryer, Max. Curious English Words and Phrases: The Truth Behind the Expressions We Use. Exisle Publishing, 2012.
5. Kay, Paul and McDaniel, Chad K. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms // Language, № 54, 1978.

Вербализация концепта «коммуникация» в английских СМИ

Борисенко Виктория Александровна, кандидат филологических наук, доцент;
Жарина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент;
Самофалова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Концепт является неотъемлемым элементом языковой картины мира. Видение и восприятие человеком объективной реальности определяется посредством различных концептов, хранящихся в сознании человека. Целью работы является определение структуры концепта «коммуникация», выявление корпуса языковых средств, участвующих в актуализации концепта «коммуникация», а также описание аспектов языковой реализации концепта «коммуникация» на материале англоязычных онлайн изданий the Guardian и the Daily Mail.

Являясь объектом исследования различных наук, концепт трактуется по-разному. Взяв свое начало в таких науках, как логика, философия, математика, понятие концепта получило широкое распространение в лингвистике и лингвокультурологии. Теоретической базой исследования послужили работы С. Г. Воркачева, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, М. В. Пименовой, В. И. Карасика, Т. А. ван Дейка, Е. С. Кубряковой, Г. Г. Слышкина, Н. Н. Болдырева, Н. Ф. Алефференко, Р. Якобсона, Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, Т. Р. Копыловой и др.

Изучение понятия «концепт» зародилось в трудах представителей средневекового концептуализма. Концепты рассматриваются как универсалии, фокусируя в себе важную и актуальную информацию. Идеи средневековых ученых нашли свое отражение в лингвистических исследованиях 20 века Д. С. Лихачева, С. А. Аскольдовой, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, В. И. Карасика.

С позиции современной лингвистики термин «концепт» служит как форма представления знаний о мире. Однако существуют расхождения в терминологической базе, вызывающие семантическую путаницу. Так, Н. Д. Арутю-

нова, Д. С. Лихачев и Ю. С. Степанов называют эту форму «концептом»; В. В. Воробьев — «лингвокультуремой»; М. Ляхтеэнмяки, В. Н. Базылев — «мифологемой»; Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н. Г. Бурвикова — «логоэпистемой» [1, с. 237].

Ю. С. Степанов изящно характеризует концепт как, с одной стороны, сгусток культуры в сознании человека, с другой же — как то, что позволяет человеку реализовываться в культуре [3, с. 40].

По мнению лингвокультурологов В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина концепты имеют ряд базовых характеристик:

— концепт может актуализироваться не только в языке, но и в других сферах. Так, например, художественные концепты выражаются в музыкальных, архитектурных, театральных, кинематографических и других образах;

— одним из первостепенных признаков концепта является его ментальная природа. Концепт может быть вербализован языковыми средствами, тем не менее, как идеальная сущность, он ограничен рамками сознания, принадлежа к когнитивному уровню сознания;

— ценность концепта определяется тем, что он хранит и передает актуальные смыслы, значимые для того или иного периода исторического развития культурного сообщества;

— концепт формируется вокруг некой «сильной» (ценностно-ориентированной) точки сознания. Ядро концепта составляют самые значимые и актуальные образы для языковых личностей, а его периферию — менее значимые;

— концепт изменчив и событийен, так как его актуальность может варьироваться в связи с переменами, про-

исходящими в социуме. При этом, как понятийная и об-разная, так и оценочная составляющие концепта могут быть подвержены изменениям;

— концепт ограничен сознанием носителя. Выделяют индивидуальные, групповые (социокультурные), этно-культурные и общечеловеческие концепты. Из всех видов концептов индивидуальные — самые яркие и разно-образные;

— концепт многомерен, он состоит из рационального и эмоционального, конкретного и абстрактного [2, с. 13].

За всю долгую историю изучения концепта ученым так и не удалось прийти к единому мнению. Н. Ю. Шведова в основу своей классификации лингвокультурных кон-цептов заложила идею о выделении в концепте ядра и пе-риферии. На основании этого разграничения, концепты разделяют на «основные» (базовые) и «малые» (неба-зовые) [4, с. 508].

Проанализировав примеры из газетных статей англий-ской прессы, мы можем сделать выводы о структуре кон-цепта «communication», выделив его ядро и периферию.

Так, ядро изучаемого концепта составляют такие гла-гольные лексемы, как to tell, составляющая 12,3% от всех словоупотреблений; to announce, составляющая 5,2% и глаголами to offer (3,8%), to reveal (3, 8%): «*They will tell you that what has started to turn the tide is Sierra Leoneans mobilising as communities to stem the flood of new infections.*» (the Guardian); «*What assurances can they offer that they would be properly independent and wouldn't act as Elliott's placemen*» (the Guardian).

Существительными, формирующими ядро кон-цепта «communication», являются: report (9, 1%), infor-mation (3,8%), statement (3,8): «*The Australian em-bassy is endeavouring to gather as much information as they can so that we are better able to respond to the circumstances*» (the Guardian). Ядро лексико-семантиче-ского поля составляют лексемы с высокой частотностью, многозначные, в прямом значении стилистически ней-тральные, без эмоционально-экспрессивной окраски.

Ближняя периферия анализируемого концепта пред-ставлена широким рядом лексем: news (3,4%), relation-ship (3,4%), message (3, 4%), to deliver (2,5%), relation (2,5%), to share (2,4%), contact (2%), announcement (1,9%), to talk (1,9%), language (1,9%), letter (1,8%), conference (1,6%), story (1,5%), communication (1,5%), conversation (1,3%), data (1,3%), exchange (1%): «*Prin-cess of Cambridge, were said to have been 'doing well' when the news came shortly after 11 am today.*» (the Daily Mail); «*That's a message we have conveyed in the past and will continue to do so, so long as there's hope.*» (the Guardian).

Ряд синонимов to publish (0,9%), notice (0,7%), speech (0,6%), to spread (0,6%), advice (0,6%), business (0,6%), touch (be in touch, stay in touch, get in touch — 0,4%), dis-patch (0,4%), press release (0,4%), talk (0,4%), connection (0,4%), to inform (0,4%), to transfer (0,4%), publication (0,4%), to interact (0,2%), notification (0,2%), associa-

tion (0,3%), discussion (0,14%), supply (0,14%), to asso-ciate with (0,14%), knowledge (0,14%), a word (0,14%), a note (0,14%), to transmit (0,14%), line (0,14%), to let smb know (0,14%), to convey (0,14%) формируют дальнюю периферию концепта «communication»: «*The notice was, like last time, be printed on cream notepaper by Royal Warrant holders The Wren Press.*» (the Daily Mail); «*The connections run deeper*» (the Guardian).

Периферийный статус той или иной лексемы не указы-вает на ее маловажность в поле концепта, а лишь указы-вает на степень ее удаленности от ядра по уровню нагляд-ности и конкретности образного представления.

Можно утверждать, что концепт «communication» яв-ляется актуальным концептом английской лингвокультуры, так как его актуализация осуществляется посредством ши-рокого ряда лексем, то есть носители языка стремятся на-делить концепт разнообразными и многочисленными еди-ницами номинации. Рассмотрим некоторые из них.

Глагол to tell, входящий в ядро концепта «communi-cation», отличается наибольшей частотой употребления (12,3%). Основным значением глагола to tell является «communicate something if someone tells you something, they communicate information, a story, their feelings etc to you». Данная лексема, так часто используемая в га-зетных статьях, передает такие оттенки значения, как до-ведение до чьего-либо сведения, передача информации, чьих-то чувств или состояния. Подобные значения имеет и глагол to convey: «*The student said she has felt unable to tell police or her parents about the terrifying assault, and was receiving counselling.*» (the Daily Mail); «*That's a message we have conveyed in the past and will continue to do so, so long as there's hope*» (the Guardian).

Синонимы to announce и to inform близки по своему значению и так же служат для актуализации процесса пе-редачи информации, но несут в себе некий оттенок офи-циальности: «*The Queen, The Duke of Edinburgh, The Prince of Wales, The Duchess of Cornwall, Prince Harry and members of both families have been informed and are delighted with the news*» (the Daily Mail); «*Unnamed Princess's birth was announced this morning at the top of London's iconic BT Tower, with a rolling pink banner which proclaimed 'It's a girl!'*» (the Daily Mail).

Глагол to offer в актуализации концепта «communi-cation» передает готовность или желание предоставить что-либо в чье-либо распоряжение, оказать помощь, предложить сотрудничество: «*The London Eye even offered couples that share the same first names as The Duke and Duchess of Cambridge a free rotation today to celebrate the day the baby was born.*» (the Daily Mail).

Лексема information выражает сведения, знания, данные о положении дел, окружающем мире и процессах в нем, состоянии чего-либо: «*Commission may eventu-ally shape international regulations over access to, and ownership of, online information.*» (the Guardian).

Целью употребления лексемы-репрезентанты state-ment является необходимость подчеркнуть официальный

и публичный статус того или иного заявления в дискурсе СМИ: «*The former military ruler said in a statement issued by his All Progressives Congress party...*» (*the Guardian*).

Глагольная лексема *to reveal* используется в газетных статьях для представления какого-либо события или происшествия в истинном виде, *to reveal* означает делать что-то, что раньше было скрыто или неизвестно, явным и общедоступным: «*British police searching for Madeleine McCann are investigating ten more similar break-ins at holiday apartments in Portugal's Algarve, it has been revealed.*» (*the Daily Mail*).

Лексема *news* передает значение сообщения, известия, сведений о событии, произошедшем недавно или о том, что ранее было неизвестно: «*The BT tower celebrated the news with a rolling purple banner which read 'it's a girl' this afternoon in central London*» (*the Daily Mail*).

Целью употребления именной репрезентанты *message* является выражение информации в устной или письменной форме, передаваемой конкретному индивиду или широкой публике. В газетном дискурсе лексема *message* также довольно часто употребляется (17,3%) в значении короткого текстового сообщения: «*Dozens of other stars sent heartfelt messages to Ferdinand, including Wayne Rooney and Gary Lineker.*» (*the Daily Mail*).

Лексема *contact* близка по значению с именем анализируемого концепта лексемой *communication*, но несет в себе оттенок значения чего-либо масштабного и официального, передавая взаимодействие с людьми, с организациями и странами: «*In less than two months, 200,000 of the most isolated people had been reached through this personal contact.*» (*the Guardian*).

Являясь составной частью таких фраз, как *stay in contact*, *be in contact*, *come in contact*, *keep in contact* существительное *contact* может терять оттенок официальности и активно использоваться в газетном дискурсе при описании событий повседневности и неформальности: «*Although a little sad that we'd be forced to only stay in contact through Skype and Whatsapp.*» (*the Daily Mail*).

Лексема *announcement*, как и *statement*, выражает официальность заявления, но передает оттенок особой важности и значимости обсуждаемого сообщения или обращения: «*A Metropolitan Police officer stands in front of gathered crowds at Buckingham Palace after the announcement the royal baby had been born.*» (*the Daily Mail*).

Говоря о лексеме *language*, следует отметить, что данная языковая единица входит в ближнюю периферию концепта «*communication*», нацелена на передачу информации посредством знаковой системы, использу-

емой для коммуникации и познания людьми определенной страны или области: «*News outlets on every continent announced the birth of Britain's princess, with most favouring a simple headline of 'It's a girl!' in a various languages.*» (*the Daily Mail*).

Лексема *conference* используется в том случае, если процесс коммуникации проходит в формате публичной или же индивидуальной, но официальной встречи: «*For communication to succeed, there needs to be reinforcement through conferences, workshops, staff meetings and supervision.*» (*the Guardian*).

Целью употребления лексемы *story* выступает изложение фактов о недавних событиях действительности: «*CNN's website started its story with: 'The wait for the second royal baby is over. And it's a princess!'*» (*the Daily Mail*).

Посредством именной репрезентанты *conversation* передается неформальная или деловая беседа. Коммуниканты обмениваются идеями, мыслями, чувствами, новостями: «*A serious conversation about Scottish elections a year ago would have assumed that the nation was moving into a dual-loyalty pattern.*» (*the Guardian*).

Непосредственно лексема *communication* выражает широкий ряд значений и признаков, а именно: 1) процесс взаимодействия людей, стран, организаций при котором происходит обмен информацией, сведениями, идеями: «*Mugabe remains under EU sanctions and has no personal relationship with Cameron, but there is said to have been discreet communication between the two governments.*» (*the Guardian*); 2) передачу информации посредством технических средств (радио, телефон, компьютер): «*Patchy mobile telephone and email communication added to the slow progress of relief as Asia's poorest country reeled from its worst earthquake in eight decades*» (*the Daily Mail*); 3) сообщение, связь: «*This continues to be a major disaster, and logistics and communications in Nepal remain very difficult.*» (*the Guardian*).

Глагол *to spread* выражает передачу информации, процесс, в результате которого опыт, знания, сведения, известия становятся известными и применимыми широкой аудиторией: «*Information spread by radio and banners is not enough as in the longer term, relationships will need to be rebuilt between citizens and governments in countries affected by Ebola.*» (*the Guardian*).

Подводя итог, следует отметить, что нами были рассмотрены наиболее яркие лексемы, участвующие в вербализации концепта «*communication*». Данный концепт характеризуется регулярной разнообразной вербализацией, поддерживающей его в устойчивом состоянии, что обеспечивает его многостороннюю актуализацию в английском языке.

Литература:

1. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура. [Текст]/Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: Индрик, 2005. — 1038 с.

2. Карасик, В. И. О типах дискурса. [Текст]/В. И. Карасик. // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. — с. 5–20.
3. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. [Текст]/Ю. С. Степанов. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
4. Шведова, Н. Ю. К определению концепта как предмета языкознания. [Текст]/Н. Ю. Шведова // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: Сб. статей. М.: РУДН, 2006. — с. 506–510.

Студенческий сленг в историческом контексте

Горбачева Елена Юрьевна, старший преподаватель;

Осипова Кристина Сергеевна, студент

Донской государственный технический университет

Для того, чтобы провести сравнительный анализ парадигмы студенческого сленга, нам необходимо прежде всего дать определение понятию «парадигма».

Парадигма в широком смысле — любой класс лингвистических единиц, противоположных друг другу и в то же время объединённых по наличию общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации. Чаще всего совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями. В более узком смысле — это синоним термина «морфологическая парадигма», или система форм одного слова.

В зависимости от уровня, к которому относят определённый класс единиц, говорят о морфологических, синтаксических, лексических и словообразовательных парадигмах. В одну парадигму могут быть объединены языковые единицы, поставленные в соответствие одному объекту или явлению: значению, ситуации, слову, классу слов и т. п.

Понятие парадигмы было введено в античной грамматике для обозначения образца, отражающего видоизменение форм одного слова. Традиционный способ рассмотрения этих форм в латинских и греческих грамматиках состоял в распределении слов и их классификации по типам склонения для имён и спряжения для глаголов и в описании каждого типа таблицей парадигмой, к которой следовало обратиться, чтобы получить представление о формах других членов того же типа. Таким образом, классическая грамматика устанавливала не правила, а модели образования форм, предлагая их конечный набор списком; понятие морфологической парадигмы получило широкое распространение в научных и нормативных грамматиках как упрощающее описание языка и отражающее его системный характер и сделалось одним из кардинальных в описании морфологии флективных языков.

Пытаясь ограничить и уточнить критерии, на основании которых языковые единицы могут быть объединены в одну парадигму, некоторые учёные ставили, например, условие взаимозаменяемости или выполнения одной роли в системе языка — т. е. наличие определённого формального признака.

Понятие лексической парадигмы толкуются по-разному, чаще всего как объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическое сходство. В значениях слов одной лексической парадигмы обнаруживаются не только общие смысловые черты, но и дифференцирующие признаки. Иногда говорят о парадигматических отношениях в лексике, имея в виду связанность отдельных значений многозначного слова и его лексико-семантических вариантов.

Значительное распространение в современном языкознании получает понятие словообразовательной парадигмы, или парадигматического объединения слов; входящими в одну парадигму считаются однокорневые образования, которые созданы на одной и той же ступени деривации, или же производные, имеющие одну и ту же производящую основу и находящиеся на одной и той же ступени словопроизводства.

«Сравнительно-историческая парадигма была первой парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX век прошел под эгидой этой парадигмы. При системно-структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово», — пишет В. А. Маслова.

Вместе с тем, оценка традиционных парадигм показывает, на наш взгляд, их неоднородность. Так называемая «сравнительно-историческая парадигма» представляет собой отдельный, хотя и очень важный, метод изучения языка, в то время как системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы включают не только различные методы изучения, но и разное понимание самой природы языка.

Студенческий сленг в русском языке можно встретить более-менее сформированными лишь с начала 19 века. Можно выделить 3 этапа его развития, используя словари молодежного сленга, исторические, художественные и мемуарные книги.

Нижеприведенный язык студентов и школьников того времени является условным, он не указан в лексикогра-

фических сборниках 19-ого века, однако его можно встретить в письменных воспоминаниях учащихся (Помяловский, Грязный, Пришвин, Коротенко, Вересаев, Бобрыкин, Чарская и Энгельгардт). Также его можно встретить в автобиографических произведениях других авторов. Эти студенческие жаргонизмы были впервые собраны и опубликованы Анищенко в «Словаре русского школьного жаргона 19-го века» в 2007 году. В содержании словаря можно найти русскую нормативную лексику, ставшую студенческим жаргоном путем метафоризации и деривации и заимствования из различных языков (немецкий, латинский, французский, греческий).

В отличие от 19-го века, в начале 20-го наблюдается переход жаргонизмов из закрытых студенческих групп до более широких социумов. Этим студенческим сленгом пользуются уже не только студенты, но и рабочая молодежь с фабрик и заводов. Специальных словарей по этой теме еще по-прежнему нет, и весь жаргон встречается лишь в автобиографических воспоминаниях и исследованиях, посвященных этим жаргонизмам (работы Селищева и Копорского). Копорский выпустил маленький словарик, в котором собрал особенности студенческого сленга начала 20-го века, то есть употребление в речи арготизмов, которые уже были отмечены в работах Трахтенберга и Потапова. После всех изучений в первые 30 лет 20-го века наступает период молчания, так как вышел запрет на изучение молодежных жаргонизмов.

Сленг конца 20-го — начала 21-го веков фиксируется уже большим количеством словарей, которые начали издавать с 80–90-х годов и по сей день. Самые значимые из них — это «Большой словарь русского жаргона» (2000 г.) Мокиенко и Никитиной, «Словарь русского сленга (жаргонизмы 60–90-х; 1997 г.) Югановых, «Молодежный сленг — Толковый словарь» (2003 г.) Никитиной, «Большой словарь молодежного сленга» (2003 г.) Левиковой и «Словарь современного молодежного жаргона» (2006 г.) Грачева.

Большинство студенческих жаргонизмов присутствуют во всех вышеназванных словарях, а это значит, что молодежный жаргон является общим, с незначительной поправкой на регионы. Этот факт включает в себя общие жаргонизмы, которые в основном употребляет молодежь, и профессионализмы, где большей частью носителей является тоже молодежь.

В современном студенческом сленге пути роста точно те же, что и в 19–20-х веках, то есть метафоризация, деривация, использование арго и иностранных слов. Единственное важное отличие — в современном мире лексика молодежи пополняется в основном англицизмами, это объясняется тенденцией, присущей и обычному языку и тем, что английский — язык международный.

Чтобы проследить путь развития студенческого сленга 20-го века, нужно сравнить лексику, представленную в «Словаре русского школьного жаргона 19-го века» Анищенко и в «Молодежном сленге» Никитиной. Из тысячи слов, отмеченных Анищенко, 183 есть также и в сло-

варе Никитиной. Из 183 лишь семь употребляются в близких значениях: отшить (прервать отношения), Камчатка (последние парты), засохнуть (замолчать), классуха (классный руководитель), казенщик (прогульщик), козерог (студент-первокурсник), предки (родители).

Некоторые слова расширили свое значение. К примеру, бурсаки раньше были учащимися духовных училищ и русскими студентами Дерптского университета, а теперь это школьник или любой студент.

Большая часть одних и тех же жаргонных слов теперь употребляется в других значениях. К примеру, раньше пшиком называли с презрением воспитанника младшего класса, а теперь это коктейль. Такие разные по образованию жаргонизмы, как корова (получивший единицу ученик), матрешка (миловидный ученик) и коза (доносчик) сейчас обозначают шуточные наименования девушек.

На изменение значений старых жаргонизмов повлияли такие темы, как компьютер, наркотики и секс. В 19-м веке первые два понятия отсутствовали, а третье было табуированным. Даже если студенты использовали подобную лексику именно в этом значении, в своих воспоминаниях они это указать не могли.

Старый студенческий сленг встречается не только в современном молодежном жаргоне, но и в обычной разговорной речи, его можно найти, например, в «Толковом словаре русского языка» (2003 г.) Ожегова и Шведовой. К примеру, втирать очки (вводить в заблуждение), однокашник (товарищ по учению), нести ахинею (болтать вздор), ноль (ничтожный человек), отдуть (избить), надуть (обмануть), обставить (обогнать), оболтус (бездельник) и отпетый (безнадежный).

Из ряда жаргонизмов, выражающих, по свидетельству Н.Г. Помяловского, понятие кражи в бурсацком языке (сбондить, сляпсить, стибрить, объегорить, спереть, стилибонить), и вошедших в словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, некоторые не изменили или лишь частично изменили свое значение. Так, слово спереть сохранилось в том же значении («украсть») как просторечный вариант, объегорить употребляется в русском разговорном в значении «обмануть, перехитрить». Школяризм срезаться, употреблявшийся семинаристами и гимназистами XIX века в значении «не сдать экзамен», зафиксирован здесь в значении «потерпеть неудачу, провалиться» без помет «просторечное» или «разговорное». В современный нормативный язык вошли и такие школяризмы, как второгодник, отличник, перемена. Изучение истории русских школяризмов и арготизмов XIX — начала XX вв. показывает, что одни из них вошли в нормативную лексику, другие с теми же или совершенно иными значениями употребляются в различных жаргонах или в разговорной речи, а третьи в современном языке вообще не встречаются.

В словарях студенческого сленга есть ситуация переноса свойств с не человека на человека: клещ (юноша), клумба (глупая девушка), гусенок (подросток), шкаф (новый русский), жук (наемный убийца), телка (девушка). Некоторые метафоры являются одновременной ассоциацией боль-

шинства русскоязычной молодежи хобот (рот), дыня (голова), фары (глаза), плавники (руки), колеса (ноги).

В технике метафорического изменения распространена девиация, то есть, когда род «очеловеченного» значения слова не соответствует его биологическому слову. К примеру, амфибия (воспитатель), корова (получивший единицу ученик) и коза (доносчик).

В современном молодежном жаргоне можно заметить еще больше примеров на данное явление: горилла «телохранитель», собака «ефрейтор», забивала «форвард», указка «учитель», куропатка «мужчина блондин».

Следовательно, наметившееся в XIX в стремление к нейтрализации пола в номинации лиц получила свое дальнейшее развитие в современном жаргонном языке молодежи. Отметим то, что в русском школьном жаргоне развивается категория так называемого «общего рода» существительных (коза, корова), объединяющего в своих номинациях лиц безотносительно к их половой принадлежности.

В молодежном жаргоне представлены все основные виды словообразования конверсия, аффиксация, словосложение, сокращение. Эти процессы подробно изучались в исследованиях.

Есть еще особенность нашего языка, она заключается в употреблении различных сокращений. Это обуславливается языковой экономией и шифровкой информации. Например, ГЭЗЭ (главное здание), реп (репетитор), сакс (саксофон), препод (преподаватель), ДММ (девушка моей мечты), молчел (молодой человек), СМ (смени мозги), ОТЛ (обманул товарища лектора).

В нашем языке есть множество слов из студенческого сленга с суффиксом (-о), этот элемент особенно часто проявляется при образовании отглагольных существительных. К примеру, жевало (рот) и тискало (печать). Это также часто встречается в жаргонизмах компьютерной тематики. Например, считало (процессор), тормозило (компьютер), крутило (дисковод), визжало (матричный принтер), моргалo-пищало (модем), катало (мышка) и гляделo (монитор).

Также в студенческом сленге есть лексика, которая образовалась путем языковой игры. Это усеченная контаминация: тискотека (тискать, дискотека), драконат (дракон, деканат), замуч (завуч, мучитель), филолух (филолог,

олух), сабо самой (само собой) и сопромуть (сопромат, муть).

В развитии русского школьного жаргона большая роль отведена аргю. В молодежном жаргоне русского языка влияние аргю сохраняется до сих пор. Так, в «Словаре современного молодежного жаргона» М. А. Грачева (2006) арготизмы составляют более 10% от общего числа лексических единиц.

Во второй половине 20-го века развитие языка получило новые направления развития, а значит, изменился и студенческий сленг, которые не меняются самостоятельно, а лишь следуют за нормированным языком. Снижается влияние иностранных языков, которые были раньше (греческий, французский), им на смену приходит английский (вайфа (жена), фрешер (первокурсник), гудовый (хороший), сингер (певец) и вайн (вино).

Теперь появилась новая тенденция англицизмов. Сленг начал заимствовать из языка не только слова, но и лексемы: лайф (жизнь), хард (тяжелый), фэн (фанат), тин (подросток), лав (любовь), бэг (сумка) и кул (отличный).

Новые жаргонизмы часто заимствуются из английского, к примеру, чейндж (обман) — чейнджануться (обменяться чем-либо), флэт (квартир) — флэтер (хозяин квартиры), прайс (цена) — прайсовать (платить), фейс (лицо) — отфейсовать (избить).

В русском словотворчестве много заимствований: только от одного американизма дринк «спиртного напитка» в русском молодежном жаргоне образовано около 20 новых жаргонизмов (дринч/дринкач, дринкер, дринканутый, надринькаться и др.). Этот факт свидетельствует о том, что в русском молодежном жаргоне корпус заимствований значительно расширяется благодаря образованию многочисленных рядов однокоренных слов. Заимствования участвуют в образовании устойчивых словосочетаний: жить на аске «жить за счет попрошайничества», в полном райте «в полном порядке».

Если изучить словари, то в нынешнем студенческом сленге количество заимствований из английского в среднем количестве не больше десяти процентов. Сравнив показатель с показателем компьютерного сленга, который сформирован на основе американского английского, то можно утверждать, что студенческий сленг — национальное достояние русского языка.

Литература:

1. Анищенко, О. А. Наименования игр, шуток и развлечений в школьных жаргонах XIX века. Томск, 2003.
2. Балаян, Э. В. Метафора как основное средство номинации частей тела в молодежном жаргоне. Архангельск: Поморский гос. ун, 2005.
3. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII веков. М.: Высш. шк., 1982.
4. Гойдова, С. Молодежный жаргон в системе современного русского национального (общенародного) языка. М.: 2004.
5. Девкин, В. Д. Сленг пробивает себе дорогу в русской лексикографии. М.: Прометей, 2003.
6. Поливанов, Е. Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции. М., 1931.
7. Цибилова, О. В. Современный молодежный жаргон: проблемы лексикографического описания. Северодвинск, 2006.

Cultivation of Minority Language Students' Autonomous Learning Ability in Regular Institutions of Higher Learning

Foreign Languages College of Changchun University Gu Yang-Mei

Гу Янмэй, доктор, старший преподаватель
Чанчуньский университет (Китай)

The cultivation of university students' autonomous learning ability is a long-term goal for the foreign language teaching reform. The cultivation of autonomous learning ability has a profound influence on improving their ability of comprehensively using and practice of foreign language, and promoting their successful career. This paper analyzes the current learning status of minority language students in regular institution of higher learning, and makes some proposals for cultivating their autonomous learning ability in aspects of teacher, student and teaching resource, etc.

Keywords: *autonomous learning, regular institution of higher learning, minority language teaching, learning model.*

Since the idea of «autonomous learning» was put forward and introduced into China, it has caused wide attention in the field of education. Universities began to seek the way for cultivating undergraduate's autonomous learning ability in combination with their own teaching practice. In addition to making students accept the knowledge taught in class, the teaching task at undergraduate stage should also focus on the interest and need of individual, and emphasize their subjective initiative for effectively selecting learning contents, so as to achieve their best learning goal through actively processing knowledge. At present, it is a mainstream ideology to construct the cultivating model of autonomous learning ability in our national foreign language teaching reform.

As important components of foreign language teaching, there are both similarities and differences between minority language majors and English majors in undergraduate teaching. For university students learning minority language, they already have good ability to analyze and understand problems; therefore, in the process of learning a foreign language from «zero» starting point, it is helpful to improve students' learning benefit through cultivating their autonomous learning ability of setting learning goals and evaluating learning effect, etc. Meanwhile, taking the cultivation of students' autonomous learning ability as a long-term teaching goal is of great significance to deepen the reform and innovation of teaching method and teaching model.

1. Formation and development of autonomous learning theory

The concept of autonomous learning was first proposed and introduced into the field of foreign language teaching by Holec (1981). Holec let his students make decisions for their own learning; this teaching model was not teacher-centered, which puts forward a great challenge to the traditional teaching model. He thought the autonomous learning «an ability of learners responsible for their learning» in the process of learning. Dickinson (1995) considered autonomous learning as «a learning attitude and an independent learning ability». The research on cultivating model of autonomous

learning ability can be mainly divided into four stages: (1) build an autonomous learning center and create the best learning environment for learners; (2) introduce the cultivating model of autonomous learning into classroom teaching; (3) emphasize the role of teachers in the process of cultivating learners' autonomous learning ability; (4) popularize the teaching means of computer and multimedia, and engage in the multimedia-assisted autonomous learning, and the distance education and teaching such as online class, etc.

Since 1990s, domestic scholars also began to show their interest on the autonomous learning theory, introduced related foreign research achievements, and discussed how to domestically develop the cultivation of autonomous learning ability in the field of teaching. The researchers at home and abroad have developed their discussion of the autonomous learning from all aspects such as its definition, influencing factors and anticipated goal, etc., which laid theoretical foundation for cultivating students' autonomous learning ability in foreign teaching practice. Domestic scholars mainly discussed the feasibility and necessity of cultivating foreign language learners' autonomous learning ability, commonly by means of questionnaire survey (Chen Xiaoxiang, Xu Jinfen et, al.). The results showed that the autonomous learning ability of Chinese university students in foreign language is generally low, and proved the feasibility and necessity of carrying out autonomous learning for English teaching in higher institutions.

The so-called autonomous learning is, in teaching practice, to play both the leading role of teachers in teaching and the principal role of students in learning. Teachers ask questions and guide students to actively explore, which forms the best cooperation between both parties. It emphasizes the subjective initiative of students in autonomous learning for the purpose of achieving a more effective learning efficiency. Therefore, the key point of cultivating autonomous learning ability is how to play students' spirit of active participation so as to promote their positive thinking for satisfying their curiosity. Recently, the teaching ideas of cultivating learner's initiative and learner-centering have been the consensus in foreign language teaching field.

2. Main problems of minority language university students in learning

As a teacher in Japanese major, through the long-term teaching practice, questionnaire and after-class interview, etc., I found some problems for minority language students in regular institution of higher learning, which influence the cultivation of their autonomous learning ability.

The first problem is their high dependence on teachers. Currently, most minority language students in higher institutions haven't got rid of the learning model in high school. Although quality-oriented education has been gradually implemented in middle and high schools, there are hardly any research and attempt on autonomous learning ability. The learning manner of students is to passively accept knowledge taught by teachers due to the cruelty of university entrance examination. After entering university, the minority language teaching starts from letter writing and pronunciation, it causes their dependence on teachers. They hope teachers can arrange exercises, «weekly exam» and «monthly exam» in the teaching process, as well as much unified exercises and explanation before language level examination. The teaching model of «zero» starting point is mainly an «accepting» stage in pronunciation and primary grammar courses of the first year. The completion of task and passive acceptance of grammar and sentence pattern gradually shapes «lazy» students and makes them lose the initiative of actively exploring. This pure and blind method of accepting teaching content and teachers' viewpoint significantly limits the learning itself and is not good for students to play their learning potential of extensibility and criticalness, which will eventually affect students' knowledge construction and their formation of academic view.

Second, students have no goals and planning in the process of learning. After entering university, a current common problem for them is that they have no integrating plan on their four-year's learning and the orientation after graduation. After the nervous high school life, many freshmen begin to relax themselves and are lack of enough initiative to seek and extend, and also haven't clear plan to arrange their learning. Especially for the students of weak learning and self-discipline ability, facing the colorful life, they can't learn in a scientific and effective way. In addition, some students don't know and even can't do self-evaluation and self-diagnostics, which fundamentally cause that they are unable to adjust their learning methods and improve their learning effect. Consequently, some students are mediocre in their four-year's university life with general learning effect of professional knowledge.

Third, the cognitive abilities of students are varied. Language research scholar Sakaien divides the cognitive ability of students into three types: average type, analysis type and memory type. After middle and high schools' learning, although minority language students in university learn a foreign language from the «zero» starting point, they already have certain ability of analyzing and understanding.

Their study in senior grades gives priority to the cultivation of overall language proficiency instead of the instruction of sentence pattern and grammar, that is, to the emphasis on their comprehensive ability of listening, speaking, reading, writing and translating. Generally speaking, students with a strong interest in minority language and a balancing ability development are always excellent in comprehensive ability, especially the practical application ability, and in listening, speaking as well as grasping an article as a whole. Students of the memory type always remember words and fixed sentence pattern firmly and learn seriously, but make lots of mistakes in the exam with flexible question patterns. It shows their weakness in the comprehensive application ability, and that some even have problems in pronunciation and oral expression. Therefore, the traditional teaching model of knowledge instruction in class will cause some students losing their interest in learning minority language, because of the difference between individuals, which will result in the polarization in class after entering higher grades.

3. Countermeasures for cultivating students' autonomous learning ability

3.1 Changing teacher's teaching idea and promoting the professional teaching reform

Autonomous learning is not equivalent to the self-study without teacher's participation. In the process of cultivating students' autonomous learning ability, teachers need to change their teaching ideas and teaching role in class. Their function is changed from of purely infusing knowledge to answering questions, guiding students to explore and imparting the learning strategy to them; their role is changed from the knowledge instructor into the organizer, guider and coordinator of classroom activities. In traditional foreign language teaching class, teachers are the center of teaching activities; while in class of advocating students' autonomous learning, teachers should regard students as the teaching subject and promote the full play of their subjective initiative, so as to help them understand their own learning status and recognize their own learning responsibility. Meanwhile, teachers should also help students master the necessary skills and knowledge for autonomous learning and provide opportunities for them to practice autonomous learning. Teachers are responsible for providing enough material and designing a variety of teaching activities for students.

From the «learner-centered» teaching idea, teachers should attach importance to selecting learning material and developing learning task, and encouraging students to develop their independent and cooperative spirit. In students-centered classroom teaching, teachers use the heuristic, discussion and research teaching methods to develop single, double and group activities. By these ways, students can grasp the thinking methods of analysis, inference and judgment by participating in classroom activities, so as to gradually form their ability of independently solving problems. In extracurricular learning, students should consciously learn

to make decision of and arrange their learning, recognize and manage themselves, and effectively use their extracurricular and autonomous learning time.

In professional construction, an attempt on professional teaching reform should be developed to discuss new teaching methods, optimize the ratio of theoretical and practical courses, and build rational assessment system, so as to realize an assumption that can not only stimulate students' learning initiative, but also evaluate their learning effect in a scientific and objective way. Meanwhile, teachers should be able to find students' problems existing in the process of learning and provide guidance for their next learning stage.

3.2 Arousing student's learning interest and promoting their autonomous learning

The selection of minority language majors is generally based on students' personal interest or consideration for employment. Taking Japanese and Korean as examples, most of the students have access to the anime, TV plays, and Japanese and Korean popular culture before entering university, which becomes their initial motivation for major selection. Students always show great learning passion at the beginning of the entrance due to the entirely difference among minority languages and English. Therefore, teachers should pay attention to the cultivation of their interest, especially in the introduction stage of the first year, in combination with their psychological development features by using the means of network and multimedia, etc. and the forms of foreign language restatement and description, etc. to arouse their learning interest. By these ways, not only can students finish their learning task, but also their interest can be aroused. Teachers can effectively facilitate the change and optimization of students' learning styles in accordance with the requirements of courses and the students' features. At the same time, students should also enhance their learning interest cultivation by starting from knowing and learning a foreign language to realize their deeper understanding of a foreign country, so as to develop a habit of actively seeking and learning related knowledge.

3.3 Making full use of various teaching resources

A lot of foreign and domestic learning resources from the network can be used as the auxiliary material for language teaching. Rich network resources provide a relative open learning environment for students. Teachers can select the practical and interesting foreign language teaching material corresponding to the teaching content to let students auton-

omously practice their learning activities such as listening, speaking, writing and text study, etc. in order to stimulate their autonomous learning enthusiasm. They can also arrange the cultural activities such as singing, public speaking and dramatic performance, etc. outside the classroom to find and develop students' various ability so as to strengthen their language competence.

3.4 Cultivating student's ability of self-supervision, — control and -evaluation

At present, many university students are lack of the consciousness of self-supervision, — control and -evaluation. Teachers should guide students to build their goals for foreign language learning in combination with their own situation, and direct them to select the best learning manner. Students should autonomously set their learning goals and choose their learning material to cultivate their skills for independently exploring knowledge. Teachers should play their guiding role to help students make proper and effective learning plan according to their own situation, and periodically supervise their implementation of the learning plan. Students can find their own problems in learning through periodical self-evaluation, mutual evaluation among group members and teacher's assessment, and solve them timely.

4. Conclusion

The autonomous learning ability of university students has a direct influence on the learning process and results of minority language students. Therefore, teachers need to continuously explore in their teaching practice to create the best environment of autonomous learning for students and cultivate their autonomous learning ability, resulting from which students can actually grasp a foreign language skill through their conscious and autonomous learning. The cultivation of autonomous learning ability is not only the exploration to the minority foreign language teaching reform, but also an effective path for improving students' practical ability and a demand for training applied talents.

This paper is the preliminary achievement of the «Twelfth Five-Year» social science research project «Investigation and Research on Foreign Language Major Undergraduate's Autonomous Learning Ability in Regular Institutions of Higher Learning» (the Education Department of Jilin Province Ji-JiaoKeWenHeZi (2014) No. 302) of the Education Department of Jilin Province.

References:

1. Xu Jinfen. *Autonomous Learning Theory and Practice of University Foreign Language* [M]. China Social Science Publishing House, 2007.
2. Gao Jili. An analysis Overview of Domestic Foreign Language Self-learning Research Status [J], *Foreign Language Education*, 2005 (1).
3. Chen Xiaoxiang. Feasibility and Necessity of English Major Students' Autonomous Learning in Higher Institutions [J]. *Journal of Xi'an Foreign Languages University*, 2003 (3).
4. Wang Xin. Problem-based Learning: Discussion on Effective Methods of Students' Autonomous Learning Ability [J]. *Foreign Language and their Teaching*, 2007 (2).

5. Hu Xiaojing. Cultivating Model of «Classroom» Autonomous Learning Ability in foreign and Domestic Foreign Language Teaching [J]. Journal of Chongqing University of Technology, 2013 (2).

Традиции готической литературы в произведении Э.Т. А. Гофмана «Эликсир сатаны»

Макарова Екатерина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Гончаров Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный университет

Данная работа посвящена готическому роману, его предпосылкам и особенностям. В ходе работы была предпринята попытка ответить на вопросы: в чём заключается притягательность готического романа, чем объясняется интерес людей ко всему фантастическому и вызывающему страх, актуален ли готический роман в наше время. Объектом исследования является роман Э.Т. А. Гофмана «Эликсир сатаны», в котором, наиболее четко можно проследить развитие готической традиции.

Ключевые слова: готическая литература, готика, немецкая литература, Гофман.

Немецкая литература эпохи романтизма (XVIII–XIX вв) исключительно разнообразна. Дело в том, что Германия богата разного рода легендами и сказками, а немецким писателям свойственна необыкновенная изобретательность и буйство воображения. Немецкий романтизм довольно часто впадает в бесплодный мистицизм [1, с. 159], черты же готической литературы ярче всего прослеживаются в творчестве Эрнеста Теодора Амадея Гофмана.

Интересен следующий вопрос: чем объясняется популярность готической литературы по всему миру, ведь готическая эстетика напрямую связана с образом смерти. Ответ на него достаточно прост. Привлекательность «литературы ужасов» объясняется приятным чувством страха, которое, как это ни странно, является таким притягательным для многих людей, и заставляет их возвращаться к этой теме вновь и вновь.

Именно чувство страха толкает человека к глубоким размышлениям, открывает путь к философии и религии.

Советский психолог Михаил Хасьминский определяет чувство страха как производную неизвестности [2], то есть когда что-то скрыто и непонятно для человека, когда невозможно что-то предугадать. Незнание и неопределённость часто пугают, но вместе тем и увлекают человека. Пройдя же сквозь призму его воображения, это «неизвестное» может приобрести фантастическую окраску.

Уже в самом раннем фольклоре разных стран и народов можно встретить то таинственное и ужасное, что притягивает людей на протяжении многих столетий. В большинстве случаев это фантастическое обретает форму мифов, баллад, сказок и легенд. Именно они и явились поэтическим аналогом готической литературы.

В формировании готической литературы велика также роль преданий и суеверий. Бернар Ле Бовье де Фонтенель сказал: «Не обольщайся тем, что человеческий ум

постоянно стремится к истине. Человеческий ум и предубеждения — близкие соседи. Истине следует предавать обличье легенды, тогда она становится привлекательнее. Сказки нравятся даже тогда, когда в них нет ни слова правды. В обманчивом обличье правда легче доходит до ума человека и предубеждения воспринимаются им беспрепятственно, в нем они зарождаются и там обычно гнездятся, тогда как правда ему чужда [3].

Таким образом, мы рассмотрели предпосылки возникновения готического романа и подробно разобрали, что заставляло людей тянуться к «литературе ужасов», а теперь предлагаем проследить наличие традиций готической литературы в романе Э.Т. А. Гофмана «Эликсир сатаны».

Замысел романа «Эликсир сатаны» пришел к Гофману во время пребывания в Бамберге, именно готический облик и дух данного католического города подарили писателю материал для работы [1, с. 150]. В этом городе писатель посетил капуцинский монастырь, и некий брат Кирилл рассказал ему о своём прошлом, которое, возможно, и легло в основу образа главного героя произведения. Также в Бамберге Гофман лично встретился с докторами, которые познакомили его со своими самыми «интересными» пациентами с психологическими и умственными расстройствами.

Главной темой произведения является проблема духовного помрачения личности. Новаторство Гофмана заключается в том, что данную тему он использует в качестве предлога для описания интересных и неординарных ситуаций, и раскрывает её в рамках фантастического сюжета [1, с. 153].

Читателя невольно пронзает дрожь ужаса при описании многих созданных Гофманом персонажей. Например, признак, который видится Медарду во сне, описывается как человек, лицо которого покрывала «чёрная

запущенная борода, а в глазах пылало безумие» (4, с. 56). Постоянно встречающийся образ «грозного Незнакомца», при виде которого цепенел Медард, не может оставить равнодушным не только главного героя, но и, ни одного читателя.

Медарду постоянно мерещится, что у него на глазах совершаются невероятные происшествия, он готов верить всему, что посылает ему его буйное воображение. Рассказы матери так глубоко запали в душу героя, что ему кажется, что он и сам видел, описываемые ей картины.

Он тоскует по своей родине, ему видится огромная пропасть, навеки разделяющая его с ней. Томление, наполняющее душу, сменяется «неисцелимыми муками». Медард испытывал неопишемую горечь, чувствую себя «одиноким среди оживленной толпы» (4, с. 48). Никто не знал его на новом месте, и он самому себе представлялся призраком, который бродит по земле, когда всего родственники погибли. Тема смерти встречается в данном произведении ещё не один раз.

Среда, в которой довелось жить герою, угнетала его. Медард ставил себя выше общества, по его убеждению, он не принадлежал ни миру, ни людям. Он считал себя ангелом, которому «свыше предначертано скитаться по земле» (4, с. 13)

Частотен для «Эликсира сатаны» мотив рока: «Жизнь вставала передо мной словно мрачный, непроницаемый рок, и мне, изгнаннику, не оставалось ничего другого, как отдаться на волю неотвратно уносящего меня течения. Оборвались все нити, некогда привязывающие меня к определённым условиям жизни, и мне не за что было ухватиться, нигде было найти опору!» (4, с. 44).

Герой полагал, что Рок правит всеми людьми и от него не удастся уйти абсолютно никому. По мнению Медарда именно «неисповедимый рок» тесно связал судьбу Аврелии с его судьбой. В ходе своих размышлений о роли рока, герой приходит к мысли о том, что он и сам есть этот «необратимый Рок». Именно поэтому Аврелия должна была стать его, ибо этого хочет Рок, а от него, как говорилось ранее, не уйти.

Но вскоре герой понимает, что он всего лишь стал «жалкой игрушкой злой таинственной силы», которая опутала его нерасторжимыми узами. Считая себя свободным, он только бегал по клетке, в которую его навеки заперли (4, с. 63).

По мнению главного героя, лишь после смерти обретается блаженство любви, и открываются её сокровенные тайны: «смерть для нас — это посвящение в таинство любви!» (4, с. 83). Тем не менее, в жизни герою тяжело совладать со своим безумным порывом страсти к Аврелии, при виде которой молнии прорезали ему душу.

Что касается других героев произведения, то они также созданы в контексте готической традиции. Охотник, встреченный Медардом совершенно случайно, описал ему встречу с человеком, который походил «на самого Сатану». Несколько лет подряд лесники слышали «ужасный

вой» из леса, в котором было мало человеческого. И, тем не менее, это был живой человек, которого прозвали «лесным призраком», так как он более был похож на зверя или какого-то чудовища (4, с. 59).

«Леденящий, смертельный холод» пронзает из раза в раз не только главного героя, но также Аврелия признаётся, что её уже давно преследует «страшное видение» и разнообразные «ужасные образы» то и дело встают между ней и Медардом (4, с. 109).

«Пылающие недобрым огнём глаза», «смертельно-бледное, искаженное тревогой лицо», «угрюмый, замкнутый», «снедаемый тайной тоской Франческо», «мертвенно-бледные, скелетообразные» люди в лазарете, дико хохочущий монах, то и дело раздающий ужасные вопли, от которых «струхнул бы и храбрец»: такие описания персонажей, встреченные на страницах «Эликсира сатаны» позволяют отнести данное произведение к жанру «ужасной» готической литературы.

Традиции готической литературы проявляются также и в образах природы романа.

В романе мы встречаем описание «сумрачного леса» в ночной тиши (4, с. 2), а также описание «наводящего ужас» дикого ущелья, которое открывается путнику, когда тот выходит из густого леса к «мрачному обрыву» [4, с. 51]. Выбор прилагательных показывает, какую атмосферу хотел создать Гофман в своём произведении: мрачную и пугающую. «Эликсир Сатаны» это роман готического жанра и тон повествования полностью соответствует ему.

На читателя также наводит ужас сцена описания природы, когда Медард ехал «тёмной ночью» в полном одиночестве по густому лесу. Небо заволочло тучами, которые всё темнели и темнели и, «сгрудившись под напором бурного ветра, стремительно мчались над ними; грозно, тысячекратным эхом перекачивался гром, красные молнии загорались по всему горизонту, насколько хватало глаз; потрясаемые до самих корней, скрипели высокие ели, потоками лил дождь» (4, с. 54). В эту ночь герою ежеминутно грозила опасность быть раздавленным упавшим деревом или же затеряться в дремучем лесу. Гофман мастерски описывает чувства Медарда в эти страшные моменты. Писатель делает это настолько виртуозно, что у читателя то и дело захватывает дыхание и усомниться в страхе героя становится невозможно.

В одной из сцен монах, встреченный Медардом в лесу, рассказывает о том, что его спасло из пожизненного заточения в тюремной темнице. Неожиданно поднялся ураган, задрожали сцены, и прахом рассыпалась тюремная решётка. Также «набежали черные тучи и снова зашумел вихрь». После потери сознания, герой проснулся уже в лесу (4, с. 62).

Тема мрачного леса звучит в «Эликсире сатаны» довольно часто. Так, например, однажды, в «сгущающихся сумерках», на фоне «мрачного леса» перед героем стали ясно выступать образы из его прошлого. Он увидел «смертельно бледную мать», не сводившую с него своих «горящих чёрных глаз». Более того, с ее рук капали капли

крови (4, с. 63). Более мрачной и пугающей сцены и придумать было нельзя.

Таким образом, можно сделать вывод, что автор, описывая те ужасные сцены, что видит герой, пытается воздействовать на читателя. Он хочет, чтобы тот испытывал чувство страха вместе с героем, ведь это и есть основная задача готического романа. Описание природы является одним из самых интересных в романе, так как именно природа передаёт чувства главного героя, его тревогу и душевные переживания.

Роман Э. Т. А. Гофмана основан на чувстве страха, нам представлен мрачный, загадочный, фантастический мир, в котором то и дело встречаются сверхъестественные элементы. Сюжет сводится к таинственным преступлениям брата Медарда и его двойника. Главный герой отмечен печатью рока и демонизма. Свыше им руководит тёмная, непреодолимая для человеческой воли, магическая сила. Всё это позволяет судить о принадлежности «Эликсира сатаны» к жанру готической литературы.

Места, в которых происходит действие в романе, также характеризуют произведение как готическое. Это:

Литература:

1. Виткоп-Менардо, Г. Э. Т. А. Гофман. — Челябинск: Урал, 1999. — 320 с
2. Хасьминский, М. И. Анатомия страха [Электронный ресурс] // URL <http://www.pobedish.ru/main/strah?id=189> (дата обращения 10.11.2015)
3. Фонтенель, Б. Б. Разговоры о царстве мертвых и новейших лиц. — СПб.. 1821
4. Гофман, Э. Т. А. — Эликсир сатаны: Ижевск: Квест, 1992. — 165 с

сумрачный лес, тёмный монастырь, средневековое поместье, готический замок, мрачная темница или же парк в ночной тиши.

Интересна система образов в романе и описание их внешности. Род главного героя проклят небом. Медард послан на землю, чтобы искупить грехи его предшественников. По жизни главного героя ведет таинственный, «необратимый Рок».

Героями произведения являются монахи, леди и графы, часто встречается образ «грозного Незнакомца», герою постоянно мерещатся мрачные фигуры, глаза которых «горят огнём», а с рук на землю стекают капли крови. Таким образом, система образов и описание персонажей произведения также построены в готической традиции.

Подводя итог, заметим, что обилие теоретических работ на данную тему, множество кинематографических картин с таинственным сюжетом, разворачивающимся в средневековых готических замках, а также тот факт, что в последнее время многие писатели возвращаются к жанру готической литературы, позволяют судить об актуальности данной темы в настоящий момент.

The verb: aspect and its main using in sentence

Мамадалиева Сусанна Атамовна, преподаватель;
Амирова Зохида Ориповна, преподаватель;
Окбоева Зулфия Бобоназаровна, преподаватель
Каршинский государственный университет (Узбекистан)

It is but natural that the verb should take up as much, or indeed, more space than all the other parts of speech we have so far considered, put together. It is the only part of speech in present-day English that has a morphological system based on a series of categories. It is the only part of speech that has analytical forms, and again the only one that has forms (the infinitive, the gerund and the participle) which occupy a peculiar position in its system and do not share some of the characteristic features of the part of speech as a whole [1].

In analyzing the morphological structure of the English verb it is essential to distinguish between the morphological categories of the verb as such, and the syntactic features of the sentence (or clause) in which a form of the verb may happen to be used. This applies especially to the category of voice and, to a certain extent, to the categories of aspect and tense as well.

The order in which we shall consider the categories of the verb may to a certain extent be arbitrary. However, we should bear in mind that certain categories are more closely linked together than others. Thus, it stands to reason that the categories of aspect and tense are linked more closely than either of them is with the category of voice. It is also plain that there is a close connection between the categories of tense and mood. These relations will have to be borne in mind as we start to analyze the categories of the verb.

One last preliminary remark may be necessary here. It is always tempting, but it may prove dangerous, to approach the morphological system of the verb in one language from the point of view of another language, for example, the student's mother tongue, or a widely known language such as Latin. Of course the system of each language should be analyzed on its own, and only after this has been done should

we proceed to compare it with another. Anyway the assessment of the system of a given language ought not to be influenced by the student's knowledge of another language. Neglect of this principle has often brought about differences in the treatment of the same language, depending on the student's mother tongue [2].

We shall begin the analysis of each verbal category by examining two forms or two sets of forms differing from each other according to that category only [1].

There are two sets of forms in the Modern English verb which are contrasted with each other on the principle of use or non-use of the pattern «*be* + first participle»:

Writes — *is writing*

wrote — *was writing*

will write — *will be writing* *has written* — *has been writing*

These two sets of forms clearly belong to the same verb *write* and there is some grammatical difference between them. We will not here consider the question whether the relation between *writes* and *is writing* is exactly the same as that between *wrote* and *was writing*, etc. We will assume that it is the same relation.

What, then, is the basic difference between *writes* and *is writing*, or between *wrote* and *was writing*? If we consult the definitions of the meaning of *is writing* given in various grammar books, we shall find, with some variations of detail, that the basic characteristic of *is writing* is this: it denotes an action proceeding continuously at a definite period of time, within certain time limits [2]. On the other hand, *writes* denotes an action not thus limited but either occurring repeatedly or everlasting, without any notion of lasting duration at a given moment. It should be noted here that many variations of this essential meaning may be due to the lexical meaning of the verb and of other words in the sentence; thus there is some difference in this respect between the sentence *the earth turns round the sun* and the sentence *the sun rises in the East*: the action mentioned in the former sentence goes on without interruption, whereas that mentioned in the latter sentence is repeated every morning and does not take place at all in the evening, etc. But this is irrelevant for the meaning of the grammatical form as such and merely serves to illustrate its possible applications.

The basic difference between the two sets of forms, then, appears to be this: an action going on continuously during a

given period of time, and an action not thus limited and not described by the very form of the verb as proceeding in such a manner.

Now, the question must be answered, how should this essential difference in meaning between the two sets of forms be described. The best way to describe it would seem to be this: it is a difference in the way the action is shown to proceed. Now this is the grammatical notion described as the category of aspect with reference to the Slavonic languages (Russian, Polish, Czech, etc.), and also to ancient Greek, in which this category is clearly expressed [3].

As is well known, not every verb is commonly used in the form «*be* + first participle». Verbs denoting abstract relations, such as *belong*, and those denoting sense perception or emotion, e. g. *see*, *hear*, *hope*, *love*, seldom appear in this form. It should be noted, however, that the impossibility of these verbs appearing in this form is sometimes exaggerated. Such categoric statement give the reader a wrong idea of the facts as they are not verified by actual modern usage. Thus, the verbs *see*, *hope*, *like*, *fear* and others, though denoting perception or feelings (emotions), may be found in this form, e. g. *It was as if she were seeing herself for the first time in a year*. The form «*be* + first participle» is very appropriate here, as it does not admit of the action being interpreted as momentaneous (corresponding to the perfective aspect in Russian) and makes it absolutely clear that what is meant is a sense perception going on (involuntarily) for some time.

So the shades of meaning differentiating the two aspect forms are strong enough to overcome what one might conventionally term the «disclination» of verbs of perception towards the continuous aspect [4].

We also find the verb *look* used in a continuous form where it means 'have the air', not 'cast a look': *Mr March was looking absent and sombre again*. (SNOW) This is appropriate here, as it expresses a temporary state of things coming after an interruption (this is seen from the adverb *again*) and lasting for some time at least. Compare also the verb *hope*: *You're rather hoping he does know, aren't you?* (SNOW) If we compare this sentence and a possible variant with the present indefinite: *You rather hope he does know, don't you?* we shall see that the original text serves to make the idea of hope more emphatic and so the form of the continuous aspect does here serve a useful purpose.

References:

1. O. Jespersen, «The Philosophy of grammar». 1978.
2. Н. Ф. Иртенёва, «Грамматика английского языка». 1956.
3. Н. Ф. Иртенёва, «Современности английского языка».
4. И. П. Иванова, «Вид и время в современном английском языке» 1961, Н. Sweet, «A New English Grammar». Part I.

Некоторые рассуждения в отношении дастана Абдурахмана Джами «Лейли и Меджнун»

Мамадалиева Зухра Умаралиевна, кандидат филологических наук;
Шодиев Одилжон Фуркат угли, студент
Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

Любовь — самая красивая легенда, любовь — самая приятная мелодия.
Абдурахман Джами

Одним из факторов, прославляющих человека, обогащающих его духовный мир, делающих его достойным человеческой степени — это чувства любви и преданности. Где есть любовь, там нет места злодеянию, любящее сердце склонно только к благим делам. Поэтому в восточной литературе воспевалась божественная любовь к Аллаху. Одним из таких поэтов в восточной литературе, завоевавших славу своими произведениями на тему любви является Мавлана Абдурахман Джами.

Абдурахман Джами написал несколько произведений на любовную тему: «Юсуф и Зулейха», «Саламон и Абсол», «Лейли и Меджнун». Но дастан «Лейли и Меджнун» занимает в этом ряду отдельное положение. Обращая внимание на время создания этого дастана, мы понимаем, что Джами создавал его, будучи в преклонном возрасте. Поэтому вступление произведения начинается темой старчества. В период создания дастана поэт не скрывает своего возраста:

*Keksalik g'amidan qorayib kunim,
Keksalik g'amidan qorayib kunim,
Oh, desam, samoni qoplar tutunim... [1, 8]*

Первичное положение темы любви в произведении поэт выражает так:

*Ishq tufayli odam odam bo'lg'usi,
Ishq tufayli do'stlar hamdam bo'lg'usi. [1, 11]*

Этими строками поэт утверждает, что если человек не горит в огне влюбленности — он не человек. Говоря о цели создания своего произведения, Джами отмечает, что ранее уже создал дастан «Юсуф и Зулейха», который в народ был принят очень хорошо. Но поэт говорит, что еще не утолил свою жажду в саду любви, а птица души его ищет замену и эта птица, в конце концов, выбирает Меджнуна. Здесь он также говорит, что до него на тему любви уже писали два наставника:

*Ganjaning ganjidan u sochdi gavhar,
Va Hinddan to'tidek bu sochdi shakar. [1, 11]*

Автор пишет, что, отправившись в путь на иноходной кобыле за двумя наставниками-поэтами, просит у Аллаха подать ему вина бессмертия. После этого в традиционной форме просит вина у виночерпия. Затем идут воспоминания о Навои, о котором он говорит, что он умел мелодией лечить души. И далее следуют основные главы дастана.

Основная разница этого произведения от произведений других хамсаписцев восточной литературы в том,

что в нем нет описания страданий предводителя омирйцев от отсутствия у него детей. Напротив, Кайс представлен как последний ребенок предводителя. В действительности, в каждом дастане «Лейли и Меджнун», созданном до этого дастана, персонаж Кайс представлен долгожданным ребенком предводителя.

Образ Кайса, созданный в произведении Джами, представлен очень поэтично: в свои четырнадцать лет он был красив как молодой месяц, его высокий светлый лоб, обрамленный черными прядями волос, густые брови очаровывали с одного взгляда на него.

*Sevgidan yaralsa kimning tuprogg'i,
Ko'ngil lavhasiga bo'lar ishq dog'i. [1, 16]*

Качества Меджнуна, переданные Кайсу в этом произведении, описываются в своеобразной манере — отмечено, что еще до встречи с Лейли Кайс обращал внимание на красивых девушек. Поэтому народ называет его Меджнуном. В произведении повествуется о том, как Кайс, пройдя много препятствий, встретил на своем пути женщину по имени Карима. Эта встреча очень сильно действует на Меджнуна. Но во время беседы Кайса с Каримой происходит неожиданное — к ним издалека приближается чужой парень и невольницы Каримы с криками бегут в его сторону. Кайс начинает понимать, что истинная верность направлена только к Аллаху и говорит самому себе:

*Bavafo yorlardan kechib ey ko'ngul,
Hijron burchagida yashashga ko'ngil. [1, 20]*

Этим эпизодом Джами еще раз показывает, что истинная любовь может быть обращена только к Аллаху. После этого Кайс-Меджнун начинает искать настоящую любовь и этот символ любви он слышит в описании Лейли. Чтобы удостовериться в этом и увидеть ее, он отправляется в ее племя и сразу в нее влюбляется. Лейли тоже в него влюбляется. Каждый вечер Меджнун жаждет встречи, стремится к ней, ночи разлуки проводит без сна. Однажды, устав от разлуки с Лейли, Кайс садится на верблюдицу и собирается в путь. Но у верблюдицы остается детеныш и она не желает даже двигаться со стойбища. Меджнун чувствует ее мучения, понимает ее горе:

*Meni deb oldinga yursa u agar,
Bolasini qo'msab joni uzular...
Yaxshisi men undan qilmasdan gina
Har kim o'z yo'lida ketsin jimgina... [1, 30]*

Кайс отпускает своего верблюда и отправляется в путь к Лейли. Этим Джами хотел сказать, что печаль разлуки может понять только душа, сама пережившая мучение расставания.

В заключение хотелось бы сказать, что дастан «Лейли и Меджнун» Джами — это величественное произведение, воспевающее божественную любовь и которое не-

пременно должно быть прочитано каждым. В отличие от своих предшественников-хамсаписцев Джами создал совершенно новые повороты сюжетной линии, обогатил систему образов и главное, он смог логически обосновать, что настоящая истинная любовь может быть лишь в Вере и направлена на единого Аллаха.

Литература:

1. Abdurahmon Jomiy. Layli va Majnun (Olimjon Bo'riyev tarjimai). T.: G'afur G'ulom nomidagi Adabiyot va san'at nashriyoti, 1989.

Образы сада, парка, цветов в «Путевых письмах» Мэри Монтэгю

Нагорнова Екатерина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов

Природа заняла особое место в художественной сфере уже на рубеже XVII—XVIII веков. Об этом свидетельствует стремление авторов произведений уйти в мир пасторали, эклоги (Дж. Помфрет «Выбор» (1690), Н. Тейт «Невинный Эпикур, или Искусство рыболовства» (1697), Дж. Филиппс «Сидр» (1708), А. Поуп «Пасторали» (1709), Дж. Свифт «Городская эклога» (1710), Дж. Гэй «Сельские досуги» (1713), А. Поуп «Виндзорский лес» (1714), М. Монтэгю «Городские эклоги» (1715), Жд. Томсон «Времена года» (1830), Дж. Лилло «Сивилья, или Деревенские похороны» (1830), У. Сомервилль «Охота» (1835), У. Коллинз «Персидские эклоги» (1742) и другие), где образ сельской природы выступал наиболее благоприятной средой обитания для человека. В это время «пастораль» выступила, скорее, не в качестве литературного жанра, а в качестве мировоззрения, особой точки зрения на действительность, возросшей чувствительности, возродившейся потребности человека в идеализации сельского образа жизни в гармонии с природой. Это выразилось в повышенном внимании к природе в целом, что, в свою очередь, привело к новому отношению к пейзажу как элементу повествования в литературе и как изобразительному жанру в живописи. Поэтому образ природы, входя в литературу XVIII века, привнёс множество коренных изменений в структуру произведения.

Именно с Мэри Монтэгю начинается культура не только исторического мышления и видения природы, но и эстетическая культура лирического, чувственного отношения к природе, как истинной красоте, высшему искусству. Разрушается традиционный подход к идеализации природы, приданию ей правильных, точных, симметричных форм в соответствии с принятыми в искусстве нормами. Пересмотр ценностей открывал для путешественницы много нового и интересного во время совершения поездки. Сухие, документальные заметки, днев-

никовые записи путешественников конца XVII — начала XVIII века становились не только красочными, но и чувственными зарисовками, чему способствовал субъективный взгляд на действительность, возможность передачи всевозможных оттенков, изменений в окружающем и в личности самого героя или автора.

В лирическом пейзаже «Путевых писем» Мэри Монтэгю вновь появляется образ сада или парка. Писательница делает этот природный объект одним из основных для своей героини. Он становится своеобразным лейтмотивом не только городского и философского пейзажей, но и пейзажа души, в котором раскрывается тонкая, поэтическая, нежная натура путешественницы, её способность улавливать красоту и поэзию в шелесте кипариса и пении птиц. Этот образ будет побуждать героиню к рефлексии, углублению в свои чувства. «Эстетика парка, как и сада, — по замечанию Х. Николсон, — по крайней мере, до конца XVIII века исходила из мысли о том, что сад — это подобие рая, и находящийся в нём человек возвращается к состоянию изначальной чистоты и невинности» [1, Р. 230]. Раем и представляется героине писем Голландия, Италия, Франция, Турция. В раю человек испытывает высшее блаженство, удовлетворение. Ему спокойно и комфортно среди уюта и изобилия, поэтому он живёт в раю в своё удовольствие. Здесь всё прекрасно и восхитительно. Раем на земле для героини выступают сады и парки Востока. Попадая в такие райские места, она не перестаёт восхищаться садами как продуктом синтеза человеческого труда и сил природы. Путешественницей описывается не каждый сад и парк, увиденный ею, она говорит, что некоторые из них видела лишь издали. Но этого достаточно для неё, чтобы представить, как они великолепны и совершенны, какое царство уюта, красоты и величия они представляют. Ведь даже небольшой садик городского садовника, описанного

в письме к А. Поупу из Адрианополя от 1 апреля 1717 года («To Mr. P_ [Pope]», Adrianople, April 1, O. S. [1717]), так мил и хорош, и сам садовник кажется одним из счастливейших жителей в Турции. В одном из описаний таких пейзажей может показаться, что героиня сама готова прожить всю жизнь в парандже ради того, чтобы каждый раз, снимая ее в этом саду, наслаждаться общением с природой, тишиной, блаженствовать в тени роскошных деревьев, внимать пению птиц, вдыхать ароматы цветов.

В следующей зарисовке в письме, написанном из Константинополя от 4 января 1718 года и адресованного миссис Тислвейт («To Mrs. T [Thistlethwayte]», Pera of Constantinople, Jan. 4, O. S. [1718]), Монтэю называет казальсь бы обычные природные объекты — цветы: «I am now sitting, this present fourth of January, with the windows open. Enjoying the warm shine of the sun, while you are freezing over a sad sea-coal fire; and my chamber sat out with carnations, roses, and jonquils, fresh from my garden» [2, P. 348] (Мне бы хотелось рассказать тебе о некоторых вещах, которые мне здесь нравятся. Здешний климат — самый удивительный и благоприятный. И сегодня, четвёртого января, я сижу с открытым окном и наслаждаюсь тёплыми лучами солнца, я представляю сейчас тебя в печальной обстановке у камина, а в моей комнате так уютно от аромата свежесорванных из моего сада гвоздик, роз, нарциссов, которыми она украшена) (подстрочник автора статьи).

Но наше воображение обладает способностью по отдельным предметам, деталям воссоздавать картины того, что мы когда-то видели. Так, с определёнными образами в нашей памяти ассоциируются и прекрасные творения природы — цветы. И для ещё большей убедительности Монтэю использует противопоставление приятной обстановки, в которой находилась героиня, и не совсем уютной атмосферы, в которой миссис Тислвейт, должно быть, читала это письмо, написанное четвёртого января, полученное чуть позже, в холодное время года.

Цветы — это всегда праздник, торжественность. Они всегда приятны взгляду, потому что являют собой совершенство и красоту. Человек испокон веков стремится окружить себя цветами, наполняя свою жизнь нежностью. Он украшает цветами своё жилище, делает их даром и знаком любви, уважения, признания. Сладостный аромат каждого растения так же неповторим, как и его форма, цвет. Он воздействует пьяняще на чувства и ощущения, часто доставляя удовольствие и наслаждение, реже раздражая и возбуждая негативные эмоции. Воздействуя на многие из чувств, цветы являются главными их возбудителями. Всмотриваясь в изгибы лепестков, можно уловить некоторое движение, происходящее с ними, их слабое дыхание, ощутить жизнь в этих прекрасных созданиях. Так, находясь в комнате, уставленной цветами, нельзя не заметить яркости их красок, совершенства формы, не внять их запаха, свежести их аромата. Человек становится другим на какое-то время, преобразуется, отвлекается от жизненной рутины и повседневности. Возможно, он погружа-

ется в мечты и представляет себя другим созданием. Сама героиня, оказываясь окружённой изобилием самых прекрасных цветов и деревьев, готова раствориться в них, перевоплотиться в цветок, чтобы испытать всю прелесть причастности к природе. Все эти мысли и чувства охватывают нас при чтении всего лишь нескольких строк декоративного («цветочного») пейзажа.

В письме аббату Конти из Константинополя от 29 мая 1717 года («To the Abbot- [Abbot Conti]», Constantinople, May 29, O. S. [1717]) встречается еще один подобный пейзаж. О цветах здесь ещё сказано немного: «огромное количество», «всевозможные цветы и травы», «в цветущем», «исходит пленительный аромат». Но этого оказывается достаточно, чтобы оказать воздействие на органы восприятия, память, возбудить не только определённый поток чувств, но и воображения: «I have had the advantage of very fine weather all my journey; and the summer being now in its beauty, I enjoyed the pleasure of fine prospects; and the meadows being full of all sort of garden flowers and sweet herbs, my berlin perfumed the air as it pressed them» [2, P. 326] (Мне повезло с прекрасной погодой в течение всего моего путешествия, лето было в своей лучшей поре, в самом разгаре, и я наслаждалась прекрасными природными ландшафтами, в лугах было огромное количество всевозможных цветов и трав, которые были в цвету в это время, и от которых исходил пленительный аромат, когда мой конь мял их копытами). Цветы как бы являются хранителями того эликсира блаженства и удовольствия, который выходит из-под примятых лошадьми лепестков.

Этот пейзаж напоминает иной, написанный другим человеком в другой стране, в другое время. Главным объектом в нём тоже выступали цветы, которые топтал лихой конь лирического героя. Это стихотворение русского поэта Толстого А. К. «Колокольчики мои...» Всадник обращается к ним с просьбой не грустить и не обижаться на него, называет их ласковыми именами. А цветы, как живые, смотрят на него с укором. В отличие от Толстого, М. Монтэю не описывает своих чувств так подробно. Она лишь восхищается красотой природы. Но любование ландшафтом, переживание героини представлены наглядно, подчеркнуты эпитетом «пленительный».

Описания природных ландшафтов Монтэю, пейзажи местных окрестностей не есть нечто застывшее, неподвижное. Плещущаяся рыбка в садке, разведение костра, на которой пожарят эту рыбу, шелест листвы, играющие лучи солнца оживляют пейзаж. Удя рыбу, героиня одновременно предаётся наслаждению природой, её звуками и запахами, красками и формами: «Trees wave overhead, grapes are swelling on the lash arbors of vines all round me, and the sun glinting through gives a peep of the flowers and herb beds and vegetable garden behind. The shrill not of a peacock disturbs the quiet a blackbird in vexation gives a low whistle and is off across the water to the woods beyond...» [3, P. 155] (Деревья шумят над головой, кисти винограда повсюду наливаются на лозах, опутавших беседку со всех сторон, пробивается сияющее солнце, украдкой погля-

дывая на цветы, на зелёный ковёр, на огород расположенный за мной. Даже петухи затихли и не нарушают установившейся тишины своим криком, лишь встревоженный скворец, тихонько посвистывая, пролетел над водой, исчез в лесу...). Такое прекрасное лирическое описание рыбалки могло без сомнения стать отрывком из какой-нибудь поэмы о рыбной ловле, популярной в Англии на протяжении всего XVIII века. Здесь Мэри Монтэгу выразила свою любовь к простому, обыкновенному, что окружало её, было так дорого сердцу. Природа стала частицей её самой. И слова, и названные предметы и объекты, на первый взгляд, могут показаться самыми обыкновенными. Но именно «шумящие деревья», «наливающиеся гроздья винограда», «пробивающееся сквозь листву солнце, заигрывающее с цветами», «беседка в зелени сада», «скворец, чем-то встревоженный» пробуждают в душе читателя ответные эмоции, чувства и настроение. Точнее, они погружают его в атмосферу уюта, покоя, тишины, заставляют прислушаться к зову своей души. Такая обстановка как нельзя лучше располагает к фи-

лософским размышлениям о вечных ценностях жизни, об истинной красоте или к погружению в свои мысли и чувства.

Находясь среди садов и парков, цветов, изобилия вкуснейших фруктов, героиня, по её мнению, действительно попадает в «рай», где многое ей кажется совершенством, где обостряются чувства, разыгрывается воображение, фантазия, раскрывается способность человека к саморефлексии.

Так, в письмах наряду с городским пейзажем, где М. Монтэгу выступает художником эпического склада, стремящимся к объективному выражению всего увиденного, проявляется лирический пейзаж. В таких пейзажах Монтэгу выражена, скорее, её собственная точка зрения на действительность. Чаще всего это происходит в описаниях природных видов, изображения которых даются в свете авторского переживания, чувств, которыми пронизана вся картина и которые помогают не только раскрыть истинное «я» героини, но и выступают объектами «пейзажа души».

Литература:

1. Nicolson, H. M. *Mountain Gloom & Mountain Glory: the Development of the Aesthetics of the Infinite*/printed in the USA by the Vail-Ballou press, INC, Binghamton. — New York: Cornell Univ. Press, 1959. — 422 p.
2. *The letters and works of Lady Mary Wortley Montagu*/ed. by her great-grandson. Lord Wharncliffe. Third additions and corrections derived from the original manuscripts, illustrative notes and a new memoir by W. Thomas. — L.: Bickers and Son, 1893, — V. 1. — P. 448.
3. *The letters and works of Lady Mary Wortley Montagu*/ed. by her great-grandson. Lord Wharncliffe. Third additions and corrections derived from the original manuscripts, illustrative notes and a new memoir by W. Thomas. — L.: Bickers and Son, 1893, — V. 2. — P. 512.

Ролевая игра как способ формирования социолингвистической компетенции

Нефедов Игорь Владиславович, кандидат филологических наук, доцент;
Хашхаян Мариам Аркадьевна, магистрант
Южный федеральный университет

В современной практике преподавания русского языка как иностранного широкое распространение получил компетентностный подход. В образовательном процессе преподавателю необходимо обеспечить формирование у иностранных студентов основных компетенций: лингвистической, коммуникативной, культуроведческой. Центральное место в обучении РКИ на современном этапе, справедливо, отводится коммуникативной компетенции. Это обусловлено целью обучения РКИ, заключающейся в «формировании языковой личности, способной к эффективному общению, к участию в речевой деятельности» [Макшанцева, 2012, 447].

Язык, безусловно, является социокультурным феноменом, поэтому невозможно преподавать русский язык как иностранный, не обращая внимания обучающихся

на особенности использования лексики и языковых моделей в разных коммуникативных ситуациях. Очевидно, что коммуникативная компетенция не будет полноценно сформирована без социолингвистической компетенции. Для формирования социолингвистической компетенции (СЛК) необходимы знания и навыки, связанные с социальным аспектом использования языка [Common European Framework, 2001, 118].

В современной методике преподавания иностранных языков СЛК занимает особое место. С одной стороны, СЛК рассматривается как одна из составляющих коммуникативной компетенции [Макшанцева, 2012, 448], а с другой стороны, СЛК — это один из подвидов социокультурной компетенции [Бим, 2005, Сафонова, 1993]. На наш взгляд, наиболее удачным является рассмотрение

СЛК в качестве составляющей коммуникативной компетенции.

В зарубежной прикладной лингвистике СЛК понимается как выбор языковых форм, обусловленный контекстом и ситуацией общения. Об этом свидетельствуют работы таких учёных, как М. Кэнейл, М. Свейн, Д. Хаймс, Дж. Ван Эк [Ломакина, 2006, 476]. Владение данной компетенцией необходимо человеку для эффективного общения на иностранном языке.

По мнению отечественного учёного М. Ю. Сеницы, СЛК — это набор языковых средств, которым владеет иностранец [Сеница, 2000, 14]. Учащийся должен уметь осуществлять выбор этих средств в соответствии с основными аспектами контекста, в котором протекает общение. Заслуживает также внимания точка зрения исследователя Ю. В. Манухиной, которая рассматривает СЛК как «совокупность определенных знаний, умений и навыков, позволяющих осуществить межкультурную коммуникацию в зависимости от контекста, в котором она реализуется, от традиционных правил употребления языковых единиц и невербальных компонентов общения, принятых в данном социуме, от конкретной ситуации общения (сфера деятельности, обстановка (место) общения, тема общения, коммуникативные цели и намерения коммуникантов, их коммуникативные, социальные и психологические роли)» [Манухина, 2006, 32–33].

Весьма интересен подход к определению СЛК исследователя М. Ф. Овчинниковой. Социолингвистическая компетенция, — пишет она, — это «способность языковой личности организовывать свое речевое поведение адекватно ситуациям общения с учетом коммуникативной цели, намерения, социальных статусов, ролей коммуникантов и обстановки общения в соответствии с социолингвистической нормой и установками конкретного национально-лингвокультурного сообщества» [Овчинникова, 2008, 28–29].

Обобщив приведённые выше подходы к определению СЛК, можно сказать, что СЛК — это способность иностранных студентов организовать свое речевое поведение адекватно ситуациям общения благодаря тем знаниям, умениям и навыкам, которыми они должны овладеть на занятиях по РКИ.

При обучении РКИ немаловажным фактором является не только развитие языковых и речевых навыков, но и обучение правильному использованию данных умений в конкретной жизненной ситуации. С этой целью необходимо строить каждое занятие таким образом, чтобы учащиеся могли отработать языковой материал в конкретной речевой ситуации. Одним из эффективных способов является использование на занятиях различных учебных игр. Подобные игры позволяют создавать желаемые проблемные ситуации, получать опыт принятия решений, моделировать стратегии поведения в конфликтных ситуациях, приобретать навыки совместной деятельности [Горбенко, 2008, 13].

Существует четыре вида игр, направленных на отработку речевых навыков. Первый вид — *моделирующая игра* — это упражнения, которые позволяют развить логику. В данном виде игры преподаватель ставит перед учащимися проблему, которую они должны решить. Например, предлагается представить себя директором строительной фирмы, которому необходимо заключить договор на покупку строительных материалов.

Весьма продуктивны *генерирующие игры*, позволяющие отработать изученный ранее лексический и грамматический материал на фрагменте текста. В этом случае роли учителя и ученика меняются, так как ученику дается возможность изучить данный текст и внести в него свои изменения и дополнения.

Для развития навыков ознакомительного чтения чаще всего используются *аналитические игры*. В такой ситуации студентам можно дать сложный текст с незнакомыми словами. Учащиеся должны прочесть текст и по ключевым словам выбрать, например, наиболее адекватное заглавие из нескольких предложенных преподавателем.

Четвертым видом игр является *ролевая игра*, представляющая собой вариативно-ситуативные речевые упражнения, основной целью которых является предоставление студентам возможности продемонстрировать свои речевые умения, то есть способность правильно выражать мысль, проявлять понимание высказывания, основываясь на полученных ранее знаниях и владении навыками использования в речи языковых средств [Харламова, Филимонова, Горьковская, 2013, 153].

Ролевая игра представляет собой условную ситуацию из реальной жизни, что дает учащимся возможность погрузиться в условия реального общения, мотивируя речевую деятельность при необходимости выбором языковых средств. Составление учащимися тех или иных речевых ситуаций позволяет развить речевые навыки и умения диалогической речи в условиях межличностного общения. Эта нестандартная форма проведения занятия позволяет повысить интерес и мотивацию студентов к обучению русскому языку.

Данный вид игры позволяет иностранным учащимся активизировать процесс усвоения языкового материала. Ролевая игра — это эффективный способ отработки и закрепления ранее изученного грамматического и лексического материала. Так, при изучении темы «Моя семья» можно разыграть ситуацию знакомства. Ситуацию «В магазине» можно дать учащимся при изучении тем «Еда», «Одежда» и т. д. Эта же тема будет уместна при изучении грамматического материала, например, образования и употребления количественных числительных в современном русском языке.

Таким образом, ролевая игра — это условная ситуация из реальной жизни, позволяющая учащимся не только погрузиться в условия реального общения, но и отработать ранее изученный языковой материал.

Проведение ролевой игры требует разработки четкого плана. Преподавателю необходимо:

1. продумать сюжет игры с учетом ранее изученного лексического и грамматического материала;
2. дать прослушать учащимся и повторить с ними речевые модели;
3. дать задание трансформировать данные модели;
4. организовать прослушивание речевой модели с пропущенными в ней лексическими единицами;
5. смоделировать собственную речевую ситуацию.

В зависимости от лексического и грамматического материала цели занятия могут меняться. Так, например, при изучении лексической темы «Продукты» и грамматической — «Количественные числительные» основная цель будет заключаться в отработке полученных знаний и формировании речевых навыков по данным темам. Для эффективного обучения могут быть использованы следующие задания, представленные в форме ролевых игр:

Задание 1. Прослушайте и прочитайте диалог.

- Здравствуйте!
- Добрый день! Чем могу помочь?
- Дайте, пожалуйста, буханку хлеба и пакет молока.
- Что-нибудь еще?
- Да, 300 граммов сыра.
- Всё?
- Да.
- С Вас 185 рублей.
- Держите.
- Ваши 200 рублей. Возьмите сдачу 15 рублей.
- Спасибо. До свидания!

Задание 2. Составьте диалоги, вставив вместо выделенных слов в диалоге из упражнения 1 слова из таблицы.

Батон, колбаса, сосиски, банка сметаны, сливочное масло, кефир, шоколад, яблоки, сахар, соль, бутылка минеральной воды.

Задание 3. Прослушайте диалог, вставьте пропущенные слова.

- Доброе утро! Дайте _____ (кефир) и _____ (пачку чая).
- Здравствуйте! Кефира нет.
- Дайте тогда _____ (бутылку молока).
- Что-нибудь еще?
- Да. _____ (килограмм сахара).
- Итого _____ (150 рублей).
- Вот.
- Ваши _____ (200 рублей). Возьмите сдачу _____ (50 рублей).
- Спасибо. До свидания!
- До свидания!

Литература:

1. Бим, И. Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования (ИЯ) // Иностранные языки в школе. 2005. № 8. с. 2–6.

Задание 4. По аналогии с диалогами из упражнений 1 и 3 составьте свой диалог.

Приведённые выше задания позволят развить коммуникативные навыки учащихся, однако максимального эффекта можно будет добиться только при условии применения на занятиях мультимедийных средств, которые позволят учебному процессу приобрести «визуально диагностируемую динамичность, убедительность, эмоциональность, красочность» [Нефёдов, 2007, 347].

Задание 5. Посмотрите учебный видеоролик «Покупки в магазине» и ответьте на следующие вопросы:

1. Что попросил покупатель у продавца?
2. Сколько стоила покупка?
3. Сколько сдачи дал продавец?

Применение учебных видеороликов на тему: «покупки в магазине» при проведении ролевой игры позволит не только стимулировать учащихся к речевой деятельности, но и адаптировать к погружению в аутентичную русскую речевую среду.

Закрепление учебного материала, изученного на занятиях с помощью ролевой игры, особенно эффективно с помощью внеаудиторной работы, в рамках которой учащиеся могут разыграть реальную ситуацию из жизни — поход за покупками в магазин. Данный вид аудиторной работы может проходить как под руководством преподавателя, так и самостоятельно. В качестве основного задания при самостоятельном внеаудиторном закреплении изученного материала с помощью реальной языковой игры может выступать съёмка собственного видеоролика. Для выполнения задания преподаватель формирует творческие группы, состоящие из двух студентов.

Работа с отснятыми учебными видеороликами студентов может строиться следующим образом:

Просмотр видеоролика без звукового сопровождения: учащиеся вместе с преподавателем обсуждают увиденное и предполагают, что герои говорят на самом деле. Затем просматривают видеоролик и выясняют, оказались ли они правы.

Прослушивание звука из видеоролика без сопровождения изображения: учащиеся прослушивают видеоматериал без изображения и пытаются представить, кто из студентов участвовал в съёмках видеоролика, где проходили съёмки, что происходило во время съёмки.

Применение эффекта стоп-кадра: преподаватель ставит на паузу видеоролик и просит студентов предположить, что произойдёт дальше [Можеевская, 2014, 557].

Таким образом, проведение ролевой игры на занятиях по РКИ является одним из эффективных способов усвоения и закрепления нового языкового и речевого материала, а также успешного формирования социолингвистической компетенции.

2. Горбенко, А. М. Основные направления ориентации образования иностранных студентов на подготовительном факультете // А. М. Горбенко, Н. И. Никоненко, С. В. Черняк // Реализация традиционных методов и поиск инноваций в процессе подготовки иностранных студентов в современном высшем учебном заведении: Международная научно-методическая конференция. — Х.: НТУ «ХПИ», 2008. — с. 11–15.
3. Ломакина, О. Е. Теоретическая модель понятия «иноязычная социолингвистическая компетенция» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4. с. 476–481.
4. Макшанцева, Н. В. Содержание коммуникативной компетенции при обучении РКИ // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2012. с. 447–449.
5. Манухина, Ю. В. Формирование социолингвистической компетенции в процессе овладения формулами речевого этикета: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. с. 32–33.
6. Можеевская, А. Е. Работа с видеоматериалами в иностранной аудитории // Наука ЮУрГУ. Материалы 66-й научной конференции. Челябинск, 2014. с. 553–558.
7. Нефёдов, И. В. Инновационные технологии обучения русскому языку как иностранному. Интернет. // Язык. Дискурс. Текст: Материалы III международной научной конференции. — Ростов н/Д: ЮФУ, 2007. с. 346–348.
8. Овчинникова, М. Ф. Методика формирования социолингвистической компетенции учащихся общеобразовательной школы: (английский язык, филологический профиль): дис.... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2008.
9. Сафонова, В. В. Социокультурный подход к обучению иностранному языку как специальности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1993.
10. Сеница, Ю. А. Формирование социолингвистической компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению студентов неязыковых вузов: (в контексте национальной культуры Франции): дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.
11. Харламова, Н. В., Филимонова Н. Ю., Горьковская В. Д. Значение ролевых игр при обучении русскому языку как иностранному // Известия ВолгГТУ, 2013. с. 152–153.
12. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Strasbourg, 2001.

Речевая формула обращения в русском языке

Пан Чжи, магистрант;

Покровская Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор
Южный федеральный университет

Обращение — это «слово (или сочетание слов), называющее того, к кому (чему) обращаются с речью» [1, с. 164]. Обращение — важная часть речевого этикета, наряду с другими формулами его относят к специализированным средствам речевого этикета [4, с. 156].

Поскольку обращение — это непосредственное проявление коммуникативного контакта, данная формула речевого этикета является языковой универсалией. На это указывает О. Н. Линкевич: «Обращение как языковая категория присутствует во всех языках. Его содержание специфично не только для каждой народности с ее культурой и традициями, но и для каждого социального слоя общества» [8, с. 307]. Однако между системами обращений в разных культурах наблюдаются существенные различия. Например, они касаются использования в качестве обращений слов — обозначений кровного родства и семейных отношений. В английском языке такие обращения используются преимущественно между родственниками, в русском же и некоторых других языках они могут использоваться даже при общении между незнакомыми людьми [8, с. 308; 15, с. 114].

Подробный анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что обращение — довольно сложная и противоречивая категория. Это касается и осмысления грамматической формы обращения, и круга слов, которые могут выступать в качестве обращения, и обоснованности безусловного отнесения обращения к речевому этикету.

Прежде всего, достаточно противоречивым является вопрос о грамматическом статусе обращений. По этому вопросу существует, как минимум, три точки зрения. По мнению А. М. Пешковского, которое в настоящее время является общепринятым, обращения — это слова и словосочетания, которые не входят в предложение, то есть не являются его членами, и одновременно сами не образуют самостоятельных предложений [10, с. 512]. Обращения также осмысливают как вокативные предложения, то есть особый тип односоставных предложений, который состоит из имени существительного и выражает побуждение, призыв, несогласие, упрек и т. д. [12; 7, с. 48]. Наконец, Г. А. Руднев вообще относит обращение к третьестепенным членам предложения, которые противопоставлены главным членам (подлежащему и сказу-

емому) и второстепенным членам (дополнению, определению, обстоятельству) [13, с. 298].

Обращения чрезвычайно разнообразны в структурном отношении. Об этом свидетельствует большое количество классификаций их видов. Некоторые авторы предлагают интересные, но довольно спорные концепции. Так, Ж.Е. Сейтжанов предлагает различать самостоятельные обращения и обращения в составе других предложений, а также обращения, которые служат для установления контакта, и обращения, которые используются, когда контакт уже установлен. В результате он выделяет три типа обращения: 1) самостоятельные обращения, выступающие в качестве простого независимого односоставного предложения; 2) обращения в составе другого предложения, выступающие как полупредикативная единица, которая осложняет другое предложение, обращения этого типа, как и предыдущего, служат для установления коммуникативного контакта; 3) обращения в качестве вводного элемента предложения, которые, в отличие от двух первых типов, не служат установлению контакта, поскольку контакт уже установлен [14, с. 118]. Используемая автором терминология не является безупречной. С точки зрения автора, одна и та же единица, то есть обращение, выступает то как полноценное предложение, то как полупредикативная единица, осложняющая предложение, то как вводный элемент. Это вносит путаницу и приводит к смешению, размыванию грамматических категорий. Однако это не означает, что классификация, которая была приведена выше, лишена смысла; скорее, спорным является грамматическая квалификация обращений.

А.В. Олесик и Л.С. Моисеева выделяют три группы обращений: 1) одиночные: «*Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет*» (А. Чехов, Вишневый сад); 2) составные, употребляющиеся вместе с местоимением или определением: «*Ну, милый мой, — сказал невропатолог*» (В. Шаламов, Колымские рассказы); 3) составные, употребляющиеся вместе с определением и собственно обращением: «*Скажи мне, любезный Фагот, — осведомился Воланд у клетчатого гаера*» (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [9, с. 169].

Существует мнение, что в качестве обращения может выступать любое существительное, ср.: «Список обращений не является закрытым ни в диахронном, ни в синхронном планах. В сущности, любое существительное, субстантивированное прилагательное или субстантивное словосочетание, обозначающее предмет, к которому может быть обращена речь, способно выступать в функции обращения» [2, с. 14]. Однако это не совсем верно. Для лексикографии представляется важным свойство слова выступать в качестве обращения. На это справедливо указывают А.М. Плотникова и И.К. Скородумова: «Функция обращения незаслуженно рассматривается как периферийная синтаксическая характеристика, в то время как для многих наименований лиц в словаре фиксация этой характеристики может расши-

рить представления о семантическом и коммуникативно-прагматическом диапазоне слова. Например, при сопоставлении слов *профессор* и *учёный* обнаруживается, что слово *профессор* в отличие от *учёный* способно употребляться изолированно в вокативной функции: «*Профессор, вас просят спуститься, без вас не начнут*». Аналогичную пару, в которой только первая форма используется без вспомогательных вокативных слов в функции обращения, образуют *учитель* и *преподаватель*» [11, с. 65]. Авторы приводят множество интересных наблюдений, существенных с точки зрения глубокого понимания русского обращения. Например, оказывается, в русском языке в качестве обращений нельзя использовать многие названия профессий женского рода: *кондукторша, докторша, инспекторша, фермерша, морячка, радистка* и т.д. Если в некоторых случаях такие обращения используются, они носят явный пренебрежительный характер: *Посмотри, докторша, на ту гранд-даму...* (В. Гроссман) [11, с. 66].

Обращение не обязательно выражается одушевленным существительным — названием или именем человека. Между привычным обращением, адресованным человеку, и подзыванием животного по кличке нет значимых грамматических различий. Более того, в некоторых случаях обращение может быть адресовано не человеку, а неодушевленному предмету. Это характерно для поэзии, ср. у А.С. Пушкина: *Ветер, ветер, ты могуч, Ты гоняешь стаи туч...* Известна также песня Б. Окуджавы «Ах, Арбат, мой Арбат!», в которой поэт обращается к московской улице.

По мнению И.В. Крюковой, на выбор обращения влияют следующие социолингвистические факторы: 1) возраст (дети, молодежь, взрослые), 2) солидарность или дистанция (посторонний, знакомый, коллега, друг, родственник), 3) статус/ранг (симметричный/асимметричный), 4) пол (женский/мужской), 5) ситуация или тип контакта (фамильярный, нейтрально-официальный, профессиональный), 6) уровень общения (литературный, разговорный, диалектный), 7) форма коммуникации (устная/письменная) [5, с. 105]. Сложный набор значимых признаков, а также наличие большого числа оттенков отношений между собеседниками делают обращение чрезвычайно сложным для изучения.

Спорным также является вопрос о том, является ли обращение единицей речевого этикета во всех случаях. Обращение не всегда выражает положительное, уважительное отношение к тому, к кому обращаются. Это убедительно показывает В.И. Крюкова, анализируя роль обращений в проклятиях. Однако в проклятиях в качестве обращений обычно используются грубые, оскорбительные слова: *Будь ты проклят, гад! Будь ты проклят, сволочь! Будьте вы прокляты, фашисты поганые!* и т.д., что позволяет отличить такие единицы от обычных этикетных обращений. Лишь иногда в обращениях в составе проклятий и обычных обращениях используются одни и те же лексические единицы: фа-

мии (*Будьте вы прокляты, Аяцков!*) или названия по принадлежности к группам (*...будьте вы прокляты, вечные победители, супермены, шлюхи!* (А. Кабаков, Последний герой)) [5, с. 104–109]. С одной стороны, мы не можем считать обращения, которые содержат грубые оценки, единицей речевого этикета. С другой стороны, языковые примеры, которые анализирует В. И. Крюкова, являются полноценными обращениями, и их вряд ли можно вынести за пределы данной категории.

На этот факт также обращает внимание Ж. Е. Сейтжанов. Автор пишет, что по признаку отношения к собеседнику, которое выражает обращение, «формы обращения можно делить на четыре типа: 1) нейтральные формы обращения; 2) ласковые и дружественные формы обращения; 3) вежливые формы обращения; 4) недружественные, оскорбительные формы обращения» [14, с. 117]. Очевидно, что первые три формы обращения принадлежат к речевому этикету, а последняя, четвертая

форма — нет, поскольку она противоречит целям и сущности речевого этикета.

Здесь также имеет смысл вернуться к вопросу о том, какие слова могут выступать в качестве обращений. В качестве обращения в разных языках могут использоваться так называемые зоонимы [3, с. 59–61] или «зоометафоры», то есть обращения, в основе которых лежат названия животных: *зайчик, голубчик, голубка* и т. д. [6, с. 136–140]. Разумеется, такие обращения не обязательно несут в себе что-то оскорбительное. Наоборот, они подчас выражают нежные, ласковые чувства к тому человеку, к которому обращаются. Но иногда они выражают негативное, пренебрежительное отношение к человеку. Например, обращение *осел* означает, что собеседник глуп, а в официальном общении любые обращения такого рода могут считаться оскорблением [3, с. 59]. Как указывают авторы, такие негативные обращения, образованные от названий животных, преобладают над положительными обращениями той же группы.

Литература:

1. Бабайцева, В. В., Максимов Л. Ю. Синтаксис. Пунктуация. М., 1981.
2. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-пресс, 2001. 670 с.
3. Гайнетдинова, Г. З. Зоонимы в роли обращения на материале татарского и английского языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). Филология. Искусствоведение. Вып. 40.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2004.
5. Крюкова, И. В. Высказывания проклятия с обращением как полифункциональным компонентом // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. с. 105.
6. Кубасова, О. А. Зоометафора в функции ласкового обращения в румынском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 6.
7. Кузьмина, М. А. Роль обращения в реализации функциональной смысловой зависимости // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 2.
8. Линкевич, О. Н. К вопросу об особенностях функционирования обращений, выраженных терминами родства, в английском тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1.
9. Олесик, А. В., Моисеева Л. С. Средства художественной выразительности в формулах обращений // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3 (049).
10. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
11. Плотникова, А. М., Скородумова И. К. Опыт создания идеографического словаря русских статусных обращений // Филологический класс. 2014. № 1 (35).
12. Розенталь, Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
13. Руднев, Г. А. Синтаксис осложненного предложения. М., 1963.
14. Сейтжанов, Ж. Е. О статусе, формах и функциях обращения // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66.
15. Шайхиева, Г. М. Коммуникативно-прагматические особенности обращений в татарском речевом этикете // Филология и культура. 2013. № 1. с. 114.

Значение национальности и общечеловечности в романе А. Кадыри «Минувшие дни»

Пардаева Нигора Куйсинбаевна, магистрант

Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

Если вопрос всестороннего возвышения национальной духовности мы ставим перед собой как основную цель, то, глубоко проанализировав все факторы и критерии, формирующие нашу духовность и воздействующие на нее на сегодняшний день, считаем целесообразным основательное осознание того, какое место они занимают в этом отношении.

Разумеется, духовность каждого народа или нации нельзя представить отдельно от его истории, своеобразных обычаев и традиций, жизненных ценностей. В этом отношении одним из самых важных факторов служат: духовное наследие, культурные ценности, памятники древней истории и литературы. В литературе возвеличиваются такие общечеловеческие достоинства, как: душевное состояние народа, обычаи и привычки, традиции, гостеприимство, милосердие и благодарность, верность, гуманность, патриотизм, трудолюбие, скромность, прямота, доброта. Эти достоинства относятся не только к конкретному народу или нации, но и к народам всего мира, они отражены в произведениях, созданных своими писателями.

Современный читатель, к какой бы национальности он не принадлежал, с большим интересом изучает творчество великих писателей — Гомера и Фирдоуси, Шекспира и Низами, Навои и Гете, Бальзака и Пушкина, Горького и Чулпан, анализируют их и обогащают свой духовный мир.

Всегда самые лучшие образцы литературы, несмотря на то, что они созданы в какой-либо стране и каким-либо народом, читаются с любовью всем миром. Ибо, произведения таких авторов, как Навои, Лутфи, Байрон, Лермонтов уже несколько веков имели и будут иметь своих почитателей. Причиной тому владение общечеловеческими и интернациональными характеристиками их произведений.

Национальность и общечеловечность тесно взаимосвязаны друг с другом. Каждый из них воздействует друг на друга, один дополняет другого, обогащает содержание.

Общечеловеческое содержание в литературе не всегда может выражать олицетворение картины жизни различных народов, путем возведения характера людей, принадлежащих разным национальностям. Произведения или герои, не отделяясь от национальных границ, но олицетворяющие в себе чувства важные, понятные, знакомые мысли для человечества, имеют общечеловеческое значение. К произведениям такого типа мы можем отнести и роман, считающийся основой узбекского романизма «Минувшие дни» Абдуллы Кадыри.

Абдулла Кадыри в своем произведении «Минувшие дни» наряду с освещением самых грязных, черных дней

нашей истории времен ханств показал трудолюбие народа. Такие качества, как верность Родине, стране, стремление к благоденствию, науке, учтивость и нравственность, гордость наших девушек, гордость, присущая узбекским парням, любовь родителей к детям и детей к родителям, покорность, любовь, верность и целомудренность женщин хорошо показаны через таких героев, как Отабек и Кумуш, Юсуфбек ходжи, Узбек ойм, Мирзакаримкутидор, Офтобойим и другие персонажи уличены в ненависти и жестокости. Такие качества присущи не только менталитету узбекского народа, но и менталитету других народов мира.

Языком Отабека А. Кадыри хотел выразить все свои мысли, воплощения которых он очень и очень желал. Это возвышение нации, повышение образованности, интеллигентности каждого поколения, развитие страны. То есть желал дать возможность обучения, больших достижений в науке, выстраивания правильного пути законов и правил в правительственных делах, зывал к единодушию нации, налаживанию торговых связей с другими странами, развитие государства и многого другого. В частности, «... Отабек рассказал воспоминания Шамае. Оставив на утро слушателей политического, экономического и социального развития русских, выйдя с лишней подробности:

— До прихода в Шамае увидев своё владычество, думал, что и другие тоже, как наш, — сказал бек, — но Шамае перевернул мои мысли, и меня сделал другим человеком. Увидев дела управления русских, убедился, что дела нашего управления просто игрушки... Если беспорядки нашего управления также будут продолжаться, уму непостижимо, что ожидает нас. Пока я в Шамае, были бы крылья, полетел бы на родину, приземлился бы прямо в орде хана, рассказал бы приказы русских по одному, хан бы выслушал мои мысли, и приказал к инструкции каждому человеку порядок управления русских, и я тоже увидел наряду с русскими свой народ в течение месяца... но, вернувшись к своему народу, увидел, что мои мысли и стремления в Шамае оказались всего лишь фантазией».

«... По-моему, Отабек, преимущество русских в том, что они солидарны, — но я думаю, что причина нашего упадка в том, что распря между нами ведет нас назад...». (1)

Из приведенного выше примера мы можем видеть, что Отабек был личностью, думающей о развитии страны, сожалеющей о состоянии соотечественников, гуманистом, воспевающим духовность и просвещение.

В произведении достоверно и всеобъемлюще представлены характеры Отабека и других основных героев. Например, Отабек безмерно почитает своих родителей, его уважительное отношение к женщинам, старшим, мысли о жизни, даже слугу Хасанали он уважает как отца — все

это свидетельствуют о нем, как человеке богатым духовно. Вот, например, как описывает автор близость слуги Хасанали с семьей Юсуфбек ходжи и Отабеком:

«Со дня, как Хасанали пришел слугой в семью Отабека, прошло примерно пятьдесят лет и теперь он стал одним из членов этой семьи. Его покорность и преданность своему хозяину Юсуфбек ходжи, в особенности Отабеку, дали ему ответное доверие и уважение этих людей. Хасанали был предан Отабеку и воспринимал его как своего сына. Он сказал, что: «Если после моей смерти за упокой души Отабек прочтет калиму из Корана и вспомнит, что когда-то был Хасанали-ата, этого мне достаточно». Он взял с Отабека обещания, что он не забудет об этом. Вот таков он был, раб с чистой душой».

Также мы становимся свидетелями того, как Отабека женили во второй раз против его воли, но по воле его родителей. Тогда он произносит такие слова: «Содеянные дела умных людей над сыном, конечно, нельзя считать неподобающим».

Еще одним из образов, описанных с такой искренностью и мастерством, является характер Юсуфбек ходжи. Юсуфбек ходжи — человек, находящийся рядом с ханом, но думающий о народе, ставящий свою жизнь под залог в стремлении сохранить жизнь других. Своей степенностью, мудростью, глубоким наблюдением, справедливостью, он мог одним словом довести до каждого члена своей семьи свою мысль. Уделял отдельное внимание семье, воспитанию детей. «После выслушивания говорящего, через некоторое время Ходжи, если считал приемлемым, говорил «хоп», соглашался, если не понимал, говорил — «так». Если не соглашался, говорил — «неплохо», а если считал что-то совсем неприемлемым, то ограничивался ухмылкой, не говоря ни слова. А если и говорил — то обходился тремя-четырьмя словами».

Литература:

1. Каримов, И. А. Внимание к литературе — внимание к духовности, будущему. — Т.: «Узбекистан», 2009.
2. Кадыри, А. «Минувшие дни»: Роман. — Т.: «Шарк», 2007.

Абдулла Кадыри через символ Юсуфбека ярко выразил решительность, боеспособность, стремление сохранять крепкую семью, присущую узбекским отцам.

Через образы Узбекойим, Офтобойим, Кумуш в романе описаны достоинства настоящих узбекских женщин — щедрость, гордость, духовность, милосердие, стыд, застенчивость, простота, ум, мудрость, любовь к семье и детям. Описывая одну лишь Узбекойим, мы можем удостовериться в этом. «Узбекойим — женщина примерно пятидесяти лет, хотя была несметливой, но мужу нравилось своим остроумием. Ее остроумие было известно не только мужу, но и женщинам Ташкента. Другие женщины боялись её, на свадьбах, поминках, короче, на всех собраниях для Узбекойим оставляли почетное место в своем доме».

Узбекойим не на все свадьбы и поминки ходила, потому что считала, что «мои галоши на улице не валялись». Поэтому если женщины проводили свои свадьбы с участием Узбекойим, они считали себя самыми счастливыми женщинами города и на собраниях с гордостью озвучивали этот факт, говоря «мою свадьбу собственноручно провела бек ойим».

Как говорил сам Абдулла Кадыри, «Для того чтобы стать настоящим писателем, надо всесторонне изучить жизнь, для этого он должен быть знаком с каждой отраслью жизни». В самом деле, когда писатель готовил «Минувшие дни», он стремился показать своих героев, всесторонне изучая, анализируя жизнь, действия, характер и в особенности социальную среду людей.

Как подчеркивает наш Президент, «Писатель — это не простая профессия. Талант, данный Богом. Этой профессии нигде не научат, не обучат. И школа, и университет писателя одно. И это прожить единодушно, сочувственно со своим народом внутри всю жизнь, служить верно, справедливо».

Анализ концепта «le bouc émissaire» во французском языке (на материале романа Даниэля Пеннака «Фея Карабина»)

Пчельникова Анастасия Александровна
Белгородский государственный университет

В течение многих веков христианская религия была неразрывно связана с развитием европейской цивилизации и потому оказывала существенное влияние на культурную и языковую среду. Многие эпизоды, образы и персонажи Ветхого и Нового заветов прочно закрепились в языках христианских народов, обогатив

их словарь новыми лексическими и фразеологическими единицами.

Фразеологические единицы библейского происхождения (ФЕБП), употребляемые в современных языках, характеризуются такими признаками, как смысловая законченность, воспроизводимость, семантическая и стили-

стическая маркированность, метафоричность, переносное значение, повышенная экспрессивность.

Библейские фразеологизмы можно классифицировать следующим образом:

— ФЕ, возникшие из сюжетов Ветхого и Нового заветов (*jeter la pierre* 'бросить камень', *le pain quotidien* 'хлеб насущный');

— ФЕ, связанные с библейскими именами собственными (*Sodome et Gomorrhe* 'Содом и Гоморра', *la tour de Babel* 'Вавилонская башня');

— ФЕ, связанные с религиозными обрядами и обычаями (*porter sa croix* 'нести свой крест') [2].

Как и прочие фразеологизмы, со временем они приобретают различные семантические модификации, и с этой точки зрения интересной для рассмотрения является ФЕБП «козел отпущения».

Понятие о «козле отпущения» знакомо многим современным народам. Свое начало оно берет из ветхозаветных времен. В Книге Левит описан иудейский обычай символической передачи всех грехов народа избранному животному: «и возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню» (Лев. 16:21–22).

В наши дни фразеологизм «козел отпущения» стал обозначать человека, неоправданно превращенного в виновников проблем и неудач других. Этот феномен объясняется социологической гипотезой, в соответствии с которой при столкновении с препятствиями в достижении цели (фрустрация), у человека повышается уровень агрессии. Если причина фрустрации слишком сильна, неизвестна или сложна для преодоления, агрессия направляется на более доступную или уязвимую мишень — козла отпущения [1].

Данная статья посвящена изучению концепта «козёл отпущения» во французском языке.

Согласно определению, данному З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, концепт — это ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [4].

Поскольку лексика и фразеология представляют собой тесно связанные области одной системы, концепты могут быть объективированы как словом, так и фразеологизмом. Концепты, за которыми стоит фразеологизм, называются фразеологическими концептами. Репрезентация фразеологического концепта вызвана желанием образно отразить определенную мысль, дать эмоциональную оценку тому или иному феномену [3].

Концепт может быть описан через изучение совокупности языковых средств, прямо или косвенно его объективирующих: прямых и производных номинаций концепта,

словарных дефиниций, контекстуальных синонимов, информационно-эксplikативных текстов, художественных текстов и т.д. Эта совокупность средств определяется как номинативное поле концепта, которое состоит из ядра и периферии. [4].

Репрезентантом концепта «козёл отпущения» во французском языке является ФЕ «*le bouc émissaire*». Данный фразеологизм вошел во французский язык в XVII веке и впервые был зафиксирован в словаре Фюретьера как определение для человека, на которого перекладывали ошибки других. Важно отметить, что «*le bouc émissaire*» является одной из самых часто употребляемых ФЕБП во французском языке [2].

Рассмотрим словарные дефиниции этого фразеологизма, приведенные в современных толковых словарях.

BOUC (m) ÉMISSAIRE:

1) *Personne qu'on désigne comme la seule responsable de quelque chose* [6];

2) *Personne sur laquelle on fait retomber les torts des autres* [5];

3) *Une personne ou un groupe minoritaire auquel un groupe ou un peuple attribue injustement tous les malheurs, toutes les fautes* [8].

С точки зрения французского языкового коллектива, козёл отпущения — это «человек, которого выставляют единственным ответственным за случившееся, на которого несправедливо велят ошибки других или же меньшинство, которое считают причиной всех несчастий».

Синонимами для ФЕ «*le bouc émissaire*», образующими ядро концепта, выступают следующие слова: *souffre-douleur* ('козел отпущения, объект для издевательств'), *maudit* ('проклятый'), *réprouvé* ('отверженный, отщепенец'), *victime* ('жертва'), *lampiste* ('стрелочник, мелкая сошка').

Рассмотрим словарные дефиниции этих синонимов [5]:

— *Souffre-douleur* (m): *personne qui est en butte à des mauvais traitements, à des tracasseries* ('человек, подвергающийся плохому обращению, придирам');

— *Maudit* (m): *qui est rejeté par Dieu ou condamné, repoussé par la société* ('человек, покинутый Богом, или проклятый, отвергнутый обществом');

— *Réprouvé* (m): *personne rejetée par les hommes, par la société* ('человек, отвергнутый людьми, обществом');

— *Victime* (f): *personne qui subit la haine, les tourments, les injustices de qqn* ('человек, который подвергается ненависти, издевательствам, несправедливости со стороны кого-либо');

— *Lampiste* (m): *Subalterne à qui on fait endosser injustement les responsabilités* ('подчиненный, которого несправедливо заставляют брать на себя ответственность').

На основе этих определений, можно выделить следующий признак: «козел отпущения — человек, отвергаемый другими людьми, несправедливо подвергающийся издевательствам и ненависти с их стороны».

Рассматривая деривационное поле концепта «*le bouc émissaire*», мы можем выделить следующие неологизмы:

«chèvre émissaire» ('козел отпущения женского пола') и «bouc-émissarisation» ('процесс перекалывания вины на другого'). Мы можем отметить следующий признак: «козлом отпущения могут стать как мужчина, так и женщина».

Для установления периферии номинативного поля концепта, мы можем обратиться к анализу художественных текстов. Материалом для исследования был выбран роман «Фея Карабина», изданный в 1987 году. Автор этого романа — Даниэль Пеннак, современный французский писатель и эссеист, который взял феномен «козла отпущения» за основу для серии детективных романов о семье Малоссен, составляющих «сагу о профессиональном козле отпущения», принесшую ему мировую известность.

Главный герой романа, Бенжамен Малоссен, вынужден устроиться на работу в литературное издательство на должность «козла отпущения», чтобы прокормить семью.

Малоссена можно охарактеризовать как козла отпущения не только по профессии, но и по природе. Рассмотрим подробнее эту характеристику на цитатах из книги. О профессиональных обязанностях Малоссену сообщает его начальница, Королева Забо: «Malaussène, je vous ai engagé comme bouc émissaire. Vous êtes payé pour vous faire engueuler à ma place» («Малоссен, я наняла вас работать козлом отпущения. Вам платят за то, чтоб вас ругали вместо меня»).

Однажды Малоссен просит Королеву Забо уточнить, что она понимает под «козлом отпущения»: «Vous attirez sur vous tous les emmerdements du monde, comme l'aimant, ça veut dire que dans cette ville, des tas de personnes que vous ne connaissez même pas doivent en ce moment vous tenir pour responsable de tas de choses que vous n'avez pas faites, et, d'une certaine façon vous en êtes bel et bien le responsable, pour la seule raison que ces personnes ont besoin d'un responsable!» Она указывает на необычайную способность Малоссена притягивать к себе, как магнит, неприятности и при этом быть лучшей кандидатурой на роль ответственного за них. Отмечая, что он всегда будет выглядеть виноватым в глазах других людей, даже незнакомых, она добавляет: «Vous serez, aux yeux de tous, coupable de tout, toujours!».

Подтверждение ее словам мы находим при дальнейшем прочтении книги. Малоссен и его семья живут

в Бельвиле, криминальном районе Парижа. Сюжет романа закручивается так, что во всех преступлениях, произошедших там за последнее время, инспекторы полиции подозревают Малоссена, и, более того, хотят обвинить его без подробного расследования. Один инспектор говорит комиссару: «Je vous apporte Malaussène, mouillable jusqu'au cou dans tous les domaines: le bouc émissaire rêvé. En plus, on fera un heureux, il paraît que ce rôle est dans sa nature profonde» («Я сдам вам Малоссена, на которого можно запросто повесить все: можно только мечтать о таком козле отпущения. К тому же, он будет счастлив: кажется, эта роль отведена ему самой природой»). Тем не менее, в конце романа настоящие виновные найдены и наказаны со всей строгостью закона.

Анализ контекстов употребления ФЕБП «le bouc émissaire» и ее сочетаемости с различными лексемами в тексте романа Д. Пеннака «Фея Карабина», мы можем выявить дополнительные признаки концепта, объективируемого этим фразеологизмом:

1. Зачастую большинство нуждается в виновнике их несчастья, и оно его находит. Этот человек и является козлом отпущения: être bel et bien pour le responsable ('родиться на роль ответственного за что-либо'), avoir besoin d'un responsable ('нуждаться в ответственном'), être désigné ('быть выбранным [в качестве виновника]'), tenir pour responsable ('считать ответственным'), être accusé ('быть обвиненным'), mouiller ('компрометировать, обвинять').

2. Козла отпущения зачастую выбирают для того, чтобы защитить настоящего виновника: faire engueuler à place de qn ('быть обруганным вместо кого-то').

3. Человек, выбранный козлом отпущения, не обязательно виновен: l'innocence ('невиновность'), ne pas faire ('не сделать что-либо').

4. Козел отпущения подвергается не только нападкам и издевательствам. Есть люди, осознающие его невиновность, при этом они будут его жалеть или считать святым за то, что взял на себя грехи других: saint ('святой'), prendre de pitié ('сжалиться').

В данной работе мы обозначили ядро номинативного поля концепта «le bouc émissaire» и выявили его основные признаки. При дальнейшем исследовании средств его объективации во французском языке, можно будет выявить новые существенные признаки данного концепта и расширить его периферию.

Литература:

1. Джери, Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь. М.: АСТ, 2015. — 543 с.
2. Искандерова, В. И. Фразеологические единицы библейского происхождения в языке французской периодической печати: автореф. дис... канд. фил. наук. М., 2005.
3. Малюгина, А. Н. Типы фразеологических концептов и способы их контекстной репрезентации: автореф. дис... канд. фил. наук. Воронеж, 2007.
4. Стернин, И. А., Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ-Восток-Запад, 2007. — 314 с.
5. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Le Petit Robert 2014. Paris: Le Robert, 2013. — 2880 p.

6. Dictionnaire Larousse français monolingue et bilingues en ligne [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 12.12.2015).
7. Pennac, D. La fée carabine. Paris: Gallimard, 1997. — 306 p.
8. Toupictionnaire: le dictionnaire de politique [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.toupie.org/Dictionnaire/index.html> (дата обращения: 11.12.2015).

Риторические особенности современной политической речи: гендерный аспект (на примере предвыборных речей Франсуа Олланда и Марин Ле Пен)

Садовникова Маргарита Николаевна, кандидат филологических наук, доцент;
Ялыть Маргарита Вахишаковна, студент
Южный федеральный университет

В рамках данной работы предпринимается попытка рассмотреть гендерную специфику предвыборных речей двух кандидатов в президенты Франции, Франсуа Олланда и Марин Ле Пен, с позиций риторики.

Ключевые слова: предвыборная речь, коммуникативная установка, риторические фигуры, гендерные особенности.

В современной Франции демократическая мысль о равенстве женского и мужского политического лидерства является очень актуальной. Обе стороны обладают равными правами и возможностями для участия в политической жизни страны. Однако, в различных странах это равенство проявляется по-разному, из-за целого ряда условий, например, ментальной спецификой народа каждой страны. Есть страны, в которых гендерное равенство вообще не имеет места.

Данное исследование посвящено анализу предвыборных речей двух кандидатов в президенты Франции: Франсуа Олланда и Марин Ле Пен с позиций риторики. Остановимся, в частности, на двух составляющих рассматриваемых речей: на коммуникативной установке и на форме речи.

Выступления политических деятелей, будучи разновидностью современной публичной речи, есть массовая коммуникация, представляющая собой устное монологическое высказывание, целью которого является убеждение аудитории и оказание на нее нужного воздействия. Специфика этого особого текста определяется коммуникативной ситуацией, которая формулируется экстралингвистическими факторами такими как, место выступления, тематическое содержание текста — предвыборная агитация, аудитория — электорат. Все это оказывает влияние на характер текста и его лингвистические особенности. В частности, своеобразие выражается в выборе и организации специфических структур выражения в соответствии с прагматическими целями и условиями общения.

Коммуникативная установка обоих кандидатов одна: «аудитория должна изменить (или подтвердить) свои прежние представления о фактах, событиях и пр., свои прежние умозаключения, выводы и пр., на-

меченные ранее решения, связанные с определенными действиями, и т. п., или по крайней мере одну из названных установок, причем сделать это именно в результате акта убеждения, в соответствии с доводами оратора и в том направлении, в каком он ориентирует данную аудиторию» [2, с. 6].

По мнению многих лингвистов, убеждающая функция является основной функцией политической речи. П. Б. Паршин справедливо отмечает, что всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения [1]. Однако, для политического текста именно речевое воздействие и является основной целью коммуникации, на достижение которой опирается выбор лингвистических средств.

Форма речи, которая может различаться более или менее усиленной выразительностью и более или менее выраженной экспрессией. И выразительность, и экспрессия, т. е. эмоциональность, не могут в течение всей речи оставаться на одном уровне (ни высоком, ни низком), иначе неизбежно притупление внимания аудитории и потеря контакта оратора со слушателями. Поэтому одним из элементов мастерства оратора является умение чередовать более насыщенные образы фрагменты с менее насыщенными, эмоциональные всплески с моментами эмоционального «затишья», ускорение темпа речи с его замедлением.

Но признаем изначально, что оба кандидата в президенты — опытные профессиональные ораторы, ни в чем с точки зрения ораторского мастерства друг другу не уступающие. Отбросим все личностные характеристики и факторы, чтобы оставить для сопоставления только одно: их гендерное различие. Что в результате нашего исследования мы хотим выявить? К каким результатам хотим прийти?

Мы хотим выявить, каким образом с точки зрения риторики отличаются речи Олланда и Ле Пен. Однако стоит отметить тот факт, что наши результаты нельзя рассматривать применительно ко всем ораторам-женщинам и ораторам-мужчинам, поскольку существенную роль в ораторском искусстве играют также и индивидуальные характеристики человека.

Объектом нашего исследования стали предвыборные речи президентской кампании 2012 г., произнесенные Марин Ле Пен 19 ноября 2011 г. [4] и Франсуа Олландом 22 января 2012 г. [3], поскольку у них не только одна и та же коммуникативная установка, но и потому, что они равноценны по объему.

Учитывая множество *риторических фигур*, выберем из них наиболее частотные в речах двух кандидатов: анафора, антитеза, градация, риторический вопрос, каламбур.

Франсуа Олланд

Анафора в речи Ф. Олланда занимает значительное место и встречается на всем ее протяжении. Приведем несколько примеров:

— **Je suis venu vous parler de la France**, et donc de la République. — **Я пришел, чтобы говорить с вами о Франции, а значит о Республике. Je suis venu vous parler de la France** qui souffre, mais aussi de la France qui espère. — **Я пришел, чтобы говорить с вами о Франции, которая страдает, но и о Франции, которая надеется. Je suis venu vous parler de la France** d'aujourd'hui... et de la France de demain... — **Я пришел, чтобы говорить с вами о Франции сегодняшней..., но и о Франции завтрашней... Je suis venu vous parler de la France** que nous allons construire le 6 mai. — **Я пришел, чтобы говорить с вами о Франции, которую мы построим 6 мая.**

— **Présider la République, c'est se dévouer** à l'intérêt général, dont toute décision doit procéder. — **Быть президентом Республики — это посвятить себя** общим интересам, которыми должны предопределяться все решения. **C'est éprouver** la France par sa raison et dans son cœur. — **Это подвергнуть** Францию испытанию умом и сердцем. **C'est prolonger** l'histoire de notre pays... — **Это продлить историю** нашей страны... **C'est se situer** à cette hauteur. — **Это быть на уровне** этой высоты. **C'est s'en montrer digne...** — **Это быть** ее достойным...

— **Présider la République, c'est préserver** l'Etat, sa neutralité, son intégrité... — **Быть президентом Республики — это защищать** Государство, его нейтралитет, его целостность...

— **Présider la République, c'est faire respecter** les lois pour tous, partout, sans faveurs pour les proches, sans faiblesse pour les puissants. — **Быть президентом Республики — это заставлять уважать** законы всех, повсюду, без поблажек близким, без слабости к сильным.

— **Présider la République, c'est rassembler, c'est réconcilier, c'est unir.** — **Быть президентом Республики — это сплавивать, мирить, объединять.**

— **Présider la République, c'est élever et ne jamais abaisser.** — **Быть президентом Республики — это возвышать, но никогда не принижать.**

— **Présider la République, c'est porter** les valeurs de la France dans le monde. — **Быть президентом Республики — это нести ценности** Франции по всему миру.

— **Présider la République, enfin c'est donner** le meilleur de soi-même. — **Быть президентом Республики — это, наконец, отдавать** все лучшее в себе.

— **Présider la République, c'est mettre** toute la puissance de l'Etat au service des citoyens. — **Быть президентом Республики — это ставить** всю мощь Государства на службу граждан.

— **C'est pour l'égalité que** la France a fait sa révolution et a aboli les privilèges dans la nuit du 4 août 1789. — **Это ради равенства** Франция совершила Революцию и упразднила привилегии в ночь на 4 августа 1789. **C'est pour l'égalité que** le peuple s'est soulevé en juin 1848. — **Это ради равенства** народ поднялся в июне 1848.

C'est pour l'égalité que nous aurons aussi à combattre et à proposer aux Français le changement. — **Это ради равенства** мы будем сражаться и предлагаем французам изменения.

Не менее частотна в речи Ф. Олланда градация. Вот несколько примеров из этих многочисленных градаций:

— **Chacun, chacune, ici, plus loin, en métropole, en Outre-mer a son histoire, ses racines, ses parcours, ses préférences, sa singularité.** — **Каждый и каждая здесь, вдалеке, в метрополии или в заморских территориях имеет** свою историю, свои корни, свой жизненный путь, свои предпочтения, свою особенность.

— **Mais nous appartenons** à la même Nation, avec ses valeurs, ses principes, sa culture, sa langue, ses institutions. — **Мы принадлежим** одной Нации с ее ценностями, ее принципами, ее культурой, ее языком, ее институтами.

— **Notre jeunesse est sacrifiée, abandonnée, reléguée. Chômage, précarité, dévalorisation des diplômes, désespérance, perte d'autonomie, accès au logement difficile.** — **Наша молодежь принесена в жертву, покинута, отвержена. Безработица, бедность, обесценение дипломов, отчаяние, потеря независимости, трудность в получении жилья.**

Третья риторическая фигура, используемая Олландом в этой речи, **риторический вопрос**.

Таких вопросов немного, всего 9, приведем некоторые из них:

— **Quelle est la plus grande mission que de présider la République française?** — **Какая другая миссия выше, чем быть президентом Республики?**

— **Qui peut trouver normal qu'on gagne plus d'argent en dormant qu'en travaillant?** — **Кто может считать нормальным, что люди зарабатывают больше денег, когда спят, чем когда работают?**

— **Comment, comment serait-il possible de parler de rêve en cette période?** — *Как, как можно говорить о мечтах в этот период?*

Каламбур (единственный, который мы обнаружили у Олланда):

— **Comment peut-on accepter que cette chance devienne une charge?** — *Как можно согласиться, чтобы этот шанс превратился в нагрузку?* Каламбур во французском языке построен на близости звучания слов **chance** и **charge**.

Рис. 1. Риторические фигуры в предвыборной речи Ф. Олланда

Рассмотрим теперь с тех же позиций и речь Марин Ле Пен:

Анафора:

— **Il y avait** le respect de nos combattants, de nos stratégies militaires et politiques qui avaient réussi l'équilibre magique entre un Etat libre et une Nation forte. **Было уважение к нашим ветеранам, нашим военным и политическим стратегам, которым удалось установить волшебное равновесие между свободным Государством и сильной Нацией.**

— **Il y avait** la conscience aussi de détenir comme nous tous une part de responsabilité dans la préservation du joyau qui m'avait été transmis à la naissance... — **Было осознание, что на мне, как и на всех нас, лежит доля ответственности за сохранение той драгоценности, которая была мне передана при рождении...**

— **Ce projet est** celui d'un peuple, porté par un peuple et à son bénéfice exclusif. — **Этот проект — проект народа, который несет народ для своего эксклюзивного блага.**

— **Ce projet est** cohérent, d'une cohérence absolue parce que fondé sur une vision claire de notre pays... — **Этот проект логичен, логичен абсолютно, поскольку основывается на ясном видении нашей страны...**

— **L'intérêt des Français** avant tout, **l'intérêt des Français** par-dessus tout. — **Интерес Французов прежде всего, интерес французов превыше всего.**

— **L'intérêt des Français** contre l'intérêt des marchés financiers. **L'intérêt des Français** avant l'intérêt des autres peuples, y compris européens. — **Интерес французов против интересов финансовых рынков. Интерес французов прежде интересов других народов, включая и европейские.**

— **Le peuple français a été pillé.** — **Французский народ был ограблен.**

— **Le peuple français a été pillé** d'abord de sa souveraineté. — **Французский народ был ограблен прежде всего в его суверенности.**

— **Pillé**, je vous le disais, peut-être plus encore que vous ne l'imaginez. — **Ограблен**, как я вам говорила, и возможно, еще больше, чем вы себе представляете.

— **Pillé** aussi le peuple français par la corruption de ses élites. — **Ограблен** еще и из-за коррумпированности его элит.

— **Pillé** encore par les amis du pouvoir... — **Ограблен** еще и друзьями власти...

— **Les Français sont pillés** aussi parce qu'on a laissé se développer dans la Nation la gangrène du désordre et de la violence... — **Французы ограблены** еще и потому, что в Нации позволили развиваться гангрене беспорядка и насилия...

Антитеза

— **Contrairement à ce qui a pu être écrit dans les versions romancées dont raffolent les médias, rien, en réalité ne me prédestinait à être ici devant vous...** — **Вопреки тому, что могло быть написано в беллетристических версиях, от которых захлебываются медиа, ничто в действительности не предназначало мне оказаться здесь, перед вами...**

— Mais si les Français veulent vivre en esclave, **ce n'est pas un Président de la République dont ils ont besoin mais d'un géolier.** — **Но если французы хотят жить в рабстве, то им нужен не Президент Республики, а надзиратель.**

Градация:

— Dans mon biberon à moi, il y avait **le profond amour** de notre patrie et de notre peuple, **la fierté** d'en être issue, **la conscience** d'une histoire de France magnifique de grandeur, et de douleur, **l'admiration** sans bornes **face au génie de nos chercheurs, de nos philosophes, de nos écrivains, de nos**

ingénieurs, de nos artistes, face au courage de nos entrepreneurs, de nos paysans, de nos ouvriers... et de nos marins. — *В моей соске была глубокая любовь к нашей родине и к нашему народу, гордость быть его выходцем, осознание истории Франции, великолепной своим величием и своим страданием, безграничное восхищение перед лицом гения наших исследователей, наших философов, наших писателей, наших инженеров, наших артистов, перед мужеством наших предпринимателей, наших крестьян, наших рабочих... и наших моряков.*

— Ils ont pensé que l'on pouvait faire fi de la lente et laborieuse construction de notre Nation, de son unité, de sa liberté... où leur oeuvre serait l'avènement d'un homme nouveau coupé de ses racines, pomade, jetable, esclave de l'ordre marchand. — *Они решили, что можно наплевать на медленное и трудовое строительство нашей Нации, его единства, его свободы... где плодом их работы станет пришествие нового человека, оторванного от его корней, кочевника, разового материала, раба рыночного порядка.*

— Chaque décision prise contribuait à ce fol objectif — dilution de la Nation, affaiblissement de la famille, disparition des solidarités nationales, négation de notre identité et de nos racines, effacement de notre mémoire, mépris des valeurs d'efforts, de travail, de mérite, de courage, de droiture. — *Каждое принятое решение способствовало этой безумной цели — растворение Нации, ослабление семьи, исчезновение национальной солидарности, отрицание нашей идентичности, стирание нашей истории, презрение к нашим цен-*

ностям усилий, труда, заслуги, смелости, прямоты.

Риторический вопрос:

— *Combien de victimes ou de parents de victimes apprennent par la presse la libération de leur violeur ou de l'assassin de leurs enfants? — Сколько жертв или родителей жертв узнают из прессы об освобождении их насильника или убийцы их детей?*

— *Ah bien sûr, ce mot, vous l'entendez sûrement claquer pendant la campagne dans la bouche de ceux qui ont fermé nos usines les unes après les autres, mais posez-vous bien toujours cette question: que mettent-ils derrière ce slogan de campagne? — Ну конечно же, вы наверняка слышите это слово в течение кампании из уст тех, кто закрыл наши заводы один за другим, но поставьте себе этот вопрос: какой смысл вкладывают они в этот предвыборный лозунг?*

— *Veulent-ils vraiment changer les choses? — Действительно ли они хотят изменить что-то?*

— *Sont-ils crédibles quand ils en parlent? — Можно ли верить их речам?*

Каламбур:

— *Il n'est plus temps de pleurer sur le lait renversé, mais d'ouvrir enfin les yeux, de se retrousser les manches, de défendre nos valeurs et de prendre enfin les décisions qui changeront notre avenir. — Сейчас не время плакать над разлитым молоком (по басне Ж. Лафонтена «Кувшин молока»), а время открыть, наконец, глаза, закатить рукава, защитить наши ценности и принять, наконец, решения, которые изменят наше будущее.*

Рис. 2. Риторические фигуры в предвыборной речи М. Ле Пен

Таким образом, оба кандидата в президенты Франции используют в своих речах в большей степени анафору, градацию и риторический вопрос. Но по мере чтения текста обоих выступлений мы попытались придать речи Олланда лицо Ле Пен и, наоборот, речи Ле Пен лицо Олланда. И никакого диссонанса. Если исключить из обеих речей пассажи, несущие личностную маркировку этих двух политиков, то вполне можно представить себе, что речь Олланда произносит Ле Пен, а речь Ле Пен — Олланд.

Какой вывод можно сделать из проведенного исследования двух речей данных представителей противоположных полов? Задача Олланда — доказать несостоятельность правления представителей правых партий, в частности, Николя Саркози и привлечь слушателей к социалистической партии, кандидатом от которой он являлся, а задача Марин Ле Пен — убедить своих слушателей в некомпетентности ряда ее предшественников, доведших страну до глубочайшего экономического кризиса, и показать, в каких на-

правлениях Франция нуждается в радикальном изменении курса. Таковы экстралингвистические факторы.

Что же показывает наш лингвистический анализ? Проведенное нами исследование риторических особенностей политической речи в гендерном аспекте демонстрирует

тот факт, что в ситуации предвыборной борьбы происходит очевидное стирание границ между фемининностью и маскулинностью. Доминанты предвыборной президентской кампании гораздо важнее для кандидатов, чем их гендерные особенности.

Литература:

1. Баранов, А.Н., Паршин П.Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание. — В кн.: Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986. с. 100—143.
2. Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина. Общая риторика. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1994.
3. L'intégralité du discours de François Hollande <http://www.lejdd.fr/Election-presidentielle-2012/Actualite/L-integralite-du-discours-de-Francois-Hollande-au-Bourget-467953>
4. Marine Le Pen présente son projet pour un «Etat fort» http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2011/11/19/marine-le-pen-presente-son-projet-pour-un-etat-fort_1606610_1471069.html

Художественное время как важнейшая композиционная составляющая текста

Самофалова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент;

Бабиян Тамара Вартересовна, ассистент;

Мкртчян Тамара Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет

Изображение времени — это неотъемлемая часть любой картины мира. Изображение это является условным. Восприятие времени человеком субъективно: оно может растягиваться, пробегать, замедляться или останавливаться. Среди прочих искусств литература демонстрирует широкие возможности в изображении времени. В данном случае мы имеем дело с категорией художественного времени, которая является важнейшей композиционной составляющей любого художественного произведения. Художественное время формируется с помощью темпорального поля текста, которое представляет собой множество различных временных линий. Это темпоральное поле включает линии объективного времени, линии перцептивного времени, линии событийного времени. Объективное время — это природное, внешнее, необратимое время. Перцептивное время основано на восприятии объективного времени, оно, как правило, не совпадает с природным временем и включено в организацию психики человека. Событийное время описывает конкретные события произведения. Каждая временная линия представлена определенными лингвистическими индикаторами. Все это линии тесно переплетены и сосуществуют в художественном тексте [1, с. 22–23]. Время в художественной литературе воспринимается благодаря связи событий. События в художественном тексте могут предшествовать друг другу или следовать друг за другом, выстраиваться в сложный ряд, и тем самым давать возможность читателю замечать время. Еще одним важным свойством литературного времени является дискретность, т.к. художественный текст передает

не весь временной поток, а лишь значимые фрагменты. Эта временная дискретность является мощным средством динамизации сюжета.

Следует отметить, что темпоральные модели исторически изменчивы. В древнейших произведениях отмечается мифологическое время, главной чертой которого является идея циклических перевоплощений или «вечного повторения», поэтому настоящее и будущее в мифологическом времени выступали как воплощение прошлого. В средневековой культуре время представляло собой отражение вечности, оно начиналось с сотворения мира и завершалось «вторым пришествием». На первый план в средние века выходит будущее, как ожидание перехода в вечность, и настоящее, в котором происходит духовная жизнь человека. По мнению ученых, средневековая литература стремилась к вневременному изображению бытия, к преодолению естественного течения времени. Начиная с эпохи Возрождения, в литературе также, как и в культуре и науке, имеет развитие эволюционистская теория времени: время реализуется в каждой мгновенной ситуации. Рассмотрение художественного времени с исторической точки зрения показывает, что его развитие — это поступательное движение, в котором следующая ступень отрицает предыдущую. Также темпоральные модели могут изменяться с учетом признаков рода, жанра, направления в литературе. Так, для мемуаров характерно частое использование прошедшего времени, афоризмы и максимы отличает наличие настоящего постоянного и так далее [3, с. 23].

В художественном тексте темпоральная организация обычно строится на сопоставлении или противопоставлении осей прошлого и настоящего, настоящего и будущего, прошлого и будущего, также на противопоставлении таких аспектов, как длительность — моментальность, быстротечность — продолжительность, повторяемость — единичность, сиюминутность — вечность, цикличность — необратимость [2, с. 68].

Проведем анализ темпоральной организации произведения О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Индикаторы объективного времени в данном художественном тексте указывают на цикличность природного времени в пределах определенного отрезка — года, месяца, недели и т. д. К прямым индикаторам объективного времени мы можем отнести лексические средства, такие как существительные с темпоральной семантикой, числительные: различные даты, названия месяцев, дней недели, точные или приблизительные показания часов, указанием на временные промежутки, занимаемые событиями.

1. At half-past twelve next day Lord Henry Wotton strolled from Curzon Street over to the Albany to call on his uncle... [5].

2. And when winter came upon it, he would still be standing where spring trembles on the verge of summer... [5].

3. It was long past noon when he awoke [5].

4. It was on the ninth of November, the eve of his own thirty-eighth birthday, as he often remembered afterwards [5].

5. As the dawn was just breaking, he found himself close to Covent Garden [5].

Косвенными индикаторами объективного времени могут служить языковые единицы, которые служат для создания впечатления длительности действия, состояния человека в связи с субъективным чувством времени или отношения времени к расстоянию.

6. The painter considered for a few moments [5].

7. Days in summer are apt to linger [5].

8. It is a sad thing to think of, but there is no doubt that genius lasts longer than beauty [5].

9. His valet had crept several times on tiptoe into the room to see if he was stirring, and had wondered what made his young master sleep so late [5].

Комбинация различных прямых и косвенных индикаторов может создавать особый временной контекст той или иной сцены:

10. Once or twice every month during the winter, and on each Wednesday evening while the season lasted, he would throw open to the world his beautiful house... [5].

11. A quarter of an hour afterwards, amidst an extraordinary turmoil of applause, Sibyl Vane stepped on to the stage [5].

12. That evening, at eight-thirty, exquisitely dressed and wearing a large button-hole of Parma violets, Dorian Gray was ushered into Lady Narborough's drawing-room by bowing servants [5].

Событийное время в художественном тексте может быть представлено, прежде всего, видовременными формами глагола, которые участвуют в построении планов прошедшего, настоящего и будущего событийного, а также темпоральных линий одновременности, следования и предшествования. Формы прошедшего простого и прошедшего длительного используются в повествовании чаще всего. Формы перфектного прошедшего также широко представлены в художественном тексте. Менее частотными являются формы будущего простого и будущего-в-прошедшем.

13. As he was sitting at breakfast next morning, Basil Hallward was shown into the room [5].

14. For the wonderful beauty that had so fascinated Basil Hallward, and many others besides him, seemed never to leave him [5].

15. The lad was infinitely dear to him, and his personality had been the great turning point in his art [5].

16. He was amazed at the sudden impression that his words had produced, and, remembering a book that he had read when he was sixteen, a book which had revealed to him much that he had not known before, he wondered whether Dorian Gray was passing through a similar experience [5].

17. After all, his indifference was probably merely a mood that would pass away [5].

Функция форм прошедшего времени типична для художественной речи — это, так называемое, наблюдение, появление ретроспективной точки отсчета, а также многократное или повторяющееся действие, обобщение деталей ситуации.

Формы настоящего длительного и настоящего простого редко встречаются в художественном тексте, но являются довольно экспрессивными:

18. ...his guardians, who were extremely old-fashioned people and did not realize that we live in an age when unnecessary things are our only necessities [5].

19. Dead! Sibyl dead! It is not true! It is a horrible lie! [5].

20. I was brutal, perfectly brutal. But it is all right now [5].

Формы настоящего времени на фоне прошедшего призваны замедлять время, выводить события прошлого на передний план. Они воссоздают авторские переживания или передают ситуации, неоднократно повторявшиеся в прошлом и теперь всплывающие в памяти.

Следует также отметить, что временная ориентация зависит от лица повествования: передача событий от первого лица или от третьего лица может определять характер языковых средств, используемых автором. Текст, передаваемый от первого лица, представляет собой опыт и душевные переживания рассказчика, поэтому его выражением являются формы прошедшего, настоящего и будущего времени. В повествовании от третьего лица нет ориентации на жизненный опыт рассказчика, и поэтому события изображаются как происходившие в прошлом, что определяет использование форм прошедшего времени. Также взаимодействие нескольких временных систем, таких как сюжетное (событийное) время, авторское время и читательское время, накладывают отпечаток на выбор временных индикаторов. Так, формы настоящего

во темпоральной системе персонажей являются формами прошедшего времени в авторской и читательской временных системах. Такие наслоения временных значений в пределах одного художественного текста не исключают друг друга, а дополняют, и играют значительную роль в организации временной структуры произведения.

Таким образом, формы художественного времени отличаются изменчивостью и многообразием. Художественное время обусловлено авторскими представлениями, жанровой спецификой произведения, а также тем, в русле какого литературного течения или направления, это произведение создано [4; 127].

Литература:

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Худож. лит., 1969. — 423 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. — 140 с.
3. Золотова, Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка/под ред. Г. А. Золотовой. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
4. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — 3-е изд. — М., 1979. — 360 с.
5. <http://oscar-wilde.ru/english/portret-doriana-greya-na-angliyskom-yazyke.html>

Интертекстуальные фрагменты в дневниках А. М. Достоевского

Сизюхина Клавдия Валерьевна, специалист первой категории
Петрозаводский государственный университет

Дневниковый текст подобен комете, которая, прорываясь за пределы собственных жанровых характеристик, оставляет позади себя шлейф из различных интертекстуальных вариаций — писем, воспоминаний, биографических и автобиографических зарисовок, хроникальных отступлений, литературных цитаций, сновидений, публицистических и путевых заметок, фенологических наблюдений и т. п.¹ Разнообразие интертекстуальных отсылок обусловлено как творческими, так и психологическими предпосылками автора: во-первых, автор социализирует личное высказывание, переводит его на новый уровень — публичности; во-вторых, тем самым он удовлетворяет внутреннюю эмоциональную потребность во внешнем соучастии, сопереживании, пересечении судьбоносных моментов своей жизни с ходом общего исторического времени. Так, В. И. Заика и Г. Н. Гиржева отмечают: «в широком смысле интертекстуальность — это воплощение культурного контекста» [3, с. 178]. Чем выше уровень саморефлексии автора дневника, тем больше поликультурных цитаций он привносит в повествование. Способность к художественному восприятию окружа-

ющей действительности позволяет хроникеру преодолеть границы биографического времени и услышать «голос истории». Именно взаимодействие авторского высказывания с «чужим словом» (термин М. М. Бахтина) лежит в основе понятия интертекстуальности: не столь важна степень межтекстовой интеграции, как осознание иного речевого фрагмента внутри собственного сочинения².

В дневниках А. М. Достоевского встречаются как прямые текстологические отсылки к «чужому слову», так и косвенные. В первом случае мы имеем в виду обращения автора к текстам других писателей (например, брата Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, мемуариста А. Т. Болотова, П. И. Мельникова-Печерского, Ч. Диккенса и т. д). Андрей Михайлович не использует творения своих именитых предшественников в качестве художественной аллюзии: в дневниковых описаниях они предстают «документальными» литературными символами эпохи — культурными, социальными, политическими. Чаще всего А. М. Достоевский избегает развернутых цитаций из прочитанных произведений, а ограничивается лаконичными формулиров-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Проект «Подготовка к публикации «Дневников» А. М. Достоевского: Текстология, исследование, комментарий» № 14-04-00094а.

¹ М. Ю. Михеев для характеристики жанрового своеобразия дневника использует понятие «пред-текст» [6], [7]. См. также высказывание Б. Хазанова о «квазилитературности» дневникового текста: «литературный жанр, который представляет собой протест против литературы с ее жанрами и приемами <...>» [9, с. 179].

² См. некоторые суждения М. М. Бахтина о «чужом слове»: «Чужое слово ставит перед человеком особую задачу понимания этого слова <...> Сложные взаимоотношения с чужим словом во всех сферах культуры и деятельности наполняют всю жизнь человека» [1, с. 348], «Чужое слово должно превратиться в свое-чужое (или в чужое-свое). Дистанция (внеаходимость) и уважение. Объект в процессе диалогического общения с ним превращается в субъект (другое я) (маркировано автором. — К. С.)» [1, с. 350]. Ср. схожее умозаключение И. В. Фоменко: «Преобразование и формирование смыслов авторского текста и есть главная функция цитаты. Если читатель не узнал чужой голос, у него не возникнет ассоциаций, соответственно, ему не откроются никакие дополнительные смыслы. <...> важна не сама цитата, а ее функция, та роль, которую она играет, будучи читательские ассоциации (маркировано автором. — К. С.)» [8, с. 497].

ками: 1) «Пятница 22го Апрелья <1888>. <...> Вечеръ провели въ чтеніи Войны и Мира графа Толстого. Женичка (Евгения Андреевна Достоевская, в замужестве Рыкачева — старшая дочь А. М. Достоевского. — К. С.), когда была свободна читала мнѣ вслухъ» (ДН1887—1888, л. 61)¹, 2) «Среда 8го Юня <1888>. <...> На пути до Данилова ничего особаго не случилось. Отъ нечего дѣлать я читалъ Униженные и Оскорбленные и не увидѣлъ какъ прошло время до часу, т. е. до нашего прихода къ Данилову» (ДН1887—1888, л. 75 об.), 3) «Пятница 15го Ноябрья <...> Вечеромъ отъ нечего дѣлать читалъ Андрея Тимоф. Болотова. Чрезвычайно интересныя Записки» (ДН1891—1892, л. 35), 4) «Вторникъ 17го Января <1895>. <...> Нынче закончилъ 4^й томъ и началъ читать 5 томъ Диккенса (*Нашъ взаимный Другъ*)» (ДН1894—1895, л. 106). Лишь изредка он нарушает сугубо информативный характер своих сообщений и сопровождает их небольшой ремаркой из первоисточника. Фрагмент дневниковой заметки от 4го Апрелья 1892 года: «<...> Въ этотъ день я никуда не выходилъ изъ дому. Утромъ занимался чтеніемъ. Читалъ Лескова *Смѣхъ и Горе*. Тутъ въ одномъ мѣстѣ Архіерей говоритъ Губернатору: «Полагаю Ваше Превосходительство, что ежели бы Вы, сами у себя подѣ начальствомъ находились, — <л. 63 об.> то Вы и самага себя смѣнили бы...» (ДН1892—1893, л. 63 об.—64). Также несколько эксплицитных литературных цитаций А. М. Достоевский сделал в конце дневника 1893—1894 годов: во-первых, примеры устного народного творчества (пословицы и поговорки, весенняя детская песенка, указания к старинному свадебному обряду, «молитва Господня, исковерканная хлыстами»), и, во-вторых, отрывки критических размышлений Д. И. Писарева (об А. С. Пушкине, «о вожделеніяхъ Русскихъ имѣтъ въ Россіи Англійскій Парламентъ») (ДН1893—1894, л. 134 об., л. 130 об.—132, 135—136). Хотя упомянутые выдержки расположены отдельно от текущих дневниковых записей, тем не менее они встроены в структуру основного текста. Большинство из них Андрей Михайлович почерпнул из сочинений, названия которых фигурируют на страницах дневников. К примеру, критические пассажи Д. И. Писарева Андрей Михайлович снабдил следующим комментарием: «Эти два отрывка изъ Писарева выписаны изъ выносокъ къ роману *Переломъ Маркевича* часть III^а глава XII^а страницы 497—498, и 500—501 (въ выноскахъ). —» (ДН1893—1894, л. 135 об.).

Косвенные интертекстуальные включения подразумевают «фрагменты текста иной функциональной направленности» [4, с. 199], или элементы стилистически отличных жанров. В дневниках А. М. Достоевского такими являются газетно-публицистические заметки: отли-

чительным признаком между двумя жанровыми системами выступает коммуникативный принцип — интимности/публичности. С одной стороны, газетные заметки подчеркивают фактологичность содержания («Публицистическая речь фактографична, это качество является стилевой доминантой <...>» [2, с. 36]), ещё больше утверждают сдержанную лаконичную стилистику дневникового текста, а, с другой, соотносятся с семейной историей автора. Все представленные в дневниках А. М. Достоевского газетные заметки мы условно разделили на две группы: иллюстрирующие ход общего исторического времени (описывают ситуации, не относящиеся к жизни автора) и биографически сопряженные с окружением автора (посвящены памятным для него датам, близким людям). Если говорить о композиционной структуре рукописных и газетных заметок, то последние помещаются в основное пространство текста. Начиная новую дневниковую «книгу для заметок» (как именует свои дневники сам автор) А. М. Достоевский чаще всего сначала наполняет её газетными вклейками, а потом уже вносит текущие поденные записи. Впервые газетные фрагменты появляются на страницах дневника 1891—1892 гг. и с этого момента становятся неизменными текстологическими спутниками последующих дневниковых описаний. Каждой печатной вставке обязательно предшествует авторская помета с указанием названия источника и его выходных данных (номера и даты выпуска). К слову, почти все заметки, приводимые А. М. Достоевским, принадлежат газете «Новое Время». Отталкиваясь от ряда дневниковых комментариев, можно сделать вывод, что Андрей Михайлович симпатизировал литературному слогу главного редактора «Нового Времени» А. С. Суворина, его умению вести полемику корректно и остроумно. Газетная рубрика Суворина «Маленькие письма» часто получала положительный отклик со стороны А. М. Достоевского. К примеру: «Пятница 17го Декабря <...> Дома засталъ однѣ только газеты, чтеніемъ которыхъ и занимался все послѣ обѣденное время и вечеръ. 151^е Маленькое Письмо (заметка о входящихъ тогда в моду конкурсахъ красоты. — К. С.) такъ мнѣ понравилось, что я его вырѣзалъ и наклеилъ сюда» (ДН1893—1894, л. 88 об.), «Среда 27го Декабря <...> досидѣлъ до 9^ч часовъ и прочелъ газету отъ субботы. Маленькое письмо Суворина, восхитительно! (о конфликте между дворянством и губернатором в г. Твери. — К. С.)» (ДН1894—1895, л. 125).

Газетные публикации, иллюстрирующие перипетии внешней социальной жизни, стилистически синкретичны ежедневным дневниковым записям А. М. Достоевского. Они подчеркивают хроникальность и сюжетно-тематическую процессуальность, свойственные жанру дневника. В какой-то мере печатные заметки эквивалентны

¹ Здесь и далее рукописные материалы дневников цит. по: РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 56. № 2—9. Рядом в круглых скобках через запятую под литерами ДН указан год соответствующего дневника и номер листа в архивной пагинации. С полным содержанием дневников можно познакомиться по адресу: <http://philolog.petsu.ru/amdost/diaries/diaries.htm> (или: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/amdost/diaries/diaries.htm>). Работа по расшифровке рукописного текста дневников ведется в рамках проекта РГНФ № 14-04-00094а «Подготовка к публикации “Дневников” А. М. Достоевского: Текстология, исследование, комментарий».

² Здесь и далее все подчеркивания автора мы обозначаем курсивом.

путевым описаниям: публицистические отрывки, расположенные в хронологическом порядке и маркируемые автором, формируют подобие путеводной текстологической нити, исторического вектора, по которым субъект незримо совершает свое путешествие. Большой любовью у А. М. Достоевского пользуются: 1) натуралистические зарисовки Д. Кайгородова (так называемые «бюллетени природы», информирующие читателя о метаморфозах в животном и растительном мире), 2) рассказы об известных людях прошлого и связанных с ними событиях (к примеру, воспоминания Александры Осиповны Смирновой-Россет (1809—1882), фрейлины императорского двора, которая была дружна с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем и другими яркими литераторами того времени), 3) новости заграничной жизни, 4) различные статистические данные, 5) хозяйственно-бытовые сведения (рубрика «обиходная рецептура»).

Особенное положение в дневниках А. М. Достоевского занимают газетные заметки биографического характера. В них упоминаются дорогие и памятные сердцу автора имена — сестры Варвары Михайловны Карепиной (1822—1893, урожд. Достоевская, состояла в браке с Правителем канцелярии Московского военного генерал-губернатора П. А. Карепиным), брата Федора Михайловича Достоевского, старшего сына Александра (1857—1894). Тяжелое впечатление оставляют публикации, посвященные сестре и сыну Андрея Михайловича, так как они омрачены скорбными событиями в жизни автора. 21 января 1893 года в собственном доме по 1-му Знаменскому переулку в Москве была зверски убита и подожжена В. М. Карепина, а 6 октября 1894 года после продолжительного нервного расстройства в клинике душевных болезней при Императорской военно-медицинской академии умирает Александр Андреевич Достоевский. Печатные вставки, обрамляющие интимную семейную эстетику текста, символизируют психологический компромисс между стремлением автора камерно живописать судьбы родных ему людей и возможностью обнародовать наиболее значимые (драматические или торжественные) моменты их жизни. Кроме того, в данном случае газетные заметки возлагают на себя функцию своеобразного стилистического камертона, который улавливает общее моральное настроение рукописных эпизодов и транслирует подавленное психологическое состояние автора читателю. В обратную сторону это можно интерпретировать как внутреннее эмоциональное освобождение А. М. Достоевского: он сообщает свою боль вовне не только через основной текст записи, но и посредством художественных инструментов публицистического жанра. Наподобие фотографических карточек, газетные заметки оживляют память об ушедших родственниках, рисуют портреты их личностей, опосредованно затрагивают ключевые стороны характера. По словам В. Г. Костомарова, стилистическое своеобразие газетно-публицистического жанра базируется на взаимодействии текстологических клише, устойчивых речевых формул с экспрессивностью автор-

ского высказывания. Подобная художественная ассимиляция в той или иной мере присуща всем речевым стилям, но в пределах газетной публицистики этот принцип возведен в жанровый канон: «<...> самое главное — в общественной эстетике, в том, что понимается как красивое (маркировано автором. — К. С.)» [5, 12]. Довольно часто литературная эмоциональность слога принимает формы неоправданной (иногда фальсифицированной) деструкции образов рассматриваемых в заметках персоналий. Так незамедлившая последовать за убийством В. М. Карепиной статья в январском номере газеты «Московский Листок» (№ 22, 1893 г.) под заглавием «Жертва скупости» вызвала справедливое негодование в душе А. М. Достоевского. Автор характеризует ее не иначе как «гнусная статейка» и отправляет в редакцию издания ответное «протестующее письмо»: «Воскресенье 24го Января <...> Между тѣмъ гнусная статейка о смерти сестры В. М. въ Московскомъ Листкѣ № 22, которую я прочелъ вчера, подъ заглавиемъ «Жертва Скупости», — продолжала сильно волновать меня. Какое имѣла право редація озаглавливать такъ причину смерти сестры?! — Обдумавъ дѣло, я рѣшилъ написать протестующее письмо для напечатанія въ той же газетѣ Московскій Листокъ. — Ежели я не вступлюсь за свѣжую могилу покойной, — то кто же вступится подумалъ я. <...>«(ДН1893—1894, л. 5 об.). Однако исход газетной полемики оказался не в пользу Андрея Михайловича. В дневниковой записи от 29 января 1893 года автор сокрушенно констатирует: «<...> Сперва обычнымъ путемъ дошелъ до бульвара и мимо Казанскаго Собора прошелъ въ лавку Овсянникова. — Тамъ недолго посидѣлъ. — Во время моего тамъ пребыванія туда принесли газеты и я увидавъ № Московскаго Листка, попросилъ его пробѣжать. Пробѣгая увидѣлъ, что мое письмо въ этомъ Номерѣ 28^{мѣ} отъ 28го Января напечатано. — Но какъ напечатано въ извлеченіи. — Архимощенникъ Пастуховъ выпустилъ всё то что было ѣдкаго относительно его, а напечаталъ только (правда моими словами) некрологъ покойной! <...>«(ДН1893—1894, л. 6 об.). Приведенная цитата, начиная со слов «Пробѣгая увидѣлъ» и до конца, слева на полях отмечена карандашом вертикальной линией с пометой NB, что косвенно говорит об особом эмоциональном состоянии автора, расстроенного своей неудачей. К сожалению, А. М. Достоевский не перенес озвученные нами свидетельства газетной полемики с редакцией «Московского Листка» на страницы дневников. Видимо, некомпетентный и небрежный тон публикаций повлек столь сильное отторжение автора, что заставил отказаться от включения их в содержание дневникового текста. Однако в заключении дневника 1893—1894 годов А. М. Достоевский помещает три газетные вырезки, касающихся дела об убийстве В. М. Карепиной: 1) «Изъ газеты «Гражданинъ»«(ДН1893—1894, л. 130 об.), 2) «Изъ № 35го Московскаго Листка отъ 4го Февраля 1893 года» (ДН1893—1894, л. 131), 3) «Изъ газеты «Русскія Вѣдомости» № 78 отъ 21го Марта 1893 года» (ДН1893—1894, лл. 132 об.—133). О двух

последних газетных сообщениях упоминается в основном тексте дневниковых записей: фрагменты 1) от 5 февраля 1893 года («<...> В другом же пакетѣ былъ № Московскаго Листка за № 35^а съ подробнымъ описаніемъ страшнаго убійства. <...>» (ДН1893—1894, л. 8), 2) от 22 марта 1893 года («<...> В 12^ч ко мнѣ заходилъ Треппель и принесъ два № Московскихъ Газетъ а именно Русскія Вѣдомости № 78 и Московскій Листокъ № 80; обѣ отъ 21го Марта. Вѣ обѣихъ напечатаны краткіе отчеты обѣ Уголовномъ дѣлѣ, разбиравшемся въ Московскомъ Окружномъ Судѣ 20го Марта по убійству сестры Варвары Михайловны Карепиной. <...>» (ДН1893—1894, л. 19)).

Таким образом, несмотря на то, что композиционно заметки вынесены за пределы основного текстологического высказывания, они всё равно сопряжены с сюжетной канвой повествования. Вступительный же абзац первой заметки отсылает читателя к публикационной риторике автора с «Московским Листком»: «Недѣли двѣ тому назадъ, въ собственномъ домѣ сгорѣла, по неосторожности, Варвара Михайловна Карепина, родная сестра покойнаго писателя Ф. М. Достоевскаго. Сообщая обѣ этомъ происшествіи, нѣкоторыя газеты позволили себѣ озаглавить эти сообщенія «Жертва скупости», такъ какъ скончавшаяся Карепина вела скромную жизнь, отказывая себѣ нерѣдко почти въ необходимомъ, на что немедленно послѣдовало возраженіе со стороны брата покойной Андрея Михайловича Достоевскаго» (ДН1893—1894, л. 130 об.).

Сюжетно-композиционное значение газетных эпизодов с участием В. М. Карепиной не исчерпывается лишь их соотношением с общей стилистической динамикой текста. Они также способствуют раскрытию образа автора, делая его характер более рельефным, многогранным. Ранее в дневниковых записях А. М. Достоевского можно встретить достаточно резкие комментарии в адрес В. М. Карепиной, в которых автор с горечью описывает положение дел сестры и порицает её за скупость и стремление к наживе («Понедѣльникъ 17го Апрѣля <1889> <...> Но Боже мой! — что это за жизнь!! Отказывать себѣ во всемъ даже необходимомъ, и все копить, копить и копить!!! <...>» (ДН1888—1889, л. 55 об.)). Узнав о смерти сестры, А. М. Достоевский отступает от некогда высказанных им критических суждений и пытается реабилитировать её образ. Знаковая полемика с «Московским Листком» — прежде всего попытка объяснить самому себе (не только отстоять репутацию сестры в глазах общественности) нравственные трансформации, произошедшие в душе Варвары Михайловны.

На одном из последних листов дневника 1894—1895 гг. вклеены три газетных отрывка-некролога в память Александра Андреевича Достоевского (ДН1894—1895, л. 133): 1) «Изъ газеты Врачъ отъ 13го Октября 1894 г. № 41го», 2) «Изъ газеты Новое Время (современно)», 3) «Изъ газеты Петербургскій Листокъ № 277го за 1894 годъ. —». Как и в случае с В. М. Карепиной, сюжетно-композиционные предпосылки для появления данных печатных фрагментов содержатся в основном тексте записей. В за-

писи от 30 октября 1894 года читаем: «<...> Въ семь послѣднемъ (письме. — К. С.) Андреюшка (младший сын А. М. Достоевскаго. — К. С.) приложилъ 2 некролога о Сашѣ; одинъ вырѣзанный Петерб. Листокъ изъ № 277 за сей 1894 г.; а другой болѣе серьезный изъ газеты Врачъ отъ 13го Октября 1894 года за № 41, доктора Шавловскаго. <...>» (ДН1894—1895, л. 38 об.). К газетной заметке, обозначенной как «Изъ газеты Новое Время (современно)», по всей видимости, отсылает нас следующая дневниковая ремарка от 13 октября 1894 года: «<...> Въ газетѣ № 6686, помѣщенъ очень симпатичный некрологъ о Сашѣ, который я прочелъ обливаясь слезами! <...>» (ДН1894—1895, л. 34 об.). Отправной точкой всего рассматриваемого цикла этих скорбных публикаций выступает запись, сделанная А. М. Достоевским 7 октября 1894 года, в тот день, когда он, получив телеграмму от родственников, узнает о кончине Александра: «<...> Распечатывъ телеграмму я прочелъ слѣдующее: «Саша скончался 6го Октября 7 час. 30 мин. вечера, похороны воскресенья. — Рыкачевы Достоевскій». Еще не распечатывая телеграммы я зналъ что она извѣщаетъ о смерти страдальца!!! Но несмотря на то всё таки она меня порадовала! И такъ всё кончено, ... дорогого Саши уже не существуетъ!!!! <...>» (ДН1894—1895, л. 34).

Любопытен тот факт, что все газетные заметки, корреспондирующие с угнетенным, подавленным состоянием автора, находятся вне основного поля дневникового текста. Стилистически, идейно-тематически они входят в состав корпуса каждодневных записей, поскольку информационно и эмоционально взаимодействуют с авторским словом. Тогда почему А. М. Достоевский оставляет текущие газетные вырезки «за скобками», отстраняется от них, в первую очередь, как читатель, пряча где-то в глубине своего повествования? Внутренняя потребность А. М. Достоевского пережить переломные драматические моменты семейной истории в одиночестве, без общественного соучастия диктует такую «разорванную» композицию основных записей и освещающих их газетных заметок. Для автора утрата близких людей — это личная трагедия, а не новостной инцидент или повод для сплетен в одной из газетных рубрик.

Среди материалов дневников А. М. Достоевского присутствуют и публицистические заметки, рассказывающие о некоторых эпизодах из жизни брата Федора Михайловича. Им автор отводит место в основном текстологическом пространстве дневниковых наблюдений. Например, в цепочке мартовских записей 1893 года обнаруживается фрагмент из газеты «Новое Время» от 3го марта 1893 г. (№ 6110) (ДН1893—1894, л. 14 об.). Этот небольшой отрывок передает воспоминания «адъютанта дивизионного генерала Дометти» г. Иванова от встречи его в 1855 году с Ф. М. Достоевским, служившим тогда рядовым в Семипалатинске: «Достоевскій пришелъ къ г. Иванову <...> и просилъ его помочь ему представить черезъ этого генерала корпусному командиру Гасфорту стихи, написанные имъ на смерть императора Николая

Павловича и посвященные его августейшей супруге императрице Александре Феодоровне». Текст статьи очень благожелателен, и сама ситуация, представленная в ней, окутана атмосферой доброй грусти, сентиментальной ностальгии. Иванов сообщает о впечатлении, произведенном стихами Ф. М. Достоевского на генерала Дометти: «въ добрыхъ глазахъ старика блеснули слезы <...> — Скажите ему (Ф. М. Достоевскому. — К. С.), — отвѣчалъ онъ, повернувшись въ сторону, чтобы я не замѣтилъ его слезъ, — что стихи его прекрасны и я буду лично просить корпуснаго командира представить ихъ вдовствующей императрице».

На л. 116 об. ноябрьских записей дневника 1895 года приводится газетная заметка с описанием омской жизни Ф. М. Достоевского в пору его пребывания на каторге («Изъ № 7069^ю отъ 2^ю Ноября 1895 года — газеты Новое Время. —»). Наряду с Ф. М. Достоевским героем заметки также стал и «его товарищ по ссылке», петрашевец С. Ф. Дуров. Статья вышла под типичной рубрикой «Нового Времени» — «Среди газет и журналов», в которой цитировались отрывки из опубликованных в других печатных изданиях литературных новинок (очерков, воспоминаний, мемуаров, биографических свидетельств). Так автором очерка, чьи материалы на этот раз были использованы в заметке, является г. Мартыанов, представитель «омского общества пятидесятих годов». Воссозданный им психологический портрет Федора Михайловича раскрывает читателю потаенные стороны характера писателя и перекликается с текстом другой заметки из аналогичной рубрики «Среди газет и журналов» (фрагменты воспоминаний Д. В. Григоровича). Только во втором случае речь идет об юношеских годах Ф. М. Достоевского. Заметка помещена среди декабрьских записей 1892 года. Сравним: 1) картина омской жизни писателя — «Всегда насупленный и нахмуренный, онъ сторонился вообще людей, предпочитая въ шумѣ и гамѣ арестантской камеры оставаться одинокимъ, дѣлясь съ кѣмъ-нибудь словомъ, какъ какой-нибудь драгоценностью, только по надобности» (ДН1894—1895, л. 116 об.), 2) время обучения Ф. М. Достоевского в Инженерном Училище — «Ф. М. уже тогда выказывалъ черты необщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста; вскорѣ нашлось такое мѣсто и надолго стало его любимымъ: глубокой уголь четвертой камеры, съ окномъ, смотрѣвшимъ на Фонтанку; въ рекреационное время его всегда можно было тамъ найти и всегда съ книгой» (ДН1891—1892, л. 119). Оба свидетеля ушедших событий отмечают сдер-

жанность характера Федора Михайловича, его стремление к уединению, саморефлексии.

В 1896 году исполнилось 50 лет с момента выхода в свет повести Ф. М. Достоевского «Бедные люди». А. М. Достоевский не мог обойти вниманием данное событие. Доказательством этому служат как дневниковые комментарии автора, так и заметка М. Александрова из газеты «Новое Время» от 9^ю Января 1896 года, приуроченная к юбилею произведения (ДН1896, л. 3). Публикация объединяет два хронологических плана — прошлого и настоящего: наравне с сообщением о грядущих торжествах в честь памятной даты, в ней присутствуют и выдержки из воспоминаний Ф. М. Достоевского о своем дебютном сочинении. Обращаясь к читателю, М. Александров выражает надежду на достойное празднование литературного юбилея: «Судя по тому, какъ встрѣчено было первое произведение Ф. М. Достоевскаго полвѣка назадъ корифеями литературы той эпохи, можно предполагать, что современные представители русской литературы и образованное русское общество 24-го января достойно помянутъ писателя, оставшагося вѣрнымъ до конца и украсившаго русскую литературу цѣлымъ рядомъ блестящихъ произведений». Однако, как явствует из дневникового высказывания А. М. Достоевского от 27^ю января 1896 года, эти надежды не оправдались: запланированные в день юбилея чтения в ярославском артистическом кружке были отменены, а в Петербурге все действие ограничилось «скромным и малолюдным» молебном на могиле писателя («<...> Что то неожиданно-странное случилось съ намѣреніемъ чествовать память Ф. М. Достоевскаго по случаю 50^{ти} лѣтїя его перваго сочиненїя. Въ Ярославлѣ не допустилъ этаго чествованїя Попечитель Московск<аго> Учебнаго Округа, въ Петербургѣ же состоялось только чествованїе на кладбищѣ, да и то авторы рѣчей у могилы, были переписаны Полиціей, какъ значится въ прилагаемой вырѣзкѣ. Что бы этотъ сонъ обозначалъ! <...>» (ДН1896, л. 5 об.)). Вклеенная на том же листе газетная вырезка («Изъ <Новаго Времени> № 7151^ю отъ 28^ю Января 1896 года»), подытоживающая историю с юбилейными торжествами, замыкает сюжетно-тематическую линию анализируемых А. М. Достоевским событий.

Итак, А. М. Достоевский использует различные интертекстуальные фрагменты (литературные цитаты, газетные заметки) для придания творческой динамики повествованию. Расширяя стилистическое пространство дневникового текста, автор соотносит свою личную историю и судьбы родных ему людей с историческими реалиями эпохи, переводит поэтику частного высказывания на новый уровень — публичности.

Литература:

1. Бахтин, М. М. Из записей 1970—1971 гг. // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: «Искусство», 1979. С. 336—360.
2. Бикмуханова, С. И. Публицистический стиль и его функционирование // Science Time. 2014. № 2 (12). С. 35—38.
3. Заика, В. И., Гиржева Г. Н. Интертекстуальность как свойство художественной модели // Русская историческая филология: Проблемы и перспективы. Петрозаводск, 2001. С. 178—186.

4. Застёла, К. С. Интертекстуальность как составляющая художественного текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 197–201.
5. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений за речевой практикой масс-медиа. 3-е изд, испр. и доп. СПб: Златоуст, 1999. 320 с.
6. Михеев, М. Ю. Фактографическая проза или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 2. С. 133–142.
7. Михеев, М. Ю. Фактографическая проза или пред-текст. Дневники, записные книжки, «обыденная» литература // Человек. 2004. № 3. С. 132–143.
8. Фоменко, И. В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины/Под. ред. Л. В. Чернец. М., 1999. С. 496–506.
9. Хазанов, Б. Дневник сочинителя // Октябрь. 1999. № 1. С. 176–188.

Разум и чувства

Сонг Тяньяо, аспирант

Пекинский аэрокосмический университет (Китай)

Пушкин является русским величайшим поэтом золотого века, и Маяковский является лучшим поэтом серебряного века. Годы, в которых они жили разные, поэтому у них не было пересечение. Но по сравнению Пушкина «Я вас любил» и Маяковского «Любит? Не любит? Я руки ломаю», автор положил двух поэта вместе, чтобы оценить их стихи, которые показывают различные виды любви. Надеется, что будущие поколения могут получить вдохновение от их любви.

Ключевые слова: Пушкин, Маяковский, любовь

Любовь Пушкина — разум

Любовь является одной из вечных тем литературного творчества, и собственный опыт писателя о любви в нём играет важную роль. Как правило, любовная жизнь писателей постоянно становится силой их создания. Пушкин и Маяковский без исключения, потому что эти два стихотворения отдельно взяты из их жизненных опытов. Стихотворением Пушкина является «Я вас любил», стихотворением Маяковского является «Любит? Не любит? Я руки ломаю». По описанию фактов, автор уверен в том, что будущие поколения могут испытывать сильные чувства реальности и понять незабываемые любви поэтов.

Александр Сергеевич Пушкин является русским поэтом и писателем 19 века, он рассматривается как основоположник новой русской литературы, создатель русского литературного языка и славится как Отец русской литературы и Солнце русской поэзии. Пушкин всю жизнь создал бесчисленные стихи, которые обширны по содержанию и форме, и в том числе более 200 любовных стихотворений, что составляет четверть лирики. Известные любовные стихотворения нам знакомы, как «К Керн», «Её глаза», «Весна, весна, пора любви», «Ты и вы».

Стихотворение «Я вас любил: любовь ещё, быть может...» написанное в 1829 году во время южной ссылки, было посвящено Анне Алексеевне Андреевне Олениной, которая является дочерью Оленина — археолога, президента Санкт-Петербургской академии художеств.

В то время Пушкин и Оленина любили друг друга, но они не были в браке из-за того, что Пушкин иронизировал над господством царя, а отец Оленины поддержал царя, поэтому Оленин отказался принять Пушкина. Пушкин грустно ушёл. Это служило причиной появления этого истинного любовного стихотворения.

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

1829

Внимательный читатель, может быть, не понимает, почему глагол в заголовке стихотворения под названием «Я любил вас» является прошлой формой, и объектом любви является «вы» вместо «ты»? Ведь «вы» в русском языке выражается как обращение младшего к старшему или выражение отношения отчуждения. На самом деле, поэт пытается выразить благоговение и уважение к этой любви, и только такая любовь достойна поэта после потерявшего её, не продолжившего бороться, а отпустившего руки и пожелавшего, чтобы она была любимой другим. И, несмотря на глагол в прошлой форме объясняется, что поэт, может быть, сейчас еще любит эту девушку, но он с решимостью хочет избавиться от этой неудачи в любви.

В начале стихотворения поэт выражает свои чувства просто и чётко, «я вас любил» и степень этой любви может увеличиться. Двоеточие в первой строке стихотворения объясняется о том, что степень этой любви очень глубока. Обычно любовь сравнивают с пламенем, потому что любовь как пламя может дать нам тепло, но во второй строке стихотворения поэт сравнивает любовь с гаснущим пламенем. Это показывает, что поэт пытается подавлять эти чувства, чтобы не повлиять на других людей нормальную жизнь. На протяжении всего стихотворения не трудно найти употребление отрицательных форм, таких как «не хочу», «ничем», «безмолвно», «безнадежно» представляющего сильное противоречие со словом «любил», который несколько раз появляется в стихотворении, это выражает о том, что поэт любит её так искренно, так глубоко, так незабываемо, но ему пришлось отпустить руки и он желает, чтобы она была любима. В шестой строке стихотворения «то робостью, то ревностью томим» использование союзного слова «то, то» тонко углубило боль и борьбу поэта. Во всём стихотворении нет риторики, нет ненужных облепихи и в этом простом языке естественно раскрывает искренность и человеколюбие поэта. Величие поэт состоит в том, что его любовь глубока, самоотверженна и полна духом самопожертвования. Возможно, именно такой взгляд на любовь поэта делает это стихотворение знакомым людям до нынешнего дня.

С такой глубокой любовью составляет сильный контраст любовь Маяковского.

Любовь Маяковского — чувства

Владимир Владимирович Маяковский является одним из наилучших поэтов в истории русской поэзии 20 века, а также является одним из наиболее характерных представителей футуристического направления. Маяковский всю жизнь создал более тысячи трёхсот стихотворений, в которых любовные поэзии составляют более тридцати, включая в себя «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Лиличка», «Люблю», «Про это». Мне кажется, что именно любовная лирика может играть важнейшую роль в осмыслении всего созданного Маяковским. Особенность его любовных поэзий характеризуется тем, что он сосредоточивается на существовании человека через личные любви. Это стихотворение исходит из первой отрывки «Неконченного», посвящённое Веронике Полонской, с которой поэт познакомился в последнем периоде творчества. Поэт в тридцатых годах очень хотел развести семью, но он неоднократно терпел неудачу. Именно Вероника Полонская сопровождала его проводить период, когда его настроение упало. Поэт безумно любил Веронику Полонскую, но не знал, что она хотела бы вступить в брак с ним или нет. Под влиянием этого настроения поэт написал это стихотворение.

Любит? Не любит? Я руки ломаю
и пальцы
разбрасываю, разломавши,
так рвут, загадав, и пускают
по маю
венчики встречных ромашек.
Пускай седины обнаруживает стрижка
и бритьё.
пусть серебро годов вызванивает уймою,
надеюсь, верую: вовеки не придёт
ко мне позорное благоразумие.

1928—1930

«Любит? Не любит? Я руки ломаю» очевидно, здесь поэт использовал стилистический приём — гипербола преувеличил действие с целью, чтобы выразить сложные чувства, то есть он не знал, что делать. Он был не уверен, она любит его или нет и он даже хотел сломать пальцы, чтобы выразить этот клубок эмоций. В третьей и четвёртой строках стихотворения упомянут традиционное народное гадание России: молодые мужчины и женщины гадают хризантемами. Они оборвут лепестки и в то время произнесут «любит? не любит?». Если получается чётное количество лепестки — значит они любят друг друга, если нечётное — наоборот. И поэт, кажется, уже не мог дожидаться гадать хризантемами, и он очень хотел сломать руки, чтобы гадать на любовь. Кажется бы, это кровавый любовь, но на самом деле это отражает важность любви для поэта. Маяковсией сказал «Я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало. В результате моя рифмовка почти всегда необычайна и уж во всяком случае до меня не употреблялась, и в словаре рифм ее нет.» В стихотворении слова «ломаю маю уймою» рифмуются, здесь поэт использует инверсию, чтобы создать характерную рифму, которую следует подчеркнуть, когда читаешь вслух. «Пусть серебро годов вызванивает уймою» здесь выражается, что время внезапно быстро летело, но любовь поэта к героине не снижается от этого. В конце стихотворения почему поэт считает благоразумие позорным, потому что Маяковсией сказал «Любовь это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела, и все прочее. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается мнимым, ненужным. Но если сердце работает, оно не может не проявляться в этом во всем. «По мнению поэта, надо настойчиво стремиться к любви, хотя бы у любимого есть семья. Самое позорное является благоразумием, которое помогает сдерживать чувства.

Мне кажется, что стихотворении Пушкина и Маяковского не только рассказывают о их любви, но и передают нам их взгляды на любовь. Два стихотворения дают читателям чувство столкновения между разумом и чувством. Каждая попытка может дать вам различное чувство. Как выбрать любовь, вам нужно своё понимание.

Мотив сна в произведениях Навои (на примере дастанов «Хамса»)

Турсункулова Юлдуз Рахматилла кизи, студент

Научный руководитель: Мамадалиева Зухра Умаралиевна, кандидат филологических наук
Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри (Узбекистан)

По преданиям наш Пророк (с. а. в.), покидая этот бренный мир и готовясь к переходу в вечный, продолжал давать наставления. И когда сподвижники, проливая слезы, спросили его: «Эй, Посланник! Кто теперь будет руководить нами, за кем мы пойдём?». Тогда Посланник ответил: «Сны, увиденные моим правоверным народом о будущем — самое лучшее предвидение». [1]

Действительно, человеческий сон — великое чудо. Кто-то к нему относится равнодушно, еще кто-то, напротив, преданно верит снам и их различным толкованиям. Итак, почему мы видим сны, каково их значение в художественной литературе?

В дастане «Алпамыш», совершенном образце устного творчества узбекского народа, Коражану во сне приказывают подружиться с Хакимбеком (Алпамыш). [2] Или взять другой дастан — «Кунтугмиш». Главные герои дастана — Кунтугмиш и Холбека первый раз встречаются друг с другом во сне. В это же время и влюбляются. [2] Подобно этому, в «Шахнаме» Фирдоуси Афрасиаб благодаря своему сну сберегает своих воинов от кровопролитной войны, между двумя государствами устанавливается мир. [3]

Конечно, трудно представить узбекскую классическую литературу без творчества Алишера Навои. А как предводитель литературы общетурецких народов и ювелир слова относится к мотивам сна в своих произведениях? Чтобы найти ответ на этот вопрос обратимся к крупномасштабному лирическому наследию творца — дастану «Хамса». Прежде всего, естественно, сам Навои тоже часто видел сны. В частности, в четвертом дастане «Хамсы» — «Саббай сайёр» творец излагает один сон, который видел сам.

Если победит печаль душу,
Домом очей завладел сон.

Фантазия художника стала явью,
В доме мысли скрывается всё.

Увидел себя среди изумительный лад,
Среди грации благочестия единого космоса.
Завет взору всех сторон этого космоса,
Всего верного друга семи гунбад. [4]

Поэт рассказывает, что слышал во сне семь рассказов в течение семи дней в семи замках семь цветов. Один старец разъясняет ему, что, прежде чем приступить к написанию дастана, ему следует ознакомиться с ошибками и недостатками наставников, пишущих пятерицы, исправить их. Проснувшись, Навои рассказывает сон тол-

кователю, а узнав толкование, приступает к написанию дастана. Без сомнений, великий поэт с успехом закончил это дело.

В 30-й главе этого же дастана Навои увидел во сне шаха Бахрама, который пишет ему поздравление в связи с успехом дастана. Вместе с тем он доставляет Хусейну Байкара наставления, услышанные во сне от шаха Бахрама. И если сказать, что имели своё воздействие и сны, увиденные поэтом, на художественный уровень дастана «Саббай Сайёр», построенные на интересном сюжете, то мы не сильно отделимся от реальности. [4]

С мотивом сна мы встречаемся и других дастанах «Хамсы». По толкованию Навои, в «Фархаде и Ширин», считающимся «Дастаном Восторга» Фархад был пленен Хусравом с помощью хитрости. Об этом во сне был предупрежден друг Фархада Шапур. Подобно этому, в конце дастана находит свое отражение самая пафосная точка произведения через мотив сна. После гибели Фархада и Ширин, во снах каждого второстепенного героя, представленных на втором фоне показано, что Фархаду и Ширин уделено место на самом высшем обиталище рая и они веселятся в лучах божественного счастья. А это пробуждает удовлетворение от судьбы героев в душе каждого ученика, знакомого с дастаном. Как правило, каждый дастан обычно имеет печальный исход. Несмотря на это, мотив сна придает концовке произведения приподнятое настроение. [4]

Даже в самом почитаемом дастане «Хамсы» «Лейли и Межнун» встречается описание сна. Эти сны принадлежат Межнуну, с их помощью отражаются самые печальные процессы дастана. Вспомним отрывок дастана, где Навфал, пожалев Межнуна, обещает прийти в племя Лейли в качестве свата. Получив резкий отказ, Навфал стягивает войска к племени Лейли. Дело близится к победе Навфала, а отец Лейли замысливает убить свою дочь для предотвращения своего поражения. Это решение отца Лейли снится Межнуну и он просит Навфала остановить битву. Дальше Межнун, увидевший во сне смерть своих родителей в символической гибели двух голубей, со стоном бежит на кладбище и оплакивает их у двух могил. В частности, в дастане мотив сна превращается в символ выражения печали. [4]

Пятый дастан «Садди Искандарий» среди дастанов «Хамсы» имеет особое значение в отношении объема. В этом дастане отчетливо представляется владение весомым знанием мировых наук и мир фантазии автора. Доказательством нашей мысли является многократное обращение в произведении к географическим названиям, последовательном размещении физических явлений

и исторических фактов. Вместе с этим в этом дастане Навои мастерски использует мотив сна. А именно, в одном месте хан Чина в облиии посла приходит к Александру и преклоняется перед ним. А Александр видел во сне два солнца и остался весьма доволен этим.

По какой причине Навои снова и снова обращался к мотиву сна? Если внимательно проанализировать эти моменты, можно увидеть, что каждый из образов, видевших сон — это положительный герой. А их сны заслуживают внимания тем, что призывают к добру и только к добру.

Литература:

1. Имом ал-Бухорий. Ал жомъе ас-сахихи. Ташкент: Маънавият, 2002.
2. Омонулла Мадаев. Узбекское устное народное творчество. Ташкент: Мумтоз сўз, 2010.
3. Абулкасым Фирдоуси. Шахнаме. Ташкент: Гафур Гулям, 1975.
4. Алишер Навои. Сборник совершенных произведений. 20 томник. Ташкент: Фан, 1983.

Диалогическая речь в обучении иностранному языку

Файзиева Феруза Музафаровна, преподаватель английского языка;
Умарова Лобар Шухратовна, преподаватель английского языка
Зарафшанский промышленный профессиональный колледж (Узбекистан)

Статья посвящается методу диалога в обучении английского языка. В предлагаемой статье диалогическая речь рассматривается как необходимый компонент для формирования у студентов иноязычной коммуникативной компетенции, что является одной из главных целей обучения иностранному языку в современном вузе.

Ключевые слова: лингвистика, методы обучения, коммуникация, английский язык, языковая культура.

Потребности современного общества нашли свое отражение в определении целевых установок подготовки обучающихся по различным специальностям с учетом особенностей межкультурной коммуникации. Сохраняя приобретение коммуникативной компетенции в качестве главной цели обучения, современная теория и практика обучения иностранным языкам значительное внимание уделяют формированию тех ее компонентов, которые обеспечивают социальные и культурные нормы общения. Глобальная цель обучения иностранным языкам, таким образом, видится как интегративное целое, где формирование иноязычной коммуникативной компетенции тесно увязано с когнитивным и эмоциональным развитием учащихся. Реализация цели формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранным языкам предполагает расширение языкового, культурного и эмоционального опыта студентов за счет поступательного приобщения к культуре страны изучаемого языка при бережном отношении к родной культуре.

Любое общение, прежде всего в форме диалога, начинается с восприятия партнера по коммуникации, с формирования его образа. До студентов важно донести, что наше

Герои Навои — представители божественной страсти. В их судьбе страсть дается им как их доля. Стало быть, эти божественные символы словно послы из будущего видевших сны. Если взять мотив сна как символ судьбы, это не будет ошибочным. Так как художественная миссия, возложенная на героев, часто раскрывается именно через сны. Подобно этому, отступая от традиционности в дастане, мотив сна служит повышению художественной впечатлительности произведения. Если так, неудивительно, что сны, которые видел поэт, стали причиной успеха Навои, в том числе и сны, которые видели герои произведения.

восприятие не в последнюю очередь определяется принадлежностью к той или иной группе (культуре, национальности, социальной группе), поэтому межкультурное восприятие нужно развивать специально. Проблема контакта является одной из ключевых проблем межкультурной коммуникации. Готовность к диалогу, представление о способах его реализации определяют позицию человека по отношению к партнерам по коммуникации, а также по отношению к самому себе. [1]. В диалоге субъективный мир одного человека раскрывается для другого; в диалоге же человек самоопределяется и обнаруживает свои индивидуальные особенности. Опыт участия в диалоге может быть положительным или отрицательным, но именно в диалогической речи человек раскрывается наиболее полно. В этой связи большое значение приобретает обсуждение со студентами тактики ведения диалога на иностранном языке и анализ возникающих коммуникативных и психологических барьеров.

Диалог представляет собой процесс обмена текстуально-организованной информацией, взаимодействие, определяемое социальными условиями и отражающее социокультурную принадлежность его участников, занимающих

активные позиции в процессе его развертывания. В процессе практического использования иностранного языка происходит формирование умений социокультурного общения в процессе диалогического взаимодействия с носителем иной концептуальной картины мира. Обучающийся, воспринимая информацию и перекодируя ее в соответствии со своей лингво-культурной принадлежностью, конструирует свои знания относительно специфики общества, с представителем которой он взаимодействует. Выделяют следующие экстралингвистические черты диалога: коллективность информации; разноплановость информации; различия в оценке информации; активное участие в речи мимики, жестов, действий партнеров; влияние предметного окружения партнеров. Диалогическая речь значительно менее развернута, чем монологическая, поскольку в условиях естественного общения она восполняется общностью ситуации, совместным опытом говорящих. Эти обстоятельства усугубляют трудности понимания собеседника в процессе диалога на иностранном языке. Диалогическое речевое действие, как и всякое действие, может быть одношаговым и многошаговым, может выступать в качестве составной части целого и рассматриваться как целое, составленное из частей.

В психологическом плане диалогическая речь обладает следующими характеристиками [2]:

— всегда мотивирована: мы всегда говорим по какой-то причине, с какой-то целью, которая определяется внешними, либо внутренними стимулами;

— всегда обращена к слушателю (собеседнику): мы всегда говорим с кем-то, для кого-то; чтобы высказать свое мнение, поделиться мыслями, убедить, доказать, спросить и т. д.;

— всегда эмоционально окрашена, поскольку говорящий выражает свои мысли, чувства, отношение к тому, что он говорит;

Литература:

1. Сафонова, В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. — М.: НИЦ «Еврошкола», 2002.
2. Смольяникова, И. А. Формирование иноязычной компетентности в социокультурном пространстве диалога. Автореф. ... канд. дис.: М., 2001

— всегда ситуативно обусловлена, так как она протекает в определенной ситуации.

Наиболее привлекательными в учебном процессе являются диалоги динамического типа, так как представляют собой образцы живого общения в фиксированном виде и предоставляют богатый материал, иллюстрирующий способы выражения разнообразных коммуникативных намерений. В зависимости от интересов студентов для работы могут быть предложены как образцы интервью с политиком или экономистом, врачом или спортсменом, артистом или ученым. Независимо от содержания беседы набор коммуникативных интенций, а также лексических средств их выражения чаще всего остается постоянным. Однако, нужно признать, что аудирование или чтение диалога достаточно трудны для восприятия. Студенты должны не только понять, о чем говорят собеседники, но и уметь определить их коммуникативные намерения, следить за развитием их мысли, вычленять главную и детализированную информацию, делать обобщения, определять позицию интервьюируемого, его отношение к чему-либо или кому-либо на основе полученной информации, прогнозировать варианты дальнейшего развития диалога. Перечисленные умения относятся к числу сложных, связанных с высоким уровнем владения иностранным языком, поэтому их формирование является долгим процессом.

Таким образом, в процессе изучения иностранного языка студенты приобретают навыки диалогической речи, которую нельзя «запрограммировать», так как речевое поведение одного партнера зависит от речевого поведения другого партнера. Умение вести диалог с представителем другой культуры способствует формированию у студентов иноязычной коммуникативной компетенции, что является одной из главных целей обучения иностранному языку в современном вузе.

Стилистический аспект немецкоязычной деловой корреспонденции

Хмилярчук Наталия Семёновна, кандидат педагогических наук, доцент
Львовский институт экономики и туризма (Украина, г. Львов)

В статье проводится анализ немецкоязычного делового письма в стилистическом аспекте. Рассмотрены основные требования, касающиеся написания делового письма, и стилистические нормы деловой корреспонденции.

Ключевые слова: деловое письмо, деловая корреспонденция, официальное письмо, стиль делового письма, коммуникативная структура, стили выражения, стиль общения, лексические средства.

В последние десятилетия в связи с прогрессивным развитием делового сотрудничества с представителями международного бизнеса усилилось внимание к деловой письменной коммуникации, поскольку существенная часть общения в профессиональной сфере осуществляется в письменном виде.

Цель статьи — анализ стилистического аспекта деловой коммуникации, а именно делового (немецкоязычного) письма, как важной составляющей анализа этого вида документации, имеют ряд особенностей, связанных с коммуникативными задачами, которые они выполняют. В последнее время деловой переписке были посвящены труды многих отечественных и зарубежных лингвистов как Н.Ф. Бориска, И.О. Деркач, Г.М. Кацавец, Т.А. Кресанова, М. Матусек, Л.И. Мацко, Л.М. Пономарь, И.И. Суцинского, А.Н. Падалко, И.Е. Шаргай, С.В. Шевчук, А. Херинга, и за пограничный венымы R. Šilhánová, W. Menzel, M. Kuhn.

Деловое письмо — это любое письменное сообщение, в пределах делового общения адресуется одному или нескольким получателям. Существует два основных вида официальной корреспонденции: а) официальная переписка между государственными учреждениями разных стран, иностранными представительствами и их должностными лицами (ноты, меморандумы, памятные записки) этот вид корреспонденции используется главным образом в дипломатической практике; б) деловые (коммерческие) письма, имеют полуофициальный характер и широко практикуются при организации деловых контактов между фирмами, организациями и т.д. [8].

Официально-деловой стиль обслуживает законодательство, административно-хозяйственную деятельность и другие сферы жизни, связанные с делопроизводством и документацией. К заметным чертам этого стиля относится высокая степень стандартизации языковых средств, выразительная логика изложения, почти полное отсутствие эмоциональности и образности, широкое использование безличных и приказных форм. Лексика в основном нейтральная, употребляется в прямом значении. Применяется особая терминология и используются специфические синтаксические конструкции, в частности клише. Для более четкой организации текста вводится разделение на параграфы, пункты, подпункты. Наиболее характерные для этого стиля предложения — простые распространены.

Употребляются, конечно, и сложные предложения с сочинительной и подрядной связью, с обособленными оборотами, со вставными и вставленными конструкциями [5]. Официальные письма отличаются от частных писем в основном содержанием или предметом, целью, отношениями между автором и получателем письма: наименее для двух партнеров переписки в содержании письма говорится о дальнейшей сути служебных или коммерческих сделок. При этом есть конечно также переходные формы и случаи, при которых бизнес партнеры, которые обычно к себе обращаются на «ты», используют вежливую форму обращения, которая существует для обращения в учреждениях или между партнерами, которые не знают друг друга или стоят друг к другу в разной социальной иерархии. Для официально-делового стиля характерна стандартизация языковых средств, логическое изложение информации, практически отсутствует эмоциональность и образность. Используется в основном безличные предложения, приказные формы. Лексика употребляется в основном нейтрального характера в прямом смысле. Наиболее характерные для этого стиля предложения — простые распространены. Обычно используются в официальном деловом стиле коммуникации, и сложноподчиненные предложения, используются инфинитивные конструкции и причастные обороты, которые не характерны для украинского делопроизводства.

В. Менц и Кугно также рассматривают деловое письмо в частной сфере, в котором частные лица обращаются в государственные учреждения, службы, союзы, банки или предприятия и сугубо деловые письма, а именно деловая корреспонденция между деловыми партнерами

Деловые письма представляют особую форму официального текста и в противовес частным письмам определяются дополнительной стандартной формой языка и содержания. Деловое письмо — это грамматически оформленный и семантически завершённый тип текста, имеет особую коммуникативную структуру и наделен документальной силой. К коммуникативных задач, решаемых с помощью делового письма, относятся: установление партнерских отношений, создание атмосферы доверия и сотрудничества между партнерами с целью решения время сложных и противоречивых проблем, которые возникают в процессе делового общения. Таким образом, составление делового письма требует определенной компетенции, которая должна бази-

роваться прежде всего на глубоком понимании стилистических и прагматических особенностей этого жанра. [7]

В Германии деловое письмо определяется Немецким промышленным стандартом (DIN 5008, 676) Специально для делопроизводства, собственно ведения деловой корреспонденции. Этот институт занимается правилами письма и формами деловой коммуникации. Они очень четко описывают наименьшую мелочь, указывают как делить текст, как вносить таблицы счетов и так далее. При составлении государственного экзамена по делопроизводству нужно знать все правила, например, — никаких грамматических ошибок; адрес пишется в именительном падеже; при обращении используют название получателя, если есть; грубая слабая стилизация; не повторять одно и тоже два раза; и. т. д.

Деловое письмо в основе своей визитная карточка фирмы. Первое впечатление является преимущественно решающим. Стиль общения должен быть вежливым и официальным, для каждого случая нужно выбирать другой. Оптимальным является, если деловая корреспонденция воспринимается как диалог. Языковые выражения, которые не используются при разговоре, не используются также при написании делового письма. Например, деловое письмо мы не заканчиваем «Ich hoffe, Ihnen hiermit gedient zu haben». Или также «Ihrer Rückantwort mit Interesse entgegensehend» Стилизация немецкоязычного делового письма ставит следующие требования:

- нельзя писать так, как разговаривают. Нужно писать только нужные слова и короткие предложения;
- каждый немецкий выражение при переводе не всегда переводится дословно и соответствующим количеством слов, например. *ich werde verkaufen* — продать;
- не нужно использовать слова значение которых вы не знаете;
- нужно избегать слова типичные для новостей и нетипичные;
- никаких сложных слов, допустимы только простые выражения;

Литература:

1. Деркач, І.О. Особливості ділового письма англійською мовою — Збірник науково-методичних праць, вип. 12. — Мелітополь: Таврійський державний агротехнологічний університет, 2008. — с. 1–5.
2. Крисанова, Т.А. Лексико-граматичні особливості англійського та українського ділового листа: компаративний аспект. — Волинського національного університету імені Лесі Українки № 17, Філологічні науки: Мовознавство.: Волинський національний університет ім. Л. Українки, — Луцьк. Науковий вісник, 2009. — с. 31–34.
3. Котковець, А.Л. Стиль англійської ділової кореспонденції. Філологічні науки/Риторика і стилістика, 2001. С 123.
4. Мацько, Л.І. Стилістика української мови: підручник. — К.: Вища школа, 2003. — 462 с.
5. Пономарів, О.Д. Стилістика сучасної української мови: підручник/О.Д. Пономарів. — К.: Либідь, 1993. — 248 с.
6. Menzel, W., Kuhn M. Korespondence v němčině. Obchodní korespondence. Vrnо:2007. 159, 257
7. Шаргай, И.Е. Коммуникативно — прагматические особенности французского делового письма в оригинале и переводе. Автореф. дис... канд. филол. наук: Киев: Университет им. Т. Шевченко. — М., 1998. — 16 с.
8. Šilhánová Renata Lexikální a fraseologické aspekty textu obchodního dopisování. — Radim Bačuvčík: VeRBuM, 2011. — 148 S.

— никаких «Ich» i «Wir» форм «Viele Dank für» взамен «Wir danken Ihnen für»...

— нельзя использовать степени сравнения (*sehr, voll und ganz*), предлоги (*seitens, zwecks*).

Проанализировав деловые письма, украинские деловые партнеры присылают немецким фирмам, проследивает несколько ошибок при стилистическом оформлении письма:

- использование слов с другого функционального стиля;
- выражения являются неточными;
- повторение однокоренных слов;
- нелогичное сочетание;
- порядок имени в генетивах;

Грамматический анализ показал, что в деловых письмах доминирует настоящее время, чаще употребляется активное состояние, чаще встречается инфинитивными конструкции, главным образом встречаются подрядные дополнительные и условия.

Итак, особой формой официального текста является деловое письмо, которому присущи информативность, стандартизованность, объективность, конвенционность, нейтральность лексических средств, использование устоявшихся клише и терминологии, обязательное соблюдение формы и четкость логического изложения, структурированность, которые способствуют выполнению функций деловой корреспонденции. Деловое письмо занимает такие стилистические свойства, как смысловая и логическая целостность, связность и завершенность, информативная значимость. Кроме того, деловое письмо имеет такие специфические особенности, как: 1) объективность; 2) инструментальность; 3) прагматичность; 4) конвенционность. Стилистической основой деловой корреспонденции являются стандартизация, что фиксируется лексико-фразеологические и синтаксически. Выше Указанные стилистические особенности делового письма обеспечивают создание необходимого коммуникативно-прагматического эффекта, достижения цели письма.

Национальные особенности делового общения

Хусаенова Лилия Фаязовна, студент
Пермская государственная фармацевтическая академия

Деловое общение — это трудный процесс развития и поиска деловых контактов, при котором существуют определенные ограничения, которые определяются национальными и культурными традициями. [2]

Почему же возникает множество трудностей, когда встречаются представители разных стран?

Многие людей считают свою собственную страну, нацию центром мира и масштабом для всех других.

Так же влияет языковой барьер, но для обеспечения эффективности общения преодолеть этот барьер недостаточно, необходимо так же преодолеть культурный барьер.

Универсальной формулой для успешной межкультурной коммуникации являются три основных понятия: «терпение», «терпимость», «толерантность».

Посещая другие страны, встречаясь с их жителями, каждому деловому человеку следует знать свойственные для них жесты, характер общения, мимику, поведение, позы, привычки. Незнание всего этого, может оскорбить, обидеть человека. Ведь один и тот жест, движение у разных народов, может иметь разное значение и незнание этого, может поставить человека в самую не ловкую ситуацию, усугубляет положение. Например, в странах Африки смех-это не показатель веселья, а проявление паники, удивления. В Англии при беседе выдерживается расстояние «вытянутой руки», а вот жители Саудовской Аравии наоборот же общаются, практически дыша друг другу в лицо. [5]

Культура нации — это совокупность духовных и материальных ценностей нации, а также основные способы взаимодействия с природой и социальным окружением.

Люди различных культурных наций используют одни и те же основные понятия, но вкладывают в них разный смысл. Это и обуславливает их особенности поведения, которое часто нам преподносится как непостижимое и противоположное тому, что мы считаем объяснимым. Знание элементарных черт других наций, дает нам необходимое понимание, которое помогает преодолеть трудности общения с представителями других стран.

Культурные ценности не могут быть положительными или отрицательными, логичными или непостижимыми, как и не может быть и общего мнения по поводу вкуса.

Ричард Льюис — исследователь межнационального общения изучив особенности различных наций, их мышления, характера взаимоотношений, разделил все культуры мира на 3 типа: полиактивные, моноактивные и реактивные.

Полиактивные — активные, словоохотливые и коммуникабельные народы, предпочитающие заниматься несколькими делами одновременно, планируют порядок дел по степени значимости и престижности. К представите-

лями относятся латиноамериканцы, южные европейцы и арабы.

Моноактивные — это культуры, в которых принято тщательно проектировать свой день, свою жизнь, составлять расписание, делают только одно дело и в определенной последовательности. Они немногословны, сдержанные. К данным представителям относятся англосаксы: немцы, американцы, англичане, северные европейцы.

Реактивные — нации и национальности, уделяют наибольшее значение любезности, вежливости и взаимоважению, для них характерна неторопливость и рассудительность, внимательно слушают собеседника, скрывают эмоции и никогда не идут на конфликт. Представители этой категории — китайцы, финны и японцы.

Когда люди, принадлежащие к моноактивной культуре, работают вместе с людьми культуры полиактивной, они ощущают недовольство. Моноактивных людей заботят расписания, последовательность и пунктуальность, а полиактивные люди это их противоположность. [1,3]

Таким образом, общаясь с людьми других стран важно учитывать их принадлежность одной из этих культур, чтоб при общении не возникли конфликтные ситуации.

В первой половине 21 века проблемы взаимоотношения между культурами станет и для россиян актуальной потому что, представителям самых разных профессий придется все чаще работать со своими коллегами в других странах.

В каждой стране имеются свои особенности межкультурной коммуникации. Например, Англичане характеризуются деловитостью, умеем слушать собеседника, сдержанностью суждений, соблюдением формальностей, почитанием традиций, вежливостью, законопослушанием.

Французы скептически, расчетливы, хитры, находчивы, негативно реагируют на использование английского или немецкого языка во время деловых переговоров, но они доверчивы, великодушны.

Немцы похожи на французов тем, что они скупы, осторожны и расчетливы, но уступают им в чувстве юмора. Так же немцы надежны, точны. Для них характерно огромное гражданское мужество.

На межэтнические отношения влияют такие факторы как этнодемографические особенности, возрастные особенности и индивидуально-психологические качества людей, религиозно-конфессиональная специфика страны, характер отношений народов (дружественный, нейтральный, конфликтный), наличие общего и особенного в исторической судьбе, культурах и языках народов.

Так же общаясь с другими народностями, следует не забывать о деловом этикете. Этикет является одной из со-

ставляющих деловых отношений. Нужно знать определённые правила общения и поведения, которые будут объективны в любой стране пребывания.

Находясь в другой стране, следует уважать их национальные традиции, религию. Будьте пунктуальным, вежливым, вставайте, когда звучит национальный гимн страны, если не знаете, как себя вести, то наблюдайте и повторяйте действие жителей страны, запоминайте имена своих собеседников, если вы не знаете языка страны, необходимо иметь переводчика на переговорах. Знание же нескольких

основных фраз совершенно необходимо, так же не следует критиковать и сравнивать со своей страной.

Вступая в деловые отношения, надо всегда помнить, что люди других стран смотрят на вас, как на представителя вашего государства и вашего народа. Нужно уметь вести себя естественно, тактично и достойно, ведь ненужное движение, жест может произвести отрицательное впечатление. Каждый человек является плодом своего воспитания, образования, а, в конечном счете, истории своей страны.

Литература:

1. Льюис Ричард Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Дело, 2001. — 448 с.
2. Ожегов, С. И, Шведова Н. Ю, издание Москва 2005 — 506 с.
3. Ракей, И. Р. Основы делового общения: учеб.-метод. комплекс для студентов. МГВРК, 2007. — 176 с.
4. Национальные особенности невербального общения [электронный ресурс] \ [сайт] <http://obshneniedel.ru/otvety-na-ekzamen-po-delovomu-obshheniyu-verbalnoe-obshhenie-nacionalnye-osobennosti.html>

Вопрос о соотношении инфинитивных и безличных предложений в отечественной лингвистике

Чжан Бо, магистрант;

Покровская Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор
Южный федеральный университет

Особенность инфинитивных предложений заключается в том, что их главный член выражен инфинитивом. Инфинитив — это «исходная форма глагола, обозначающая действие вне связи с его субъектом, т.е. безотносительно к лицу, числу, времени и наклонению. Инфинитиву присущи видовые различия (*делать — сделать*), переходность и непереходность (*говорить — молчать*), возвратность и невозвратность (*умывать — умыться*), залоговые значения (*строить — строиться, обнимать — обниматься*). По своему происхождению инфинитив представляет собой отглагольное имя существительное со значением действия» [17]. Оторванность обозначения действия от действующего лица в инфинитиве определяет многие существенные особенности инфинитивных предложений, в частности, отсутствие в их парадигме форм времени.

Согласно сложившемуся представлению, инфинитивные предложения представляют собой одну из разновидностей односоставных. Односоставными называют предложения, в которых предикативность получает выражение только в одном главном члене [1]. Относительно недавно некоторыми исследователями была поставлена под сомнение целесообразность выделения односоставных предложений в русском языке. Эта точка зрения была высказана создателями коммуникативного синтаксиса — Г.А. Золотовой [10], Г.П. Дручининой и Н.К. Они-

пенко [9]. Аргумент сторонников этой точки зрения прост. Речемыслительный акт, который лежит в основе любого предложения, заключается в предикативности, а предикативность — это отнесение признака к предмету. Следовательно, предложение в русском языке «принципиально двусоставно». Однако данная концепция вряд ли представляет значимость в контексте данной статьи.

Инфинитивные предложения могут занимать очень заметное место в иерархии классификаций типов предложений русского языка. Наряду с классификациями, которые выделяют глагольные и именные (субстантивные) предложения [1; 12], имеются классификации, в которых инфинитивные предложения выделяются в качестве основного, «ядерного» типа. Например, И.П. Распопов делит предложения на глагольные, инфинитивные, наречные и номинативные [16, с. 468]. В «Грамматике современного русского литературного языка» выделяются именные, спрягаемо-глагольные, наречные и инфинитивные предложения [8, с. 560]. Это свидетельствует о том, что выраженность главного члена инфинитивом рассматривается некоторыми исследователями как чрезвычайно значимый признак, который может быть положен в основу центрального, основного деления предложений на типы. Исследователи противопоставляют спрягаемо-глагольные и инфинитивные предложения, хотя их можно было бы объединить в одну категорию гла-

гольных предложений, рассматривая как особые модификации, разновидности внутри этой общей категории. Стоит добавить, что спрягаемо-глагольные предложения при этом представляют собой довольно разнообразную категорию, поскольку к ним относятся определенно-личные, обобщенно-личные, неопределенно-личные и безличные предложения.

С другой стороны, в русской науке о языке имеется противоположная тенденция, которая заключается в том, что значимость формальной специфики главного члена инфинитивного предложения преуменьшается. Некоторые ученые рассматривают инфинитивные предложения как особую разновидность предложений безличных. Здесь нужно упомянуть в первую очередь работы Е. М. Галкиной-Федорук [5]. Основным аргументом в этом случае выступает тот факт, что главный член инфинитивных предложений не способен сочетаться с именительным падежом — признак, который является общим как для инфинитивных, так и для безличных предложений.

Стоит подчеркнуть, что позиция Е. М. Галкиной-Федорук вряд ли может рассматриваться как полное отрицание существования инфинитивных предложений в русском языке. Если в упомянутых выше классификациях выраженность главного члена односоставного предложения инфинитивом признается первостепенным признаком, то с точки зрения Е. М. Галкиной-Федорук этот признак оценивается как гораздо менее существенный. В итоге инфинитивные предложения превращаются даже не в самостоятельную категорию глагольных предложений, а в особую разновидность, особый подвид безличных предложений.

В то же время большинство исследователей склоняются к противоположной точке зрения и выделяют инфинитивные предложения в качестве самостоятельного типа односоставных предложений. В частности, в качестве особого типа инфинитивные предложения выделяет К. А. Тимофеев [18], В. В. Бабайцева [1, с. 111]. В этом же ряду можно назвать таких ученых, как Н. С. Валгина, П. А. Лекант, Е. С. Скобликова и др.

Особо следует остановиться на соображениях, при помощи которых В. В. Бабайцева обосновывает необходимость выделения инфинитивных предложений в качестве самостоятельной категории.

Во-первых, инфинитивные предложения отличаются от безличных предложений категориальным значением. Безличные предложения обозначают действие, которое возникает и протекает независимо от деятеля, тогда как в инфинитивном предложении деятель всегда присутствует, но не выражен подлежащим. Этот деятель может быть конкретным, неопределенным или обобщенным, но он все-таки есть. Кроме того, «характер деятеля в инфинитивных предложениях имеет семантико-стилистическое значение, а в безличных предложениях неопределенность производителя действия имеет структурно-синтаксическое значение» [1, с. 111]. Аналогичную мысль высказывает и К. А. Тимофеев: «Независимый инфинитив обо-

значает действие не безлично, но в сочетании с косвенным субъектом» [18, с. 15]. Другими словами, отсутствие деятеля в безличных предложениях может служить основанием для их выделения в особую категорию.

Во-вторых, инфинитивные предложения отличаются от безличных предложений составом предикативной основы. В инфинитивных предложениях главным членом является инфинитив, и от него зависят все остальные члены предложения. В безличных предложениях обязательно имеется глагол или безлично-предикативное слово, к которым присоединяется (примыкает) инфинитив. Так, в предложении «Противно чувствовать себя его соперником» (К. Федин) инфинитив примыкает к слову *противно*, которое и является главным членом предложения.

Наконец, в-третьих, безличные и инфинитивные предложения различаются набором модальных значений, которые они могут выражать. В безличных предложениях это значение выражается конкретным глаголом или безлично-предикативным словом. В инфинитивных предложениях модальное значение выражает сам инфинитив, а также интонация, и это значение дифференцируется и усиливается частицами [2, с. 405].

Одной из причин, которые осложняют выделение инфинитивных предложений в качестве особой категории, является наличие так называемых «переходных явлений», то есть особых явлений, занимающих промежуточное положение в системе языка и совмещающих в себе признаки различных категорий. Возможно, именно эти явления представляют собой одну из причин того, что некоторые исследователи отказывались рассматривать инфинитивные предложения как особый, самостоятельный класс односоставных предложений.

В частности, в грамматике русского языка обоснованно выделяются так называемые безлично-инфинитивные предложения, которые исследователи относят к переходным конструкциям [11; 12]. Особенность таких предложений состоит в том, что в них главным членом является инфинитив, однако он выступает с глагольной связкой *быть*: ***Спешить было некуда, Спрятаться от дождя было негде*** и т. д. [12, с. 95]. Выделение безлично-инфинитивных предложений в качестве самостоятельного типа имеет формальные основания. В отличие от инфинитивных предложений, безлично-инфинитивные предложения имеют форы времени: ***Спешить некуда — Спешить было некуда — Спешить будет некуда***. Инфинитивные предложения форм времени не имеют, что обусловлено их функциональным назначением — выражением самых разнообразных модальных значений. В частности, как указывает Н. С. Валгина, инфинитивное предложение обозначает потенциальное, возможное действие, не соотнесенное с деятелем, то есть действие, «которому суждено осуществиться, которое желательно или нежелательно, возможно или невозможно, необходимо, целесообразно или нецелесообразно и т. д.». [4, с. 167].

Особо следует также остановиться на статусе придаточных предложений цели, вводимых союзом *чтобы* и его синонимами (*лишь бы, только бы*), в которых придаточная часть выражена инфинитивом: *Он пришел не для того, чтобы молчать; Он готов на все, лишь бы/только бы ничего не делать*. В науке нет единства относительно рассмотрения подобных конструкций. В частности, иногда их рассматривают как сложноподчиненные предложения с придаточной частью, выраженной инфинитивным предложением [3; 6; 15]. В то же время достаточно распространено мнение, что эти конструкции представляют собой переходные явления, которые совмещают черты простого и сложного предложения [14; 19].

В «Грамматике русского языка» эти конструкции рассматриваются как простые предложения, в которых имеется придаточная часть [7], что само по себе является противоречием.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что вопросы о статусе инфинитивных предложений и соотношении данной категории с безличными предложениями являются достаточно спорными и до сих пор нерешенными. Отчасти это обусловлено тем, что границы категории инфинитивных предложений являются нечеткими и размытыми, а при выделении типов односоставных предложений исследователи выводят на первый план различные (формальные или смысловые) критерии.

Литература:

1. Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.
2. Бабайцева, В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений. Воронеж, 1967.
3. Бабайцева, В. В., Максимов М. Ю. Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М., 1987.
4. Валгина, Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1973.
5. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
6. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык. Т. 2. М., 1961.
7. Грамматика русского языка/Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. М., 1954.
8. 8. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
9. Дручинина, Г. П., Онипенко Н. К. К вопросу об односоставном предложении // Русский язык в школе. 1993, № 1.
10. Золотова, Г. А. О некоторых теоретических результатах работы над «Синтаксическим словарем русского языка» // Вопросы языкознания, 1986, № 1.
11. Калинин, А. Ф. Безлично-инфинитивные предложения среди других типов простого предложения // Русский язык в школе, 2000, № 4.
12. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986.
13. Лекант, П. А. Современный русский литературный язык. М., 1996.
14. Назикова, Е. А. Инфинитивный целевой оборот с союзом «чтобы» // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1962, т. 42.
15. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в наукомовещении. М., 1956.
16. Распопов, И. П. Современный русский литературный язык. М., 1973.
17. Розенталь, Д. Э. Словарь лингвистических терминов. М., 1998.
18. Тимофеев, К. А. Инфинитивные предложения в русском языке. Автореф. ... докт. филол. наук. Благовещенск-на-Амуре, 1951.
19. Черемисина, М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

Иницирующие реплики неформального интервью

Шишкина Татьяна Семёновна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель;

Вагина Виктория Олеговна, студент

Южный федеральный университет

Статья посвящена эмоционально-экспрессивному потенциалу констативного речевого акта в функции иницирующей реплики и его когнитивно-прагматической роли в спонтанном порождении неформального интервью.

Ключевые слова: неформальное интервью, констативный речевой акт, эмоционально-экспрессивный заряд, диктум, модус

Keywords: non-formal interview; constative speech act; emotional and expressive potential; dictum; modus

В современной лингвистике в рамках когнитивно-прагматического направления, ориентированного на анализ речевых актов в конкретных социально-психологических условиях их порождения, оказывается возможным по-новому взглянуть на семантические характеристики языковых единиц в их эмоционально-экспрессивной функции [1; 2; 3 и др.]. Отмечаемая функция в данной статье анализируется в отношении констативного речевого акта, который, согласно нашим наблюдениям, частотно употребляется не только в качестве стимулирующей, но и иницирующей реплики в рамках неформального интервью. Данная тенденция характерна, в частности, для неформальной коммуникации на английском языке, о чем свидетельствует наш анализ британских и американских изданий, специализирующихся на публикации интервью. В русскоязычных аналогичных изданиях подобной тенденции не отмечается.

Практическое значение исследования связано с возможностью применения отработанной в нем методики для исследования эффективности деятельности участников интервью, а также с перспективой объединения усилий теоретической лингвистики, психолингвистики и практической журналистики с целью повышения эффективности неформальной коммуникации в медиа-дискурсе. Выводы работы позволяют внести уточнения в существующие в журналистском сообществе представления о массовой аудитории, ее ожиданиях относительно качества журналистского продукта; а также могут быть использованы в практике преподавания дисциплин по специальности «Журналистика», курсов «Психолингвистика» и «Стилистика публицистического текста».

Исследование языковых средств в условиях неформальной коммуникации на английском языке, позволило установить, что одной из характерных особенностей содержания знакового образа в спонтанной эмоционально-окрашенной речи предстает тот факт, что теоретически любая значимая языковая единица в определенном контексте может стать носителем эмоционального заряда [4]. В процессе спонтанного порождения единицы языка в эмоционально-окрашенной речи неформальной коммуникации одновременно выступают и знаком мысли

участником интервью, и признаком их психологических переживаний, входящих в намерение автора интервью, оформляемого посредством констативного речевого акта. Актуализируемые языковые единицы характеризуются двойственной референциальной отнесенностью, репрезентируя когнитивное мышление и эмоциональные переживания участников интервью, предполагающих субъективную оценку фактов в аспекте мотивов, что становится возможностью для успешной реализации неформальной коммуникации [5].

Отличительной особенностью эмоциональных переживаний инициатора неформального интервью в процессе спонтанного конструирования диалога предстает их связь с мотивационно-потребностной сферой, поэтому исследования эмоциональной речи позволяет комплексно изучить мотивационную составляющую неформальной коммуникации, представляющую особый интерес для современной лингвистики. Особенности семантики лексических единиц и иллокутивного значения репрезентирующих их речевых актов определяются тем, что в эмоционально-окрашенной речи достаточной частотностью отмечается «выход» во внешнюю речь отдельных звеньев стимулирующей реплики со структурой констативного речевого акта, в обычных условиях представленных лишь во внутренней речи и поэтому недоступных для наблюдения. Данные звенья служат прагматическим средством создания психологического контакта между участниками диалогического общения, нацеливают интервьюируемого на переход от предметно-денотативных форм отражения внеязыковой действительности к глубинным аффективно-ситуационным формам. В результате вскрываются неизвестные факты из частной жизни интервьюируемого, что немаловажно для последующего читательского успеха публикации интервью в прессе. Подобные формы фиксируют переход интервьюируемого, запрограммированный инициатором интервью, от предметных к коннотативным формам категоризации фактов своей частной жизни. Подобная категоризация фактов и составляет фокус повышенного читательского интереса.

При этом инициатор интервью прибегает не к вопросительной, а констативной реплике, т. е. не запрашивает

о возможности вывода из приведенных фактов, а делает вывод из данных фактов, тем самым стимулируя интервьюируемого к дальнейшей более детальной аффективно-ситуационной категоризации представленных фактов, в результате чего выясняются более новые обобщения, актуализируется неизвестная информация, пользующаяся повышенным спросом любопытных читателей.

Интересно заметить, что запрограммированная инициатором интервью нацеленность диалога на субъективную оценку характера творчества интервьюируемого под углом зрения мотивов успешно реализуется в реагирующем высказывании последнего. Констативный речевой акт в реплике-стимуле определил и прагматику грамматической «упаковки» аффективно-ситуационной категоризации фактов из собственной частной жизни в реплике интервьюируемого, в которой мы также встречаем Present Continuous Tense в том же значении, что и в реплике-реакции. Другими словами, констативный речевой акт как реплика-стимул на уровне неформального интервью в прагматическом плане оказывается не менее действенным, чем более традиционный интеррогативный речевой акт в этой же функции.

Данное речевое действие воспроизводит коммуникативную стратегию интервьюера на поддержание читательского интереса к публикации интервью и, согласно нашим наблюдениям, закрепляется как содержательное основание в англоязычной культуре интервью вообще. В этом

смысле мы вносим в данную коммуникативную стратегию содержание выбора в пользу констативных речевых актов и фиксации данного выбора как тенденции в жанре интервью в англоязычной прессе.

Проведенный анализ жанра неформального интервью выявил тот факт, что реплика-стимул со структурой констативного речевого акта содержит как диктумный, так и модусный компонент, в котором и концентрируется эмоционально-экспрессивный компонент. Диктум — это сам факт сообщения, модус — реакция интервьюируемого на диктумную составляющую. Факты реальной действительности отражаются в реплике в виде аксиологического и ментального потенциала. Диктум — факты бытийного пространства, модус — факты аксиологического пространства диалогического общения [5]. Формируя ответную реплику, интервьюируемый реагирует как на содержание сообщения иницирующей реплики, так и на отношение автора интервью к содержанию, проявляющееся в данной реплике, т. е. на ее модусную составляющую.

Неформальное интервью, таким образом, как коммуникационный процесс предстает процессом трансформации коммуникативного пространства в коммуникативную среду, то есть производство коммуникативного действия и условий этого действия (построение коммуникативной среды относительно коммуникативного пространства и упорядочивание данного пространства относительно коммуникативной среды).

Литература:

1. Егорова, И. В. Функционирование модуса субъективной оценки в косвенных речевых актах // Проблемы Романо-германской филологии, философии и методики преподавания иностранных языков: Сб. науч. тр. — Пермь, 2004. с. 28–29.
2. Калимуллина, Л. А. Современные трактовки категории эмотивности // Филологические науки. 2006. № 5. с. 71–80.
3. Каstorнова, О. Н. К вопросу о разграничении оценочности и эмоциональности в высказываниях со словами категории оценки // Проблемы систематики языка и речевой деятельности: Материалы 8-го региональн. науч. семинара. — Иркутск, 2005. с. 120–124.
4. Кожевникова, К. О смысловом строении спонтанной устной речи: Линейное построение речи и нелинейное формирование содержания // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XV. — М., 1985. с. 514
5. Declerck, K. The Grammar of the English Tense System: A Comprehensive Analysis. — Berlin. New York, 2006. P. 363.

ФИЛОСОФИЯ

Коммеморация как возможность истории. Анализируя Пьера Нора

Глущенко Георгий Юрьевич, аспирант

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Развитие индивида, общества с одной стороны и гуманитарных наук с другой стороны, проходит весьма сложный путь в ответе на вопрос о том, что должна изучать история. В последние два века этот вопрос снова остро ставится в социально-гуманитарном познании, в связи с кардинальным изменением взглядов на общество, человека и историю в последние 50 лет. События XX века поставили человека перед проблемой забвения, проблемой потери своей идентичности, а значит и своего места в глобальной истории. Это, в свою очередь, грозит проблемой разрыва преемственности времен и поколений, преемственностью между современностью, прошлым и будущим, что грозит нарушением равновесия, потерей связи с будущими поколениями.

В результате культурного и лингвистического переворота в историописании, научное сообщество обратило внимание на то, что до сих пор ускользало от внимания — на проблематику микро-истории, ментальности, повседневности, мировоззрения, культурно-исторических и психологических особенностей человека и общества. Что, в одной из своих версий, привело исследователей к изучению проблематики коллективной памяти, одной из существенных сторон которых является идея коммеморации [1; 9–11] как возможности сохранить и понять свою историю, вновь обрести свою культурную и историческую идентичность.

Идею коммеморации наиболее глубоко и подробно выдвинул представитель третьего поколения французской историографической школы Анналов Пьер Нора, в многолетнем труде «Франция-память». Под влиянием событий произошедших во Франции и шире в Европе, он обосновывает коммеморацию как концепцию мемориальной эпохи, «мест памяти» как возможности современной истории и культуры. А. И. Панарин считал, что в данном случае Нора занимает двойственную позицию — с одной стороны, с Анналами его сближало внимание к различным пластам исторического сознания, отражающим сознание эпохи, с другой стороны близок к структурализму, как направлению на современность, желание посредством инвентаризации «мест памяти» в которой заключена национальная аксиология, верифицировать современную идентичность. Таким об-

разом, Нора и другие авторы уделяют внимание национальной памяти, ее трансляциям во времени [5; 65–66].

Нора развивает идеи Мориса Хальбвакса, считавшего, что история начинается там, где заканчивается память, уточняя при этом, что память принадлежит коллективной группе — то есть существует столько же памятей, сколько и коллективных групп и институтов. Однако память группы, в свою очередь, требует поддержки своей группы, ограниченной в пространстве и времени, в виде актуального использования ведущих для данной группы воспоминаний [6]. Хальбвакс считал в связи с этим, что память индивида принадлежит двум сторонам. С одной стороны, воспоминания индивида вписываются в рамки его личности и даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им с той стороны, с которой они затрагивают его. И в тоже время он способен вести себя как член группы, вызывая в памяти безличные воспоминания в той мере, в которой они затрагивают его группу [6].

То есть при экстерииоризации памяти внутренняя жизнь индивидов может стать менее ценной. Таким образом интериоризация — защита личной идентичности есть частное дело, в котором перефразируя Хальбвакса индивидуальная память может опереться на коллективную. Индивидуальные воспоминания, таким образом, закрывают трещины в коллективной памяти. То есть индивид показывает свою идентичность, приобщая свою собственную память к истории [7; 355]. Обращаясь к чужим воспоминаниям чтобы воскресить собственное прошлое, так как функционирование индивидуальной памяти невозможно без того что индивид заимствует из его среды.

Другой основной идеей, которую Нора, взял и развил из Хальбвакса, является идея мемориальной географии, о чем упоминает П. Хаттон [7; 201–204]. Что это значит? Это значит что то, что мы помним зависит от контекста, в котором мы обнаруживаем себя и ту группу, с которой мы связаны. Поэтому глубина и формы нашей коллективной памяти отражают конфронтацию сил, соперничающих за наше внимание. Хаттон отмечает, что идея коммеморации тесно связана с тем наши структуры социального

воображения формируются во взаимосвязи 2-х сторон памяти: стереотипов нашего сознания и наших воспоминаний. Стереотипы сознания содержат в себе огромное количество образов, к которым мы настолько часто обращаемся, что самые сложные конструкции коллективной памяти формируются незаметно [7; 201–204]. Сами воспоминания относятся к более конкретному опыту, то есть это образы которые связаны с определенными личностями и событиями.

Особое внимание Нора уделяет нарушению временного равновесия — ускорения истории, как процесса характерного для XX века, ускорения истории как постепенного исчезновения того, что сохранилось из пережитого [3; 17–28]. По его мнению, о памяти говорят, потому что ее больше нет. Анализируя данный процесс, автор, отмечает что ускорение истории предполагает более быстрое, ускоренное выталкивание человека и общества во все быстрее удаляющееся прошлое [3; 17–28]. Поэтому, «места памяти», возникают из того ощущения, что при разрыве с прошлым сохранилась его часть, которая может быть понята, проанализирована и репрезентирована. То есть места памяти существуют так как больше нет классической коллективной памяти — памяти группы.

Патрик Хаттон в данной связи считает, что Нора деконструирует метод Конта, используя метод Фуко. То есть он переворачивает классическую модель, предполагающую, движение от прошлого через настоящее к будущему. Нора выдвигает идею движения от настоящего к прошлому, понимая мнемонические места (места памяти) как пространства, которые предоставляют доступ к живой традиции, но лишь намекая на то чем эти традиции были [7; 351–359]. То есть мнемонические места есть, потому что исчезло пространство памяти. И поэтому новая история очерчивает курс событий, движение в новом направлении, старается укрепить эмоциональные связи с традициями, от которых она берет свое начало.

Так же на развитие коммеморации, мемориальных, мнемонических мест памяти оказало влияние то, что, что Нора называет «демократизацией» истории [4; 391–403]. Под этим подразумеваются постепенные изменения в общества, крах колониальных империй и процесс деколонизации, как разрушение глобальных метанарративов и наций как обществ-памятей и других структур, гарантировавших беспрепятственный переход от прошлого к настоящему и будущему, отмечая в прошлом все необходимое для будущего. Можно говорить о том, что Нора подразумевает под этим крах классического способа восприятия истории [3; 17–28]. С одной стороны, связавшись с памятью история стала более мощной, но с другой стороны в результате изменений она перестает быть мнемонической деконструкцией и становится археологической реконструкцией. Что приводит к весьма важному процессу, а именно — краху традиционного восприятия времени и автономизации настоящего, как самой важной пространственно-временной категории для человека и общества сейчас.

То есть, по мнению Нора, распался сам способ исторического восприятия, подменив память, ограничивающую свое наследие самым сокровенным, эфемерной фотографией актуальности, то есть настоящим. И поэтому то перед чем нас ставит это факт — это дистанция между истинной памятью и памятью нетронутой, которые служат ее моделью, и историей, в которую превращают прошлое наши общества, обреченные на забвение потому что они вовлечены в круговорот изменений. Поэтому дистанция между целостной памятью вечно возвращающей нам наследие и нашей памятью есть только история, след и выбор [3; 17–28]. При включении в новую историю, история материализовала память, поэтому исследовался контекст мнемонического места, связь которого с прошлым кодифицировалась в форме документа, но здесь нельзя обнаружить объективное знание.

По его мнению, именно в актуальном настоящем мы начинаем осознавать себя и свою культурную и историческую идентичность. Так как в воспоминаниях мы ретроспективно реконструируем прошлое, локализуя специфические образы в мнемонические места, но так как наше обращение к воспоминаниям регулярно его образность изнашивается и оно сводится к некоторому идеальному типу и находит свое место в структурах коллективного воображения [7; 201–204]. Поэтому память важна как символ, обещание преемственности, так как она перестала быть чем-то живым, а история перестала быть реконструкцией и репрезентацией прошлого. Отсюда следует еще один печальный вывод — мы отрезаны от прошлого, мы теряем самих себя. Общей почвы с прошлым больше нет.

То есть искоренение памяти привело к обрыву древней идентичности, концу того, что мы переживали как тождество памяти и истории [3; 17–28]. Коллективная память искажает прошлое так, что наиболее важные личности, события и процессы остаются, а все остальное забывается. Но она включает прошлое в свои структуры, нанося на карту его черты достойные запоминания и формирует свою образность посредством пространственных ориентиров [7; 201–204]. Таким образом, прошлое и наше настоящее, наш мир общаются с нами посредством коммеморации, «мест памяти» — через следы, смысл которых если найти его, поможет нам преодолеть эти трудности и кризисы, заново осознать себя, свое место в истории.

Отсюда момент мест памяти — это сползание от мемориального к историческому, от мира предков в мир случайных отношений с тем, что нас сделало, переход от тотемической истории к истории критической [3; 17–28]. Поэтому, с одной стороны, наблюдается сохранение, изучение и репрезентация мест памяти есть момент рефлектирующего возвращения истории к себе самой, а с другой стороны конец определенной традиции памяти. «Места памяти», в данной связи, это останки, порожденные отсутствием спонтанной коллективной/исторической памяти, наиболее важные моменты истории, вырванные из ее течения и возвращенные ей. В этом есть новая традиция памяти — эта традиция сохраняет и модифицирует рамки памяти во времени и интегрируется с процессом, посред-

ством которого индивидуальные воспоминания интегрируются в структуры коллективной памяти. Но процесс медлителен поэтому только историк (архивист) охватывающий отдельные репрезентации традиции на протяжении длительного периода времени, способен наблюдать их [7; 201–204]. Поэтому защитники традиции поддерживают ее мнемонические места, посредством актов коммеморации.

Поэтому «места памяти» — суть единство материального и идеального порядка, которые воля людей и ход времени превращает в символический элемент наследия некоторой общности, моментом поддержания нашей идентичности [3; 66–94]. То есть коммеморация является концентрированным выражением национальной истории, символом, подтверждающим и поддерживающим межвременные и межпоколенческие связи, наследие и идентичность и являющаяся точкой перехода из прошлого в будущее. Но и целенаправленной попыткой остановить или скрыть процесс медленного изменения традиции. Они украшают стереотипы сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом. Поэтому коммеморация важна политически так как обеспечивает историков критерием, при помощи которого они могут изучать насколько коллективные репрезентации менялись со временем.

Нора, в связи с этим выделяет несколько особенностей коммеморации, играющих важную роль при изучении особенностей и работы данного феномена.

1) Места памяти не формируются без взаимодействия истории и памяти. То есть необходимо желание помнить. Если этого желания нет, то это места истории. Новая память является архивной, то есть основывается все самом отчетливом в следе и чем меньше память переживается внутренне, тем больше она нуждается во внешней поддержке и точках опоры (архив, музей, памятник, праздник, библиотека, мемуар), благодаря которым она может существовать [3; 28–39]. То есть сила памяти заключена в ее материальных останках и архив формирует пространства где скапливается история и память. Он стал осязаемой реальностью, в которой историки воплощали то прошлое, которое желали записать. Поэтому современное общество стремится материализовать память любым способом [7; 352–354].

2) Места памяти не существуют вне метаморфоз связанных с ними, а так же они могут быть замкнуты в своей идентичности [3; 39–50]. То есть с одной стороны здесь присутствует целенаправленное структурирование времени и пространства, которое углубляет и подчиняет единую тенденцию памяти избрать ограниченное число запоминаемых мест и событий. Поэтому это связано с ментальной географией, в которой прошлое, его незабываемые места наносятся на карту нашего сознания [7; 201–204]. Таким образом, утрата единого экспликативного принципа возвела всякий объект в ранг исторической памяти. Наше восприятие прошлого — овладение тем, что больше не наше. Что требует точного приспособления для достижения цели. Поэтому память есть дешифровка прошлого. Отсюда исходит третий пункт.

3) Коммеморация как феномен может возникать в актуальном настоящем существующего в данный момент сообщества, для того, чтобы подтвердить свое единство, общность и идентичность, упрочить связи внутри общества, отношение к определенным событиям и процессам [2; 115–116]. То есть индивид чувствует потребность найти свою собственную память с целью более твердого ощущения своей личной идентичности. Как объясняет это сам Нора, в первом вводном томе «Франция-память», переход от памяти к истории заставил каждую группу дать новое определение своей идентичности посредством оживления своей собственной истории. Конец глобальной истории, истории-памяти, увеличил количество памятней требующих своей собственной истории [3; 28–39]. То есть произошла метаморфоза, решительное смешение того, что передает память — вместо исторического психологического, вместо социального индивидуального, вместо повторения ремеморация. Отсюда новый режим работы памяти, как частное дело.

Отчуждение частной памяти придает закону воспоминания интенсивность внутреннего принуждения, которое возлагает на каждого обязанность помнить себя, превращая обнаружение воспоминаний и принадлежности в принцип и основу идентичности. То есть, когда память больше не находится повсюду, она исчезает в никуда [3; 28–39]. И чем меньше она переживается коллективно, тем больше она нуждается в людях, которые превращают себя в людей-память. Прошлое теперь мир от которого мы отрезаны, поэтому в выявлении протяженности которая отделяет от прошлого, наша память обретает свою истинность, но тот же самый процесс тут же ее подавляет.

4) Мы можем наблюдать «эффект аккумуляции», связанный с чувством утраты, проявляющемся в раздвигании функций библиотек, архивов и музеев [4; 391–403]. Это связано с тем, что во-первых, события занимают место в памяти нации, но индивид не может их помнить и поэтому обращается на память других, так как для него эта живая традиция есть лишь понятия и символы.

Как пишет сам Пьер Нора [3; 28–39], касаясь 4 пункта — наше время есть одержимость архивами. Воспоминание превращается в свою полную реконструкцию. То есть, по мере того как исчезает традиционная память мы ощущаем потребность сохранить с религиозной ревностью останки и свидетельства. Таким образом, все превращается в архив, и материализация памяти становится чрезмерно распространенной и децентрализованной. Создание архива стало символом эпохи, но при этом архив изменяет и свой смысл и статус в силу объема. То есть, по мнению Нора, он перестал быть реликтом пережитой памяти, и стал осознанным и организованным выделением утраченной памяти [3; 28–39]. В современной ситуации архив как бы удваивает пережитое, которое при этом само может создаваться в процессе собственной фиксации, как память-протез. Поэтому бесконечное производство архива (в любом его виде) — есть обостренное свойство нового сознания, наиболее отчетливое выражение тер-

роризма историзированной памяти, которая входит в нас извне и которую мы интериоризируем как принуждение так как она больше не является практикой.

Следует отметить, что в связи со всем вышеизложенным Нора отмечает, что места памяти являются таковыми в трех смыслах: 1) материальный; 2) символический; 3) функциональный [3; 39–50]. Эти три смысла дают нам понять, что наш интерес к местам памяти — есть своеобразная традиция истории и традиция памяти. Нора считает что место памяти не является таковым, если оно не наделено символической нагрузкой, основой. Поэтому эти три аспекта, всегда сосуществуют вместе. Поэтому местом памяти, может быть и поколение так как оно материально по своему демографическому содержанию и символично по определению. Все места памяти — отдельные предметы, отсылающие к памяти как к целому. Но в то же время места памяти не имеют референции в реальности (то есть без истории и памяти — они мертвы) или яв-

ляется собственной референцией. Они закрыты в себе, в своей идентичности.

Таким образом, на современном этапе развития человека, общества и истории, коммеморация является важнейшим феноменом в историческом сознании и познании и является неотъемлемой частью жизни и существования современного мира. Места памяти — это единство материального или идеального порядка, которые воля людей или работа времени превращает в символический элемент некоторой идентичности [3; 66–94]. Поэтому живя в ситуации потери, забвения прошлого, потери своей собственной идентичности, коммеморация может помочь нам избежать данной ситуации. Коммеморация посредством мест памяти, коллективных представлений, в тесной взаимосвязи с культурой и мировоззрением помогают нам заново познать себя, снова связать все три формы времени, сохранить и понять нашу общую историю и память, наши традиции, сгладить противоречия.

Литература:

1. История и память: историческая культуры Европы до начала Нового Времени/под. ред. Л. П. Репиной. — М.: Кругъ, 2006 г. — 768 с., с. 9–11
2. Мэрилл, А. Историческая эпистемология. — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007 г. — 480 с., с. 115–116
3. Нора, П. и др. Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — 328 с., с. 17–28, 39–50, 66–94.
4. Нора, П. Всемирное торжество памяти// «Неприкосновенный Запас», 2005 г., № 2–3 (40–41). с. 391–403. Цитируется по: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/poga22.html>
5. Философия истории: Учеб. пособие/Под ред. проф. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. — 432 с. с. 65–66.
6. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память// «Неприкосновенный запас», 2005 г., № 2–3 (40–41), с. 8–27. Цитируется по: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
7. Хаттон, П. История как искусство памяти. — СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004 г. — 422 с. с. 201–204, 351–359.

Экзистенциалы человеческого бытия в философии Сёрена Кьеркегора: от отчаяния к вере

Любецкий Виталий Игоревич, аспирант
Нижевартовский государственный университет

В статье анализируется кьеркегоровская философская интерпретация отчаяния и веры, как экзистенциалов человеческого бытия. Отчаяние рассматривается как отправной пункт. В вере показаны её парадоксальность и абсурдность, противоположность индивидуальному всеобщему и внутреннему внешнему. Рассматривается «путь веры», как обретение экзистенции и акт трансцендирования, как преодоление отчаяния. Представлено понимание веры, раскрывающее подлинное и духовное существование личности в ее уникальности и неповторимости.

Ключевые слова: философская антропология, экзистенциальное, экзистенция, отчаяние, вера, абсурд, парадокс, трансцендирование, экзистенциалы человеческого бытия.

Нельзя сказать, что имя датского мыслителя Сёрена Кьеркегора совершенно забыто, но, на наш взгляд, наследие этого представителя постклассической экзи-

стенциальной мысли заслуживает большего внимания, поскольку совершенно не утратило своей актуальности и остроты. Те, кто читали Кьеркегора, записывали его

в «основатели» экзистенциализма, или видели в нем не совсем удачного критика, считали, что он опроверг Гегеля, или, напротив, даже не понял его, так или иначе, современный читатель «неизбежно» почерпнет у Кьеркегора оригинальные и неповторимые ответы на извечные вопросы человеческого существования. Иронично бравирующий тем, «что Дания должна быть благодарна мне за мое решение стать писателем» Кьеркегор, как показало историческое развитие европейской философии, был читаем и упоминаем самыми значимыми философами последующих за ним поколений, и действительно, стал ярчайшим культурным представителем своей страны. М. Хайдеггер, К. Ясперс, М. Бубер, Г. Марсель, Л. Шестов, А. Камю, М. Фуко — вот далеко не полный список известнейших философов, обращавшихся к экзистенциальным прозрениям этого выдающегося датчанина.

В своей философско-антропологической проблематике Кьеркегор пытается связать воедино бесконечность и конечность индивида, временность и вечность существования, детерминизм и свободу личности, проблемы всеобщего и частного, вопросы соотношения человека с Абсолютом. Так и не став священником, и «разорвав» с лютеранской церковью, Кьеркегор все же сосредоточил свои философские поиски, держась рука об руку с христианским откровением, часто опираясь на слова Священного Писания, выступая апологетом библейских ценностей, и одновременно критиком некоторых церковных традиций. Так или иначе, как отмечает Б. Э. Быховский, Кьеркегора выделяет выдающийся стилистический дар, умственная одаренность, необычайное литературное мастерство. Немногие были столь изобретательны на художественные образы и метафоры, поэтическое изображение и глубокий психологический анализ [1, с. 63].

Бесспорно, Кьеркегор вошел в историю как беспощадный критик Гегеля, и вообще всякой систематической философии, его «системой стало: о системе более не упоминать». В тотальности концепций и понятий, датский философ остро переживает неизбежную потерю конкретного существа «Я» или «Ты», мертвая форма системы не видит индивидуальность с ее незаменимостью и неповторимостью, человеческая единичность ускользает и не берется в расчет. Говоря языком христианской традиции, Кьеркегор понимает человека как духовное существо живущее в вечности и стоящее перед Богом. «Сущность вечности состоит в непрерывности, и она требует от человека того же; иначе говоря, она желает, чтобы он осознавал, что является духом, и чтобы он верил» [4, с. 327]. Жизнь личности не наполненная подобным осознанием и лишенная, тем самым, духовного измерения не является полноценной, такое существование в полной мере не может характеризоваться собственно человеческим, — «рабы ничтожности, лягушки в болоте жизни» — с сожалением изрекает приговор философ.

По мысли Кьеркегора превосходство человека над животными заключено в его способности к отчаянию. Отчаяние следует понимать не совсем в обыденном смысле,

как синоним уныния, опустошенности и депрессии. Для философа отчаяние это, прежде всего, осознание индивидом его трагичной одинокости, драматического существования, «вброшенности» в бытие. Отчаяние, по мысли Кьеркегора, указывает на самую причинность и возможность существования, открывает причастность человека бытию, это «категория духа, и она применима к человеку в его вечности» [4, с. 258]. Переживая отчаяние, человек «погружается» в мир собственной экзистенции. Это слово Кьеркегор берет из современного ему датского языка, но придает ему особое понимание, так, что «происходит философское событие: концептуализация экзистенции» [7, с. 160]. Пытаясь противопоставить гегелианской системе формальных понятий неформлируемое и не заключаемое в границы разума духовное Я индивидуума, философ обозначил экзистенцию, как глубинную, не разложимую на элементы, не зависящую от разума сердцевину существования человека, привязанную «пуповиной» к вечности. А отчаяние представлено как основной и необходимый (отправной) экзистенциал бытия человека. Только погрузившись в состояние отчаяния, индивид становится на путь обретения своей экзистенции, диалектикой этого движения становится вера, как противопоставление трагичности, бессмысленности, одиночеству и ужасу бытия.

Так на первый план интеллектуальных поисков копенгагенского мыслителя выходит вопрос религиозной веры по самой себе. Начинает Кьеркегор с обыденного ее понимания, как внутреннего переживания человека и связанного с ней рационального и мистического опыта. В современной ему интеллектуальной среде Кьеркегор отчетливо ощущал тяжелую поступь рационализма и нигилизма, и считал своим долгом именно с философских позиций защитить значимость веры, опровергая общепринятое к ней скептическое отношение. «Со стороны философии нечестно предлагать нечто иное, что способно было бы занять ее место и унижать веру. Философия... не должна обманывать людей, притворяясь, будто это — ничто» [4, с. 34]. Кьеркегор замечает, что на вопросе веры практически никто не останавливается, все идут дальше, хотя она, как позднее выразился П. Тиллих, является «предельным интересом» человека.

Пытаясь отрефлексировать пути достижения веры, и осмыслить характер состояния пребывающего в ней человека, Кьеркегор на протяжении всех своих фундаментальных сочинений, каждый раз по новому и с различных сторон подходит к этой проблеме. «Вся его «несистематическая» философия блуждает между отчаянием и верой, между верой и мыслью, между мыслью подлинной, т. е. добытой из страдания, и мыслью неподлинной, поверхностной, неглубокой, стремящейся к ложному оптимизму» [6]. Он все время начинает новый поиск решений, не удовлетворившись уже найденными ответами, — продолжать постоянное сомнение в истине, найденной даже тобою самим, — философское кредо датского мыслителя. Вера, приобретаемая экзистенциальное измерение, вы-

ступает экзистенциалом, т. е. особым способом существования человеческого бытия.

Движение веры начинается с самоотречения, в котором «заложены мир и покой», так что всякий человек через лишение и боль мог примириться «с наличным существованием». Немногие люди, утверждает Кьеркегор, отваживаются на это движение, поскольку жизнь духа большинству из них не интересна. Между тем, «бесконечное самоотречение — это последняя стадия, непосредственно предшествующая вере... ибо лишь в бесконечном самоотречении я становлюсь ясным для самого себя в моей вечной значимости» [4, с. 46]. Во внешней жизни, погруженной в нескончаемый поток предметов, должен осуществиться переход ко «внутреннему», где и находится экзистенциальное измерение человека. Это обретение экзистенции осуществляется через решающий выбор человека, его выход из предметного бытия к единственному и неповторимому самому себе. Это можно понять как идеальное действие человека, движение к его фундаментальной заданности, уникальный индивидуальный прогресс, который опирается только на то неуловимое, что заключено в предмете веры.

В поиске достойного примера иллюстрирующего состояние веры Кьеркегор обращает внимание на ветхозаветного праведника Авраама, впоследствии названного апостолом Павлом — «отцом всех верующих». Авраам, ожидавший сто лет появления сына от любимой жены, не усомнившийся в возможности столь неестественного для преклонного возраста рождения, проявил поистине великую веру. Но на этом его испытания не закончились: Бог попросил Авраама принести Исаака в жертву, перечеркнув тем самым весь смысл этого ожидания и потребовав от праведника максимальной из всех возможных утраты. Библия довольно сдержанно говорит о трехдневном пути Авраама и Исаака к месту жертвоприношения, но для Кьеркегора каждая минута этой дороги представляется поражающей всякое человеческое понимание трагедией. Сравнения с Авраамом, по мысли Кьеркегора, «не выдерживают» ни какие античные герои, какие бы горькие утраты им не пришлось понести. Неведомые тайны души праведника дают Кьеркегору неисчерпаемый источник собственно философского и психологического осмысления опыта веры.

Как известно, Исаак, «судьба которого была вместе с ножом вложена в руку Авраама» остался жив, Бог в самый последний момент предоставил жертвенное животное. Авраам же «победил Бога своим бессилием», потому что «верил и не сомневался, он верил в противоречие». «Отличительная черта экзистенциалов — потенциальность парадоксального трагизма (трагического парадокса, абсурда, алогичности бытия)» [2, с. 19]. Крылатая фраза Тертуллиана «credo que absurdum est» была всецело воспринята Кьеркегором и развита им со всей мощью его таланта. Абсурд или парадокс, по мысли Кьеркегора, — это состояние ожидания неожиданного и одновременного отречения от этого ожидаемого, как от уже

полученного, и состояние это порождается и длится в человеке вновь и вновь, поддерживаемое силой мужества и самоотречения. «Теперь, после того, как движение самоотречения осуществлено, получить все силой абсурда, получить полное и безусловное исполнение желания — понимание этого выходит за пределы человеческих сил, это чудо» [4, с. 47], — восклицает Кьеркегор.

Парадоксальность веры проявляется в том, что «единичный индивид стоит выше всеобщего», поскольку «вера — это парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит в абсолютном отношении к абсолюту» [4, с. 54-55]. В самом основании веры не могут лежать какие бы то ни было мотивы, так или иначе воспринимаемые, ожидаемые или одобряемые другими. Вера не может быть данью культуре, традиции, роду, ее основание абсолютно индивидуально и совершенно не-от-мирно. Ее цели предельно личные, а не общезначимые, полезные или необходимые. Вера захватывает все бытие человека и лично соотносит его с Абсолютом, она ставит человека перед Богом и «вынуждает» действовать только ради Бога. Второй парадокс веры заключен в том, что «внутреннее, выше чем внешнее». Отсюда истинность самого предмета веры не определяется чем-либо приходящим из вне, экзистенция «убеждается» в ней сама, это её трансцендентная уверенность, не поддающаяся верификации или постороннему анализу. В вере человек не ищет какого-либо признания, соблюдения чьих-то интересов, и даже не преследует своих собственных целей, силой абсурда, он отдается «во власть» Абсолюта, и через Бога обретает своё Я, находит подлинного себя.

С другой стороны, вера в понимании датского мыслителя превосходит эстетику и этику (в его учение о трех стадиях жизни человека: эстетической, этической и религиозной), ведет человека к чему-то большему, чем наслаждение и успокоение. Она есть «прыжок» за рамки всех возможных рациональных обоснований, переход за границу причинности и условности, за пределы своей сущности. Это акт трансцендирования. «Вера это сознательный акт, и бессознательные элементы соучаствуют в создании веры» когда они приняты трансцендирующим личностным центром [5, с. 135].

Таким образом, вера представляется датским мыслителем, как высшая страсть в человеке, как экзистенциал человеческого бытия. «Вера это императив чувственности, устремленный к своему собственному пределу, преодоление отчуждения, ключ к которому — истинность как атрибут переживания: «я чувствую, что это — настоящее», «только сейчас я на самом деле живу», «это реальность, а не иллюзия» [6]. Человека вставшего на истинный путь веры Кьеркегор сравнивает с рыцарем, одиноко шествующим в толпе увлечённых повседневностью. Он «предоставлен самому себе в одиночестве» и ощущает боль непонимания другими, не выдерживающих «мученичества непостижимости», чья рефлексия ограничивается «восхищением умелостью» героев, на ко-

торых перелagается ответственность личной жизни. Следование путями веры, по мысли философа, менее всего делает жизнь человека беспроблемной и комфортной, но в ней экзистенция преодолевает отчаяние.

Воспитанный в лютеранской традиции философ Кьеркегор остро переживает необходимость веры в ее традиционном понимании, в форме классического диалога (или «Завета») Творца-Абсолюта с ищущим Его творением-человеком. Но одновременно с этим он «нащупывает» экзистенциальное измерение веры, как предельно личного

опыта, не подотчетного рациональному мышлению и общепринятому здравому смыслу. Кьеркегор «формулирует экзистенциалистский вариант христианской религиозности», где экзистенция «фиксирует открытость человеку его собственного бытия» [3]. Вера, понята как экзистенциал, в дальнейшей истории человеческой мысли получила в основном положительные интерпретации в творчестве К. Ясперса, П. Тиллиха, М. Бубера, Г. Марселя, «нейтральные» у М. Хайдеггера, и отрицательные у Ж. П. Сартра, А. Камю.

Литература:

1. Быховский, Б. Э. Кьеркегор. — М.: Мысль, 1972, — 238 с.
2. Гагарин, А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до Нового времени. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. — 372 с.
3. Исаев, С. А. Кьеркегор. // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Интернет-версия издания: 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. Электронный ресурс <http://iph.ras.ru/elib/1596.html> (дата обращения 05.10.2015)
4. Кьеркегор, С. Страх и трепет. — М.: «Республика», 1993. — 383 с.
5. Тиллих, П. Избранное: Теология Культуры. Пер. с англ. — М.: Юрист, 1995. — 479 с.
6. Мурзин, Н. Н. Экзистенциальное сознание: Кьеркегор или Гегель? // Философский журнал «VOX». Электронный ресурс: vox-journal.org/content/vox2/vox-2-murzin.pdf (дата обращения 05.10.2015)
7. Хоружий, С. С. Неотменимый антропоконтур. Философия Кьеркегора как антропология размыкания. // Вопросы философии. 2010. № 6. с. 152–166.

Идея взаимосвязи конструктивного и деструктивного в философии Нового времени (XVIII–XIX вв.)

Мегрелишвили Мария Алексеевна, кандидат философских наук, доцент
Запорожский национальный университет (Украина)

Идея взаимосвязи конструктивного и деструктивного в развитии общества в большей или меньшей степени всегда интересовала философов, будучи тесно переплетена с идеями сущности человеческой природы, соотношения добра и зла, творчества, прогресса, исторической закономерности и случайности и некоторых других. В XVIII–XIX веках активно развивается и постепенно начинает доминировать мысль о неизбежности общественного прогресса. Правда, уже тогда, отдельные философы ставили под сомнение ее конструктивность. Кроме того, в период Нового времени исследователи не обходят вниманием определенные черты человеческого характера, которые оказывают непосредственное и, зачастую, парадоксальное влияние на развитие общества. Историко-философский анализ этого периода в указанном ключе позволит приблизиться к пониманию сущности взаимосвязи конструктивного и деструктивного в общественном бытии.

Отметим, что «конструктивное» и «деструктивное» мы используем в современном общепринятом смысле.

Философы Нового времени, особенно просветители, в целом в человеческой истории и в поведении индивидов наблюдают больше конструктивного, чем деструктивного.

Так, А.-Р.Ж. Тюрго отмечает взлеты и падение определенных государств и империй, которые происходили в истории при разных обстоятельствах, однако, как приверженец идеи прогресса, с оптимизмом описывает развитие наук и искусств. «Империи возникают и падают; законы, формы правления следуют друг за другом; искусства и науки изобретаются и совершенствуются. Попеременно то задерживаемые, то ускоряемые в своем поступательном движении, они переходят из одной страны в другую. Интерес, честолюбие, тщеславие обуславливают непрерывную смену событий на мировой сцене и обильно орошают землю человеческой кровью. Но в процессе вызванных ими опустошительных переворотов нравы смягчаются, человеческий разум просвещается, изолированные нации сближаются, торговля и политика соединяют, наконец, все части земного шара. И вся масса человеческого рода, переживая попеременно спо-

койствие и волнение, счастливые времена и годы бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству» [13, с. 51–52]. А.-Р.Ж. Тюрго отмечает, что «нравы смягчаются», «разум просвещается», «нации сближаются» вследствие осознания деструктивных последствий человеческой деятельности. Интересно также его замечание относительно сближения изолированных наций, как прогнозирование современных глобализационных процессов, правда, в настоящее время политика зачастую является фактором более разъединяющим, нежели сближающим отдельные страны.

Оптимизм отличает и мысли Ж.-А. Кондорсе относительно дальнейшего развития человечества. «Без сомнения прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда развитие не пойдет вспять...» [5, с. 686]. Философ связывает надежды на улучшение состояния человеческого рода с уничтожением неравенства между нациями, прогрессом равенства между разными классами и действительным усовершенствованием человека. При этом он считает, что способность человека к усовершенствованию безгранична и не зависит от какой бы то ни было силы [5].

Вольтер в «Метафизическом трактате» (1734) отмечает, что свойственная человеку доброжелательность «... никогда не смогла бы послужить основанию великих империй и процветающих городов, если бы нам вдобавок не были свойственны великие страсти» [2, с. 266]. Он объясняет, что эти страсти (гордыня, страсть повелевать, алчность, зависть), злоупотребление которыми приносит столько зла, в действительности являются первопричиной порядка на Земле. Например, с помощью гордыни возникло общество: «Едва лишь настоятельные потребности объединили между собой несколько человек, как наиболее ловкие среди них поняли, что всем этим людям от рождения присуща непомерная гордость, равно как и непобедимая склонность к благополучию. Нетрудно было убедить их в том, что, если они совершат для блага всего общества нечто стоившее бы им небольшой потери благополучия, гордость их была бы за это с избытком вознаграждена» [2, с. 266].

Страсть повелевать, с точки зрения Вольтера, еще сильнее разожгла человеческую изобретательность, направленную на то, чтобы подчинить одних людей другим: «...неистовое приобретательство земных благ с каждым днем добавляло новые успехи к процветанию всех видов искусств. Механизм этот не получил бы столь сильного развития без содействия зависти, весьма естественной страсти, всегда маскируемой людьми именем «соревнование». Зависть эта разбудила от лени и возбудила дух каждого, кто видел, что его сосед могуществен и счастлив» [2, с. 267].

Из этого логично следует вывод, что «... вероятно, бог дал нам эти потребности и страсти для того, чтобы наша изобретательность обратила их к нашей выгоде. Если же многие люди ими злоупотребляют, то нам не следует сетовать на добро, которое люди обращают во зло» [2, с. 268]. Как видим, Вольтер непосредственно связывает особен-

ности человеческого характера, которые в христианской традиции отождествлялись с грехами, с прогрессивным развитием самого человечества.

Ф. де Ларошфуко специально не занимался проблемами философии истории, однако его максимы относительно человеческих страстей, характеризуя дух той эпохи, выразительно показывают взаимосвязь конструктивного и деструктивного, прежде всего, в плоскости человеческих отношений. Их сущность коротко можно выразить следующим утверждением французского мыслителя: «зачастую наши добродетели — не более чем замаскированные пороки» [7, с. 24]. Эта мысль в дальнейшем раскрывается такими максимами: «нам часто приходилось бы краснеть за наши лучшие поступки, если бы мир мог видеть, из каких побуждений они совершаются» [7, с. 75], или «жажда славы, страх позора, намерение составить состояние, желание сделать нашу жизнь удобной и приятной, стремление принизить других — таковы нередко причины доблести, столь славной меж людьми» [7, с. 51].

Размышляя о взаимосвязи добра и зла, Ф. де Ларошфуко демонстрирует глубокое знание человеческой психологии. Он предполагает, что «чинимое нами зло приносит нам не столько ненависти и преследований, как наши добрые качества» [7, с. 28], и что «добро нередко вершат ради того, чтобы иметь возможность безкарно творить зло» [7, с. 39].

Философ не обходит вниманием также и интеллектуальную сферу, отмечая: «самое утонченное безумие рождается из высокой мудрости» [7, с. 93].

Среди мыслителей этого периода выделяется Ж.Ж. Руссо. Он продолжает традицию тех философов древности (например, Сенеки), которые считали, что развитие наук и искусств является причиной ухудшения человеческих характеров. «Наши души развращались, по мере того как совершенствовались науки и искусства. Быть может мне скажут, что это несчастье, присущее только нашей эпохе? Нет, милостивые государи, зло причиняемое нашим суетным любопытством, старо как мир» [12, с. 559].

Негативное в целом отношение к знанию подтверждается следующим тезисом философа: «Народы! Знайте раз навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие. Все скрываемые ею от вас тайны являются злом, от которого она вас охраняет и трудность изучения составляет одно из немалых ее благоденствий. Люди испорчены, но они были бы еще хуже,если бы имели несчастье родиться учеными» [12, с. 560]. В полной мере проницательность данного утверждения можно оценить лишь по прошествии нескольких столетий, когда, например, ученые создали ядерное оружие, а политики его применили.

Немецкий просветитель И.Г. Гердер считал, что цель человечества — это гуманность. И люди всегда стремятся к гуманности в зависимости от того как ее понимают. При этом они делают ошибки, но и ошибки эти необходимы, для дальнейшего развития гуманности. «Человек не мог жить, не мог сохранять свою жизнь, не умея поль-

зоваться разумом, а коль скоро он пользовался своим разумом, перед ним открылись ворота и он мог совершать теперь ошибку за ошибкой, делать одну неверную попытку за другой, но точно так же открылся перед ним, притом даже благодаря самим ошибкам и заблуждениям, путь к более совершенному пользованию разумом. Чем быстрее распознаёт человек свои ошибки, чем решительнее устраняет их, тем дальше он идет, тем более складывается его гуманность, и он должен довести развитие ее до конца или же в течение долгих веков стенать под бременем собственной вины» [3, с. 430].

Оптимистичный в целом взгляд на развитие общества выражается в уверенности, что благой порядок природы в том, что «... *созидателей рождается куда больше, чем разрушителей*» [3, с. 433]. Кроме того, мыслитель отмечает: «...*по мере роста подлинной гуманности демонов разрушения на самом деле стало меньше среди людей и что совершилось это по внутренним законам разума и государственного искусства, приобщающихся к просвещению*» [3, с. 434].

Также И. Г. Гердер допускает, что постепенное развитие искусств и изобретений на самом деле предоставляет людям все больше средств для ограничения и обезвреживания всего того угрожающего, что не смогла бы обезвредить даже природа [3].

Основатель немецкой классической философии, И. Кант, взаимосвязь конструктивного и деструктивного объяснял действием природы, которая таким образом обеспечивает развитие человечества, причем аргументы немецкого мыслителя схожи с аргументами Вольтера. Как и Вольтер И. Кант считает, что в условиях всеобщей доброжелательности и единодушия не произошло бы развитие человечества. «Средство, которым природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, — это антагонизм их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, т.е. их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением. ... Именно это сопротивление пробуждает все силы человека, заставляет его преодолевать природную лень, и, побуждаемый честолюбием, властолюбием или корыстолюбием, он создает себе положение среди своих ближних, которых он, правда, не может терпеть, но без которых он не может и обойтись. Здесь начинаются первые истинные шаги от грубости к культуре, которая, собственно, состоит в общественной ценности человека» [4, с. 11].

Страсти, упоминаемые Вольтером, которые могут принести столько бедствий, однако, благодаря которым происходит развитие общества, упоминает также и И. Кант: «...да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы

навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора» [4, с. 12].

Как видим из приведенных мыслей философа, взаимосвязь конструктивного и деструктивного имеет объективный характер, поскольку непосредственно не зависит от намерений отдельно взятого человека, более того, наперекор его воле и намерениям обеспечивается действием природы, и, наконец, выступает как определенная закономерность развития всего человечества, хотя И. Кант именно такими словами ее не описывал. Продолжая линию Просвещения, философ демонстрирует в целом оптимистичный взгляд на будущее человечества, и, вопреки всем неурядицам, которые были, и которые еще ждут человечество, именно они, по мнению И. Канта, наконец, приведут к общему благу. И. Кант отмечал, «... все войны представляют собой многочисленные попытки (правда, не как цель человека, а как цель природы) создать новые отношения между государствами и посредством разрушения или хотя бы раздробления всех образовать новые объединения, которые, однако, опять-таки либо в силу внутреннего разлада, либо вследствие внешних распрей не могут сохраниться и потому должны претерпевать новые, аналогичные революции, пока наконец отчасти благодаря наилучшей внутренней системе гражданского устройства, отчасти же благодаря общему соглашению между государствами и международному законодательству не будет достигнуто состояние, которое подобно гражданскому обществу сможет, как автомат, существовать самостоятельно» [4, с. 16].

Заметим, что усовершенствование общества И. Кант связывает с развитием не наук, а гражданского устройства, его законов и внешних политических отношений «... поскольку они благодаря тому добру, что содержалось в них, в течение долгого времени способствовали возвышению и прославлению народов (и вместе с ними также наук и искусств), в то время как то порочное, что было им присуще, приводило эти народы к упадку, однако так, что всегда оставался зародыш просвещения, который, развиваясь все больше после каждого переворота, подготавливал более высокую ступень совершенствования...» [4, с. 22].

Итак, источником и конструктивного, и деструктивного является политическая деятельность, в то время как образование (наука) имеет лишь положительные функции. Вообще, такой взгляд на развитие цивилизации, приводит философа к мысли, что «... когда-нибудь, не очень скоро, человеческий род достигнет наконец того состояния, когда все его природные задатки смогут полностью развиться и его назначение на земле будет исполнено» [4, с. 22].

XIX век был богат на разнообразные радикальные идеи относительно усовершенствования общества в интересах большинства и улучшения условий существования представителей самых бедных слоев населения. Поэтому идею взаимосвязи конструктивного и деструктивного в общественном бытии можно отыскать и в работах К. Маркса

и Ф. Энгельса, и анархистов. Данная идея, в этот период, проявляется в том, что уничтожение существующего общественного порядка (в большинстве концепций — путем революции, то есть наиболее разрушительным путем) является необходимым условием лучшего будущего общества. Причем, представления о будущем обществе в концепции К. Маркса и Ф. Энгельса и в различных концепциях анархистов несколько отличались.

Так, для К. Маркса и Ф. Энгельса [8] история общества — это история борьбы классов, которая заканчивается или революционной перестройкой общества или общей гибелью классов, которые борются. Они отмечают, что современное общество все больше раскалывается на два больших класса — буржуазию и пролетариат. Революция — это движущая сила истории: «...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» [9, с. 70].

К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечали, что пролетариат, как наиболее низкий и самый большой слой общества, не сможет подняться без того, чтобы не взлетели в воздух все другие слои общества. Если пролетариат, уничтоживши частную собственность путем революции, «... превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классово-противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [8, с. 447].

Разрушение государства — главный путь к свободе личности с точки зрения анархистов. Г. Бакунин [1] утверждал, что между монархией и демократической республикой есть только одно существенное различие: в монархии чиновники народ притесняют и грабят ради привилегированных имущих классов, а также собственных карманов во имя монарха, в республике — происходит все то же самое только во имя народной воли. Поэтому необходимым условием освобождения пролетариата есть разрушения государства. Г. Бакунин отмечает, что «... этот вопрос без кровавой, ужасной борьбы разрешиться не может...» [1, с. 341]. А поскольку, Социальная Революция по своей сути, революция интернациональная, поэтому разрушение любого государства возможно лишь при условиях дружеской поддержки и содействия пролетариата всех стран [1].

П. Кропоткин [6] подчеркивал, что одного разрушения недостаточно, нужно уметь создавать. Народ всегда обманывался в революциях именно поэтому, что разрушивши старое, он недостаточно думал о созидании, предоставлял эту возможность буржуазии, которая знала что хотела, и потому восстанавливала власть в свою пользу.

Утверждая, что коммунизм и анархия есть необходимое дополнение друг друга, П. Кропоткин, лучшее будущее видит в обществе, которое владеет общественным капиталом, накопленным работой предыдущих поколений, использует этот капитал в пользу всех, не создавая господствующего меньшинства. «Такое общество непременно стремится к наиболее полному развитию личности, вместе с наибольшим развитием добровольных союзов — во всех их формах, во всевозможных степенях, со всевозможными целями — союзов, постоянно видоизменяющихся, носящих в самих себе элементы своей продолжительности и принимающих в каждый данный момент те формы, которые лучше всего соответствуют разнообразным стремлениям всех» [6, с. 213].

Среди философов XIX века отдельного упоминания заслуживает Ф. Ницше. Он был одним из немногих мыслителей того времени, которые отрицали прогресс. «Человечество *не* представляет собою развития к лучшему, или к сильнейшему, или к высшему, как в это до сих пор верят. «Прогресс» есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея. Теперешний европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения, поступательное развитие решительно *не* представляет собою какой-либо необходимости повышения, усиления» [11, с. 634]. Как и анархистов, Ф. Ницше не устраивало существующее положение дел в обществе, однако, желательное будущее в его работах существенно отличалось от того будущего к которому стремились анархисты, прежде всего тем, что он не переживал относительно условий существования обездоленных, его волновало отсутствие условий для возникновения Сверхчеловека. «Нет несправедливости в неравных правах, несправедливость в притязании на «равные» права...» [11, с. 686]. Отстаивая концепцию Сверхчеловека (как наивысший тип человека более ценный, более достойный жизни), философ отмечал: «Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение *нашей* любви к человеку. И им должно еще помочь в этом» [11, с. 633]. С точки зрения Ф. Ницше, христиане и анархисты являются врагами Сверхчеловека. Христианство — потому что является религией сочувствия, которая поддерживает слабых и неудачников. Анархизм — потому что лишает рабочего ощущения удовлетворенности его малым бытием. «Христианин и анархист: оба *decadents*, оба не способны действовать иначе, как только разлагая, отравляя, угнетая, *высасывая кровь*, оба — инстинкт *смертельной ненависти* против всего что возвышается, что велико, что имеет прочность, что обещает жизни будущность...» [11, с. 687].

Взаимосвязь конструктивного и деструктивного в философии Ф. Ницше, по нашему мнению, сконцентрирована в таком тезисе: «В человеке важно то что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он *переход* и *гибель*» [10, с. 9]. Ф. Ницше утверждает, что человек должен погибнуть для того, чтобы появился Сверхчеловек.

Таким образом, доминирующая в XVIII—XIX веках идея прогресса, который невозможен без развития наук, ис-

куств, законодательной сферы, обусловила в целом оптимистический взгляд мыслителей на дальнейшее развитие общества. Большинство философов XVIII века, особенно просветители, в целом в человеческой истории и в поведении индивидов, наблюдают больше конструктивного, чем деструктивного. Источником взаимосвязи конструктивного и деструктивного являются страсти, владеющие людьми, которые могут приносить много бедствий, однако служат развитию как отдельного общества, так и всего че-

ловечества. Настроения в XIX веке заметно радикализировались. Взаимосвязь конструктивного и деструктивного проявляется в ином аспекте — усовершенствования общества в интересах большинства и улучшения условий жизни представителей самых бедных слоев населения достигается не благодаря развитию наук, искусств, законов, а уничтожением существующего общественного порядка (в большинстве концепций — путем революции, то есть наиболее разрушительным путем).

Литература:

1. Бакунин, М. А. Государственность и анархия/М. А. Бакунин // Философия. Социология. Политика. — М.: Правда, 1989. — с. 291–526.
2. Вольтер. Метафизический трактат/Вольтер // Философские сочинения. — М.: Наука, 1988. — с. 227–275.
3. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества/И. Г. Гердер; [пер. и примеч. А. В. Михайлова]. — М.: Наука, 1977. — 704 с.
4. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. 1784./И. Кант // Сочинения в шести томах/Под общ. ред. В. Ф. Асмуса — М.: Мысль, 1966. — Т. 6. — с. 5–23.
5. Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума/Ж.-А. Кондорсе // Антология мировой философии в 4-х т. — М.: Мысль, 1970. — Т. 2 — с. 685–693.
6. Кропоткин, П. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения/П. А. Кропоткин. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 864 с.
7. Ларошфуко, Ф. де Максимумы/Ф. де Ларошфуко. Характеры, или Нравы нынешнего века/Ж. де Лабрюйер. Избранные беседы/Ш. де Сен-Дени де Сент-Эвремон. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимумы/Л. де Клапье де Вовенарг. Максимумы и мысли/С. Шамфор: пер. с фр. — М.: НФ «Пушкинская библиотека»: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 794 с.
8. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии/Маркс К., Энгельс Ф. // Сочинения. — 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — Т. 4. — с. 419–459.
9. Маркс, К. Немецкая идеология/Маркс К., Энгельс Ф. // Сочинения. — 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — Т. 3. — с. 7–544.
10. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра/Ф. Ницше // Сочинения в 2 т./Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; пер. с нем. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2 — с. 5–237.
11. Ницше, Ф. Антихрист. Проклятие христианству/Ф. Ницше // Сочинения в 2-х т./Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян; пер. с нем. — М.: Мысль, 1996. — Т. 2 — с. 631–692.
12. Руссо, Ж. Ж. Рассуждение о науках и искусствах, получившее премию Дижонской Академии в 1750 году, на тему, предложенную этой же Академией: способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов/Ж. Ж. Руссо// Антология мировой философии в 4-х т. — М.: Мысль, 1970. — Т. 2 — с. 558–574.
13. Тюрго А.-Р. Ж. Последовательные успехи человеческого разума/А.-Р. Ж. Тюрго; [пер. И. А. Шапиро] // Избранные философские произведения. — М.: Соцэкгиз, 1937. — с. 51–73.

Общественный договор как основа политической концепции Дж. Локка

Мельниченко Анастасия Александровна, аспирант
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Помимо теоретико-методологических исследований, Дж. Локк известен также как автор общественно-политической концепции. Особенно ярко она выражается в работе «Два трактата о правлении» (1679–1681 гг.), где Локк ставит перед собой две цели:

1. опровергнуть учение о божественном и абсолютном праве монарха (концепция Р. Филмера) и создать

теорию, которая сможет примирить свободу гражданина с политической властью;

2. обосновать государственный строй, который соответствует человеческой природе.

В этой работе сосредоточено внимание на теории абсолютизма феодального правления, исходящей из некоторых аспектов теории Т. Гоббса. Как и у Гоббса, ключевым

понятием теории гражданского общества есть понятие природного права, в основе которого заложен природный закон. Государство Локк рассматривает как результат договора между людьми. Договор выступает единственным законным источником и основой политической власти: «Поскольку люди, по природе свободны, равны и независимы, то никто не может быть выведен из этого состояния и подчинен политической власти другого без своего собственного согласия. Единственный путь, посредством которого любой отказывается от своей естественной свободы и надевает на себя узы гражданского общества, — это соглашение с другими людьми об объединении в общество для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо, кто не является членом общества» [1].

По мнению Локка элементы социального договора являются началом для обозначения этики, морали и пути к счастью. Реализация общественного договора, в гражданском обществе предполагает природную равенство людей общества. Локк говорит, что человеческий разум требует согласовывать свои интересы с интересами других людей. Но, недостатком естественного состояния является то, что отсутствует механизм, который бы обеспечил справедливое использование человеком своих естественных прав. Именно для создания такого механизма благоустройства жизни, надежного обеспечения свободы и собственности, — люди заключают социальный договор. То есть, создание государства — это, по мнению мыслителя, скорее акт разума, чем проявление крайней необходимости. Объединившись в политическое сообщество, люди отказываются от принадлежащего им ранее права самостоятельно обеспечивать выполнение законов природы в пользу государства, но они ни в коей мере не отказываются от своих естественных прав. Поэтому цель государства — общее благо. Политическая общность создается для того, чтобы лучше гарантировать свободу и возможность пользоваться своими естественными правами.

Поскольку общественный договор заключается ради лучшего обеспечения естественных прав, он наделяет власть четко определенными правами и обязанностями, которые она не должна превышать. Власть не может покушаться на неотчуждаемые права граждан. Среди которых одним из главных является право собственности, и любое посягательство (лишение части собственности, увеличение налогов) является проявлением деспотизма. Так же, неотъемлемым правом человека Локк считал свободу мысли, поскольку в сфере суждений каждый имеет абсолютную власть для себя.

Именно для предотвращения превышения государственной властью своих полномочий Локк разработал

особый конституционный механизм. Важным компонентом в нем является принцип разделения властей и законность. Чтобы не допустить концентрации власти и злоупотребления ею, Локк предлагает не объединять законодательную и исполнительную власть и подчинить законодателя им же созданным законам, осуществляемым исполнительной властью: сам законодатель при создании закона не должен нарушать естественных законов. Это один из важнейших принципов Локка, и он оказал большое влияние на дальнейшую политическую и правовую мысль, стал одним из главных принципов правового государства.

Реализация главной цели политического сообщества, обеспечение свободы и соблюдения законности, по мнению Локка, требуют разграничения властных полномочий государства и разделения их между различными государственными органами. Локк относится к власти как к сложному механизму. Он различает: законодательную власть, которая должна принадлежать только общенациональному представительному органу — парламенту (он периодически собирается для принятия законов, но не вмешивается в их выполнение); исполнительную власть, которая должна принадлежать королю (который руководит воплощением законов в жизнь, назначает министров, судей и других должностных лиц); союзная или федеральная — это власть, ведающая вопросами войны, мира и отношений с другими государствами, осуществляют ее король и кабинет министров.

Важной гарантией обеспечения прав человека, чтобы не допустить злоупотребления со стороны власти, является расторжение народом договора с правительством. Сохранение такого средства, как чрезвычайной меры контроля над правительством со стороны народа, объясняется тем, что, вручая высокую, т. е. законодательную, власть, народ не лишается суверенитета. Народ может отстранять или изменять состав законодательного органа если законодательная власть действует вопреки делигированному ей доверию. Отсюда — право народа на восстание для восстановления нарушенной правительством свободы (восстание не может быть делом меньшинства). Признание этого права является дополнительной гарантией сохранения гражданского общества. Локк верил в здравый смысл суверенного народа и объявлял его единственным судьей в вопросе о том, действует ли власть в соответствии с выявленным ей доверием.

Итак, Локк сформировал политические принципы, которые легли в основу всех демократических правовых государств мира. Его можно считать основоположником либерализма и современного конституционализма, ведь радикальные теории естественного права повлияли на идеологию американской и французской революций.

Литература:

1. Д. Локк. Сочинения: В 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. с. 143

Природа познавательного опыта по Джону Локку

Мельниченко Анастасия Александровна, аспирант
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Проанализированы философские основы познавательного опыта в концепции Джона Локка. Определены основные направления критики Локка теории врожденных идей. Предложена авторская интерпретация сенсуалистических взглядов философа, очерчено их значение в философской традиции.

Ключевые слова: эмпиризм, познания, опыт, человек, идеи.

Melnychenko Anastasia Olexandrivna
Taras Shevchenko National University of Kyiv

It have been realized the analysis the philosophical foundations of cognitive experience in the conception of John Locke. Discovered the main areas of criticism of Locke theory of innate ideas. It is offered the authors sensual views of philosopher, the meaningfulness of the ideas in philosophy tradition.

Key words: empiricism, knowledge, experience, human, ideas.

Философия эмпиризма от самого зарождения и до настоящего была и остается весьма актуальной. Ведь его идеи важны для всего человечества. Предметом исследования эмпиризма является человеческая личность, человеческое познание, утверждение, что чувственный опыт отражает характеристики объективно существующих вещей. Это направление в теории познания, признает чувственный опыт источником знания и считает, что содержание знания можно представить как описание этого опыта, или как сведение к нему. Устойчиво основателем эмпиризма считается английский философ Джон Локк. К философских основ которого необходимо обратиться для исследования данной темы.

Целью этой статьи является раскрытие природы познавательного опыта и проявления его в человеческом восприятии. Определение основных направлений критики Локка теории врожденных идей. Анализ эмпирических основ познания. Исследование проблемы толкования понятия идея.

Вопрос о человеческом познании занимает выдающееся место в философии 18 в. Это век является провозглашением эмпиризма как ведущего течения. Локк строит свою философию продолжая линию Ф. Бэкона. Свое учение разворачивал противостоя картезианству, кембриджским платоникам и университетской схоластической философии. Также большое влияние на Локка имели идеи П. Гассенди, Р. Бойля, Т. Сиденхема. Главное произведение — «Опыт о человеческом разуме» (1690), над которым Локк работал около 20 лет, посвящена рассмотрению происхождения, видов и возможностей человеческого познания. Одним из исходных положений теории познания Локка является тезис о происхождении всего человеческого знания из опыта, под которым он понимает чувственное восприятие внешних объектов. Опровержение теории врожденных идей, с которого он начинает свою работу, необходимую ему в силу как теоретических так и практических оснований. Этой теории Локк

приписывает такое понимание человека, как пассивной несвободной существа, которому он противопоставляет свои главные принципы и идеалы. Их суть заключается в отстаивании свободы, самостоятельности, достоинства, а в определенной степени и активности человека.

Уже с самого начала очерчивая будущее круг своих поисков можно отметить, что разум ставит человека выше всех других существ, обладающих способностью чувствовать, и ему предоставляются все те преимущества, которые она имеет над ними. С чего, становится понятным, что человек 18 века — это человек, наделенный разумом, только благодаря которому способен познать мир вокруг. Ум (reason), расшифровывается, в первую очередь, как способность рассуждения, понимания (understanding) он не является данным человеку сразу и сознательно в силу самого факта рождения. Умная способность может формироваться только в процессе жизненного опыта и благодаря собственным усилиям каждого индивида. «Человек разумный» — это свободная и активно формируемая человек. Знания, идеи, принципы не вложенные богом в человеческие души, не даны человеку от рождения, но полученные благодаря восхождению ума и других познавательных способностей по соответствующим степеням опыта и понимания. «Если спросят меня, когда же человек начинает обладать идеями, то верный ответ, на мой взгляд: когда она впервые получает ощущение» [1].

Поскольку оказывается, что в душе не наблюдаются идеи, к пока они не будут доставлены туда ощущениями, то толковать идеи в уме (understanding) необходимо одновременно с ощущениями, то есть с такими впечатлениями или действиями в любой части нашего тела, которое производит в уме некоторое восприятия. Итак, можно сказать, что восприятие устанавливает разницу между животными и низшими существами. Поэтому восприятие — выступает путем к познанию. Восприятие — первый шаг и первая ступень к знанию, путь ко всему его материала.

Поэтому, чем меньше ощущений у человека, чем малочисленное и бледнее произведенное с помощью их впечатление, чем слабее применены к впечатлениям способности, тем дальше они от познания, которое можно найти в некоторых людях. В результате, все свое познание человек должен формировать сама, с помощью личного опыта, а не получать его где-то извне, в качестве постоянных, готовых и неизменных догматов. Человек произносится свободной, полностью доверенным себе и своим чувствам. Локк отмечает, что сознание новорожденного ребенка — это «чистая доска» (*tabula rasa*). То есть человек начинает свой путь познания с нуля своих знаний, с чистым сознанием, с чистой душой. А весь материал для познания и размышлений получается из опыта. Под опытом рассматривается совокупность всего того, с чем человек имеет дело непосредственно в течение всей жизни. На опыте основывается все наше знание, и от него оно и возникает. Поэтому, кстати есть совет, что человек с раннего возраста должен быть чем-то заинтересована, то есть занята какой-то деятельностью. Чем ребенок будет слушать (слышать), видеть, чувствовать, воспринимать, тем более опытной, а следовательно и более умным он будет.

Какими же путями знания, идеи, принципы могут поступать в человеческую душу, изначально не владеющий ими? Локк отвечает — конечно, из опыта. И фактически различает два вида опыта: внешний опыт, состоящий из совокупностей определений и внутренний опыт, образующийся из наблюдений ума над своей внутренней деятельностью. Источником внешнего выступает объективный материальный мир, который влияет на органы чувств человека и вызывает, как следствие, ощущение. На этой основе, утверждает английский мыслитель, у нас и возникают простые идеи, имеющие реальный (объективный) содержание, которое соответствует самым вещам. Их место — в человеческом разуме, их источник — это ощущение и рефлексия.

С помощью первичных качеств идеи возводятся до самых чувственных вещей и чувственного восприятия. О первом источник можно сказать, что наши чувства доставляют ума различные друг от друга восприятия вещей в соответствии с разных путей, которыми предметы действуют на них. Таким образом мы получаем такие идеи как: идеи желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького или сладкого, и все те идеи, которые мы можем назвать чувственными качествами [2]. В результате того, что ощущение доставляют идеи до ума, отметим, что от внешних предметов они доставляют ума то, что вызывает в нем эти восприятия. Это источник большинства наших идей, которое полностью зависит от наших чувств называется ощущением. Так устанавливается непрерывный связь между чувствами, восприятием и большинством наших идей, которые человек получает благодаря своим усилиям. При этом, душа и те его идеи, как тело и протяженность, начинают существовать в одно и то же время. То есть все зависит от начала восприятия и формирования идей в человеческом разуме.

Второй источник идей — деятельность ума человека, когда он имеет дело с внешними объектами (вещами), и наблюдает за собой, за своей деятельностью, воспринимает. Такой способ восприятия называется рефлексия. Этот способ наблюдения доставляет такие идеи, как восприятие, мышление, сомнение, вера, размышления, познания, желания и все другие идеи действия ума. Таким образом, становится понятным, что познавательный опыт человека формируется на основах пяти чувств, восприятия и порождению идей. И именно анализируя опыт как источник идей, Локк обнаруживает, что не все идеи одинаково адекватно отражают свой объект, и зависит это от качеств самого субъекта.

По способу образования и формирования все идеи, по Локку, делятся на простые и сложные. Простые идеи включают в себя одинаковые представления и восприятия и не распадаются на какие составляющие элементы. Фактически, простые идеи — это идеи, которые оказываются в уме при посредстве: одного органа чувств (так, свет и цвет доставляются только зрением), нескольких ощущений (идеи пространства, протяженности, формы, покоя, движения), рефлексии (идеи восприятия, мышления, хотение), всех видов ощущения и рефлексии (например, удовольствие или страдание). Простыми словами можно сказать, что к простым идеям относятся идеи: пространства, формы, покоя, движения, света и т.д. Однако, по содержанию эти идеи делятся на две группы. К первой группе относятся идеи, отражающие первичные или первоначальные качества внешних объектов, которые являются совсем неотделимыми от этих объектов, в каком бы состоянии они ни были. Таковы, например, плотность, протяженность, форма, движение, покой. Эти качества действуют на органы чувств с помощью толчка и продолжают у нас выше изложении простые идеи. Ко второй группе относятся идеи, отражающие вторичные качества, не находясь в самих вещах, но представляя собой силы, вызывающие у нас разные ощущения своими первичными качествами (т.е. объемом, формой, сцеплением и движением незаметных частиц материи). Таковы цвет, звук, запах, вкус, тепло, холод, боль и т.п. Об этих идеях уже нельзя с полной уверенностью утверждать, что они отражают свойства внешних тел такими, какими они существуют сами по себе, вне нас. Более того, эти идеи возникают в сознании субъекта только при соответствующих условиях восприятия; они неотделимы от тел, когда эти тела представляют думают о них. Таким образом, проявление вторичных качеств связывается английским мыслителем не с самим объективным миром, а с его восприятием в сознании.

Итак, идеями можно назвать выражение опыта в уме человека. Таким образом, через них человек реализует (использует) свой опыт. Происхождение и формирование сложных идей занимает больший процесс человеческой деятельности. Сложные идеи образуются из простых идей в результате самодеятельности ума. Как уже отмечалось, что умная способность формируется только в процессе жизненного опыта и благодаря собственным уси-

лиям каждого индивида. В результате Локк и выделяет три основных способа образования сложных идей: сочетание нескольких простых идей в одну сложную идею; сведения вместе двух идей, все равно простых или сложных, и сопоставление их друг с другом так, чтобы осматривать их сразу, но не объединять в одну; отделения идей от всех других идей, сопутствующих им в их реальной действительности. Однако, должны отметить, что хотя эти идеи являются составными из простых идей, или из сложных идей, которые составлены из простых, ум при желании может рассматривать каждую отдельно как нечто совершенно целостное, и определять их одним именем (названием).

Сложные идеи, образующиеся в нашем уме, бывают трех типов: модусы, субстанции и отношения (отношения). Отметим, что автор использует слово «модус» в необычном смысле, имея в виду зависимые идеи, такие как идеи треугольника, благодарности, красоты и тому подобное. Пример идеи субстанции — идея свинца. Мы получаем ее, сочетая идею белого цвета с идеями четкого цвета с идеями определенного веса, ковкости и плавкости. Два вида таких идей: простые субстанции, существующие отдельно (например люди или овцы), и те идеи некоторых субстанций, сочетании вместе (например, армия людей или стадо овец). Пример идеи отношения: отец — сын, муж — жена, и т.д.; причина и следствие, создание, рождение, изготовление, изменение; время и место как основа очень широких отношений.

Различив идеи, важно отметить, что некоторые истины получаемых из идей сразу же, как только разум превращает их на утверждение. Для открытия и определения других истин необходим длинный ряд упорядоченных идей, должное сравнение их и тщательно сделанные выводы. Более того, именно некоторые истины первого рода благодаря их общему и легкому признанию ошибочно и принимались за врожденные. На самом деле, следуя философии эмпиризма, идеи и понятия не рождаются вместе с нами, хотя одни идеи усваиваются нами с большей легкостью, чем другие, и поэтому принимаются и признаются большим кругом людей. Но, все же, и это зависит от степени применимости органов нашего тела и, соответственно, умственных способностей.

Разрабатывая такое учение о познании человека невозможно было обойти вниманием язык человека. Вопрос языка, поднятая англичанином в третьем томе, означает, что язык имеет большое значение в достижении знания и опыта человека. Поскольку отмечается, что речь, прежде всего, представляет собой результат творчества человека. Все же слова создал человек. Она же и установила между ними связь, а также связь между предметами, которые они обозначают. Эти редкие способности прежде всего и могут отличить человека от животных и птиц, которые также могут издавать звуки. Опять же, это подчеркивает о том, что именно человеческий разум ставит человека выше всех других существ. Иначе говоря, человеческая речь возникает как следствие существования в людях способности к абстракции и обобщения, данного сначала провидением

умения связывать воедино предмет с его природой благодаря слову. Слова непосредственно связаны с чувственными идеями. То есть, слова определяют некоторые идеи, которые возникают в человеке в результате чувственного восприятия мира. Слова, в конце концов, возникают от слов, которые означают чувственные идеи. В результате чего, фактически основой для возникновения языка является опыт, непосредственный чувственный контакт с предметами реального или идеального мира.

Для лучшего понимания, обратимся к трактовке познания вообще, каким его видит философ-эмпиристы 18 в. Познание выступает как восприятие соответствия или несоответствия двух идей. Итак, познание есть лишь восприятие связи и соответствия или несоответствия и несовместимости любых наших идей. Где восприятия, там и присутствует познания, где его нет, там мы можем только представлять, додумывать, но никогда мы не будем знать, мы не будем иметь знания. Познание возможно получить только через ощущения. Познание существования любой другой вещи мы можем получить только через ощущения. Таким образом, только действительно получения идей снаружи сообщает нам о существовании других вещей и дает нам понять, что в настоящее время вне нас существует нечто, вызывает у нас эту идею, хотя, возможно, мы не рассуждаем по том, как это происходит вообще. Совершенствованию нашего знания, роста познания способствует постоянное накопление идеями опыта нашего ума. Иными словами, накопление опыта.

Способность для пополнения ясного и достоверного познания в тех случаях, где такое познание невозможно найти, есть уже суждения. С помощью суждения ум делает вывод о соответствии или несоответствии своих идей, или об истинности или ложности любого положения. Суждение это сделано в отсутствии предположения о том, что вещи существуют так, а не иначе. Таким образом, ум обладает двумя способностями, касающиеся истинности и недостатки. Во-первых, это познание, с помощью которого ум воспринимает с достоверностью и убеждается с этим в соответствии или несоответствии каких-либо идей. Во-вторых, это суждение, которое представляет собой такое сочетание или разъединение идей в уме, при котором их соответствие или несоответствие не воспринимается с достоверностью, но предполагается таким. И если суждение сочетает или разделяет идеи так, как вещи существуют в действительности, то оно верно суждение.

Согласно этому, Локк, обратился к опыту, который, с точки зрения его принципиально сенсуалистической позиции, является единственным источником нашего знания, утверждает, что разумная способность может формироваться только в процессе жизненного опыта и благодаря собственным усилиям каждого индивида. Природа познавательного опыта — это совокупность идей, суждений, познавательных способностей, человеческая деятельность вообще. Отсюда, все человеческое знание и происходит из этого опыта (чувственное восприятие), а процесс познания, начинается с простых идей, и движется к сложным.

И получается, что чувственное знание можно назвать выходным, которое передает показания вещей вне нас. Высшим видом знания, которого человек в состоянии достичь является интуитивное знание. Когда ум будет непосредственно воспринимать соответствие или несоответствие идей ода другу. Хотя, эмпирическое знание и знание которое мы получаем из этого знания, может быть относительным, но с помощью интуиции и дедукции, мы можем оценить, насколько оно относительно. Итак, основой на-

шего познания является опыт, который состоит из единичных восприятий. Восприятие разделяются на ощущения (действия предметов на нашу органы чувств) и рефлексии. Идеи возникают в уме в результате абстрагирования восприятия. Принцип «врожденных идей» оспаривается. Подчеркивается, что в душе постепенно отражается информация от органов чувств, которая поступает туда с помощью эмпирического восприятия реальности. Принцип который приглашаются: первичность ощущений перед умом.

Литература:

1. J. Locke. An Essay Concerning Human Understanding. The University of Adelaide Library University of Adelaide South Australia 2004. — p. 91;
2. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т М.: Мысль, 1985. — с. 81;
3. Серебренников, В. Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности СПб., 1892.

Использование мировоззренческих наставлений сказки в современных социальных практиках

Наседкина Оксана Олеговна, аспирант
Запорожский национальный университет (Украина)

Данная статья рассматривает мировоззренческие наставления сказки в некоторых социальных практиках терапевтического, педагогического и экзистенциального характера. Особое внимание уделено механизму действия мифологий современного мира, представленных социальными стереотипами в политике и кино. Статья раскрывает связь социального и мифологического, дает примеры поиска смысла жизни в жизнеутверждающих мировоззренческих наставлениях сказки. Современный глобальный мир в большой степени конструируется мифами, искажающими общественное сознание.

Ключевые слова: социальная практика, смысл, терапия, политическая мифология, сознание.

Век глобализма, когда традиционные ценности разрушаются, а новые дискредитируются, человечество встает перед извечным вопросом: иметь или быть. Социальное бытие человека сопряжено с эмоциями, чувствами, интуитивными прозрениями, архетипическими представлениями, которые и составляют основу мифа. Сказочный дискурс как конструктор реальности на протяжении своей истории приобретал многие формы. От мифа о сотворении мира к народным и авторским сказкам до научной фантастики, жанра фэнтези и, наконец, политической мифологии, сказка продолжает занимать собственное место в социальной реальности. Феномен власти и страха, государство как орган управления обществом, фактор личностных и коллективных решений, социальная ответственность — далеко не полный перечень актуальных и в наше время вопросов, рассматриваемых сказкой. Актуальными является и нравственно-этическая сила сказки, которая помогает найти личностно-жизненный смысл конкретному человеку в конкретных условиях бытия. Цель данной статьи — проанализировать некоторые из социальных практик, опирающихся на архетипический, те-

рапевтический, педагогический, мировоззренческий потенциал сказки. Социальные практики понимаются как совокупность рутинных, воспроизводимых, массовых действий индивидов, групп и организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов [9, с. 278].

Символический язык сказки и мифов — универсальный язык человечества. Автор метода комплексной сказкотерапии Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева видит в сказке своеобразный язык для беседы с внутренним миром человека. Это система воспитания, которая формирует и поддерживает систему ценностей. Сказка развивает эмоциональный интеллект, самосознание, саморегуляцию, социальное чувствование и способность развивать или корректировать отношения. Сказка — «система представлений про уникальный узор судьбы человека» [3, с. 8]. Автор выделяет четыре принципа своего метода: Жизненная Сила, Мост между мирами Яви та Нави, Самодисциплина (мыслей, чувств, поступков) и Кристалл (умение видеть множество граней ситуации). Среди форм комплексной сказкотерапии Зинкевич-Евстигнеева выде-

ляет диагностическую, психопрофилактическую и деятельно-влиятельную. В диагностической форме можно выделить проектные и архетипические формы. Форма влияния работает на сознательном и бессознательном уровнях благодаря художественным, дидактическим, психопрофилактическим, терапевтическим и медитативным сказкам. Психопрофилактические сказки полезны «начиная с внутриутробного развития до глубокой зрелости» [3, с. 10].

Автор создает формулу хорошей сказки: смысл архетипов + образный ряд, понятный адресату + актуальный ряд. Смысл архетипов содержит в себе «главный шифр жизненных уроков» [3, с. 11]. Образный ряд должен быть качественным. Актуальный стиль должен адекватно восприниматься реципиентом: для подростка предлагается экстремально-современный стиль сказки или фантастический, для взрослого подойдет авторская сказка, для детей младшего возраста — традиционная или комбинированная сказка. Душа требует сказки в любом возрасте для достижения состояний Счастья, Чуда, Ощущения Детства. Сказкотерапия — «процесс объективации проблемных ситуаций» [3, с. 20]. Это терапия сказочной атмосферой, в которой возможна материализация мечтаний. Благодаря сказке появляется чувство защищенности и поиск внутреннего ресурса. В процессе сказкотерапии анализируются и обсуждаются проблемные вопросы — Как бы ты поступил на месте героя? Почему герой так поступил? Можно ли было иначе? Какой нравственный урок мы выносим из ситуации? Реципиенты придумывают собственные продолжения или повороты сюжета, используется имидж-терапия, кукла-терапия, рисование по сказке, драматизация. Человек осознает причинно-следственные связи, случайности и закономерности поступков персонажей, их сознательные и скрытые мотивации и способы отношения к миру (разрушитель, созерцатель или созидатель).

Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева справедливо утверждает, что сказки несут в себе идеи. Во-первых, это идея живого бытия: окружающий мир — живой, и в любое мгновение может заговорить с человеком. Во-вторых, живые предметы, окружающие человека, могут действовать самостоятельно. Эта мысль существенна в психотерапевтической практике принятия Другого. В-третьих, победа Добра над Злом важна для поддержания духа. В-четвертых, ценная идея сказок — осознание необходимости самостоятельности и терпения. Самое ценное человек приобретает после испытаний — опыт общения с другими и познание себя. Наконец, сказка учит, что возле человека существуют помощники — эта мысль чрезвычайно важна для установления доверия к окружающему миру. Как пишет Ю.А. Наризный, такие понятия как «холод» и «тепло» в сказках — не символы, а телесные ощущения. Сказка дает возможность на физическом уровне пережить холод отчуждения и тепло любви. В сказках всегда присутствует «остаток, который не поддается рефлексии» [5, с. 102].

Сказка — не забава и не пустой вымысел. Сказка — «приглашение к психологической и даже духовной работе» [3, с. 74]. Зинкевич-Евстигнеева утверждает,

что психологически-коррекционные сказки можно не обсуждать с реципиентом. Они мягко и ненавязчиво влияют на детей до 13 лет. В своей работе автор руководствуется пятью требованиями. Во-первых, герой должен быть близким детскому характеру. Во-вторых, ребенок должен узнать себя. В-третьих, ребенок должен осуществлять проекцию собственных переживаний на персонаж. В-четвертых, проблемная ситуация доводится до абсурда ради поиска альтернатив. И, наконец, позитивные изменения должны осуществиться. Среди психологически-коррекционных сказок выделим сказки для тех детей, кто боится темноты, сказки для хвастунов, капризных, агрессивных, тех, кто употребляет плохие слова и для детей, которые не могут избавиться от зависти.

Психотерапевтические сказки традиционно заканчиваются счастливо. Такие сказки всегда проникновенны и стимулируют процесс личностного роста. Например, сказка про идеальное «Я» реципиента меняет стиль поведения последнего через принятие и осмысление ситуации. Среди психотерапевтических сказок автор предлагает сказки для тех родителей, которые чрезмерно переживают за своего ребенка; сказки о жизненной стратегии; сказки для жертв манипуляций и сказки для детей, родители которых разводятся. Психотерапевтические сказки Андрея Гнездилова — «Дым старинного камина», «Мелодии дождя на петербургских крышах», «Лабиринты души» — используются в работе с пациентами. Такие сказки помогают взрослым, испытавшим трудные психологические состояния и утраты, прошедшим через проблемы в браке или с собственными детьми. Сказки учат понимать ценности отрицательных чувств, актуализируют проблему самореализации, формируют позитивное экологическое мировоззрение.

Медитативные сказки (автор сравнивает их с колыбельными) существуют для «накопления позитивного разного опыта, снятия психоэмоционального напряжения, создания...лучших моделей взаимоотношений..., гармонизации внутренних процессов» [3, с. 170]. В таких сказках отсутствуют конфликты и отрицательные персонажи. Такие сказки направлены на осознание человеком самого себя, как человека, что живет в настоящем времени, а также на создание позитивных зрительных, слуховых, обонятельных, тактильных и вкусовых образов. Медитативные сказки полезны детям с приемными родителями, а также для детей из неблагополучных семей. Такие сказки подходят для работы с тревожными детьми, с теми, кому не хватает эмоционального тепла и для убаюкивания малышей. В современной терапевтической практике существуют и настольные психологические игры: «Дорога в страну Изобилия» (авторы Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, Е. Тарасова), «Остров Детства» (авторы Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева, Н. Данилова) и другие.

В 80-х роках XX столетия гипноз американского психолога М. Эриксона использовался в лечебных целях. Вместе с Е. Росси Эриксон выдвинул гипотезу, что использование метафор, в особенности сказочных, позволяет ра-

ботать с правым полушарием мозга, отвечающим за бессознательное. Гипноз Эриксона использует рассеянные непрямые намеки, импликации и ассоциации, направленные на перевод бессознательного в поле сознательного. Сказки и метафорические рассказы с их эмоциональными убеждениями та ценностными наставлениями должны перекликаться с опытом событийных переживаний пациента. Таким образом, намеки могут сформироваться в сознательные решения посредством бессознательного поиска, ведущего к самораскрытию личности пациента. Гипноз Эриксона выводит пациента из стереотипных ассоциативных связей и сознательно дезориентирует пациента (шоковое удивление, смена темпа говорения, перекос точек отсчета времени) [10.] Терапия творческого самопроявления (автор М. Е. Бурно) дает позитивные социальные результаты у пациентов с тревожными и гнетущими переживаниями собственной неполноценности. Этот метод рассчитан на долгосрочную перспективу. Благодаря «творческому путешествию» в сказку пациенты учатся ценить моральные наставления и ощущать социальную пользу от собственного труда и собственной жизни.

А. Маслоу (1908–1970) — американский психолог, основатель гуманистической психологии — указывал на важность изучения личностного роста и самоактуализации. Идеи А. Маслоу внедряются в образовании, менеджменте, социологии, медицине. Хотя учений не занимался клинической практикой, он исследовал этические компоненты человеческих взаимоотношений. Трансперсональная психология Маслоу основана на процессе достижения инсайта, пробуждения благодаря действию экстазов, мистического благоговения, чуда, сакрализацию — словом, благодаря измененным состояниям сознания. Это глубокое проникновение в себя достигается, в том числе, и благодаря сказкам. Маслоу рассматривал образование как процесс длинной в жизнь. Его привлекала не интеллектуальная, а аффективная сторона обучения: эмоции, чувства, ценности. Маслоу был уверен, что школа должна помочь детям актуализироваться. В этом помогает визуализация, игры для ума, среди которых сказка занимает не последнее место. А. Маслоу утверждал, что успешная социальная жизнь базируется на моральных ценностях. Выводы Маслоу про принятие позиции Другого, экзистенциальный подход (здесь и сейчас), ответственность за собственные поступки, право на существование полярных эмоций находят свое отображение в сказках. Психоаналитик К. П. Эстес на своих занятиях проживает сказку вместе с пациентом, при этом психолог задает вопросы реципиенту с целью активизировать восприятие воспринимающего, помогая ему открывать смыслы настоящего через осмысление прошлого [11].

Современный мир — более динамичный и более богатый альтернативами — наполнен дефицитом осмысленности человеческого бытия. Логотерапия Франкла направлена на избавление от экзистенциального вакуума. В. Франкл вводит представления о ценностях — смысловых универсалиях: 1) что мы даем жизни (воплощается

в творчестве), 2) что мы берем от мира (ценности переживания), 3) позиция человека по отношению к судьбе (ценности отношений). Труд — основной путь реализации ценностей творчества. Ценности отношений оправданы, когда все другие воздействия на судьбу исчерпаны. Ученый настойчив в своих выводах: «трагическое триединство человеческого существования» [6, с. 23] — страдание, вина и смерть — могут трансформироваться в положительную ситуацию; смысл как «требование момента» [6, с. 39] не дается автоматически, он должен быть найден самим человеком.

Сказки построены на поиске смысла человеком, и в физическом (странствия), и в ментальном плане (разгадывание загадок, обдумывание ситуаций). Например, Василисе из русской сказки дается три варианта действий: направо поедешь — коня потеряешь, налево поедешь — сама пропадешь, прямо поедешь — увидишь, что будет. Героиня выбирает прямую и неопределенную дорогу, сознательно отбрасывая неприемлемые условия судьбы. Василисе интересно проявить себя, узнать свои возможности — любопытно испытать долю. Василиса не ставит целью выйти замуж — она едет на войну, чтобы защитить родину от врага. Однако, сказка имплицитно подводит к мысли, что война — не женское занятие, и Василиса обретает мужа. Наставления сказки — сгустки мудрости поколений — с детства закладывают в человека этическую программу норм. Вспомним: Пса княжеская милость не радует — лучше бы волю подарил/Что же вас судить, коль вы меж собой все рассудили/Никого нет презренней, кто дружбе изменил/Если сметлив, сам поймешь, недогадлив — другие растолкуют/царь дотоле хорош, покуда ему не перечат. Сказки — на стороне бедных, трудолюбивых, смекалистых и инициативных людей. Таким помогает даже дьявол. Сказки выражают осуждение гордым, непочтительным и ленивым людям. Карл Ясперс утверждал, что «человек становится тем, что он есть благодаря делу, которое он делает своим» [6, с. 59]. Сказки подтверждают эту мысль: например, в британских сказках именно искусные кузнецы и талантливые музыканты приобретают славу и почет.

В. Франкл утверждает: чем сильнее люди стремятся к наслаждению или счастью, тем сильнее они ускользают от человека. Счастье в сказках приходит к людям как логический результат трудолюбия, патриотизма, верности товарищескому и семейному долгу. Франкл подчеркивает, что человек либо конформист (характерно для западных стран), либо находится под гнетом страха и насилия (тоталитаризм, характерный для восточных стран). Скука, апатия, агрессия — спутники современного фрустрированного человека глобального общества потребления. Экзистенциальный вакуум порождает ноогенные неврозы, такие как невроз безработицы и выходного дня. Ученый призывает рассматривать жизнь, как вереницу уникальных ситуаций. Такие ситуации зачастую не вписываются в десять христианских заповедей, безусловная значимость которых размывается в конкретных моментах бытия.

Франкл выступает не за моралистический, а за онтологический подход. Человек выбирает то, что способствует осуществлению смысла и отвергает то, что препятствует смысловой реализации. Сказки постоянно решают дилемму — убить врага или оставить в живых; прислушаться к голосу совести или заглушить его; остаться верным слову даже ценой собственной жизни или стать изменником; встать на сторону справедливости или продолжать ход зла. Франкл доказывает необходимость совершать жизненные попытки (в сказках, как правило, их три), даже если эти пути ошибочны.

Жизнеутверждающее мировоззрение В. Франкла заключается в следующих положениях. Во-первых, страдания могут привести к обновлению (сказочные страдания выводят человека на более высокую нравственную ступень, если герой действительно прошел через страдания). Во-вторых, экзистенциальное отчаяние — не показатель болезни (З. Фрейд), но проявление интеллектуальной искренности (сказочный герой часто оказывается в смысловом тупике, честно признаваясь себе в этом). В-третьих, иногда самое разумное — не пытаться быть чрезмерно умным (парадокс, часто встречающийся в сказках). В-четвертых, личностное, а не расовое различие Франкл считает приоритетным (сказки никогда не культивируют расизм). В-пятых, нельзя манипулировать верой и любовью — интенциональными феноменами (в сказках такие попытки наказываются). В-шестых, нельзя быть отчужденным не только от людей, но и от собственных эмоций, что в конечном итоге приводит к отчуждению от самого себя.

Сказки дают множество примеров коллективного товарищеского решения проблемы. Индивидуальные же поиски смысла реализуются, когда человек обладает нравственной зрелостью или внутренним стремлением ее обрести, а также, если существует социальный запрос общества на лидерские качества героя-защитника. При этом, герой постоянно оказывается перед необходимостью проверки совести и испытания чувств. В-седьмых, осуществление смысла жизни — директивная необходимость по причине конечности и необратимости человеческого бытия. Хотя в сказках жизнь человека обратима, социально значимые смыслы человеком достигаются еще при его земной жизни: женитьба/замужество, рождение потомства, повышение социального статуса, обретение наследства, строительство жилья. Наконец, весьма ценно утверждение Франка (берущее начало из философий Востока) об ответственности человека за выбранный им уникальный смысл своего существования. В сказках человек находит тот смысл, который необходим исключительно ему: поступки, отношения и ценности человека детерминируют результат его поисков как лично-свершившуюся возможность.

Человек у Франкла (как и в сказках) — «существо, которое постоянно решает, чем он будет в следующий момент» [6, с. 17]. Франкл выделяет две онтологические характеристики человека: способность к самотрансценденции и самоотстранению. Бог в логотерапии Франкла —

персонализированная совесть, смысловой орган и интуитивная способность человека искать и находить смысл. Сказочные герои меняют свой облик, путешествуют во времени и пространстве, чтобы найти тот единственный смысл, который оправдывает их существование. Техники парадоксальной интенции и дерефлексии в логотерапии В. Франка помогают в лечении фобий и сексуальных неврозов. При ноогенных неврозах применяется методика сократического диалога.

Курт Хюбнер в «Истине мифа» подчеркивает, что мифологическое мышление продолжает жить в современном духовном мире: в искусстве, живописи, религии, политике. Автор называет их «искривленными отзвуками мифа» [7]. Если в доисторические времена миф — поэтическая форма наивного объяснения мира, то современная мифология манипулирует общественным сознанием. В.М. Найдыш прослеживает в современном обществе квазинаучные мифологемы и утверждает, что благодаря мифологическому обряду происходит сакрализация нормы и достигается гармонизация коллектива [4]. Р. Барт считает, что современные мифы служат не разрешению, а заклинанию противоречий обществ и их оправданию. Миф можно условно описать как аморфную массу бессюжетных стереотипов и бессистемных представлений. Миф опустошает первичный смысл бытия и паразитирует на нем, воплощаясь как вторичная идеологическая форма. Мифом — социально отчужденным искусственным образованием — может быть все, что угодно, считает Барт [1]. Любая вещь вследствие суггестивной сущности мира может выйти за рамки своего замкнутого и бессловесного существования и предстать перед социумом открытой в своем вербальном воплощении формой. В отличие от сказки, миф (в идеологическом контексте) не имеет художественного оформления. У мифа есть свои авторы и, в отличие от сказки, он деструктивен по своей сути, так как направлен на сознательное искривление социальной действительности ради получения идеологических преимуществ ограниченным количеством людей.

Покорение мифами социальной среды советской эпохи осуществлялось планомерно и последовательно. Точнотворная непрерывность языка советской бюрократии (термин Р. Барта) преследовала цель завуалировать и скрыть истинную социальную реальность. Советские аббревиатуры были «не просто буквами, но угрожали жизни, либо лежали в ее основании как некая магическая подоплека самой действительности» [8, с. 99]. Лозунги — Ленин и сейчас живет всех живых/Мы придем к победе коммунистического труда/Партия-ум, честь и совесть нашей эпохи/Кукуруза — царица полей/Пьянству — бой — воспринимались как застывшие неживые формы без содержания, как пустые фразы, за которыми нет смысла. Согласно Р. Барту, чтобы победить миф, его надо подвергнуть разоблачению — срыванию покрывала. Эту ложную маску следует разделять на синтагмы, расчленять ее составные компоненты, пропалывать как огород. Архаичные формы мышления в эпоху, когда «Бог умер»

(Ф. Ницше), выводят на свет политиков-полубогов «священников новой, совершенно иррациональной и загадочной религии» [8, с. 125]. Мысль В. Набокова — тираны погибают от смеха — находит свое воплощение в сказках. Ирония и юмор сбрасывают мифическую вуаль, и как в сказке Андерсена помогают осознать, что король — голый. Политическое мифологическое мышление в эпоху глобализации обеднено отсутствием диалектики и исключением предмета из исторического процесса развития, поэтому риторика политической мифологии проявляется в тавтологии, тождествах, застывших метафорах, банальной констатации факта и редукции явлений.

Мифы, навязываемые массовой культурой и СМИ — весьма разнообразны. Это — утратившие связь с реальностью сюжеты социального бытия человека. Образ идеального женского тела (пресловутый размер 90–60–90), образ бизнесмена со стандартным набором материальных благ, образ идеального сервиса (Летайте самолетами Аэрофлота) или гарантированной материальной безопасности (Храните деньги в сберегательной кассе) выхолощивали настоящий смысл жизни, привносили в нее ненатуральность. Театрализованное поведение, жесты и риторика активных участников Французской революции получило продолжение в PR-акциях современных политических деятелей и так называемых звезд эстрады. Мифы не всегда комичны или абсурдны (суд как торжество справедливости или спорт как личное участие в нем). Миф о верховенстве арийской расы 1930-х годов прошлого столетия стоил жизни миллионам людей. Миф о необходимости совершать покупки (акции, СМС-приглашения, реклама, скидки) лишает человека сознательного выбора. В условиях стремительности жизни современный человек живет и мыслит категориями мифов, которые приходят извне и подтачивают человеческое бытие экзистенциально. Мифы питаются памятью и чувствами (вина, стыд, радость), инстинктами (разделение на своих и чужих, страх). Мифы живут благодаря потребностям (любовь, одобрение, безопасность), псевдомышлению, архетипам бессознательного, стигмации. «Когда все рациональные механизмы политики перестают работать, на арену истории выходит миф» [8, с. 120].

Кино и телевидение как создатели мифов оказывают чрезвычайно значительное влияние на общественное сознание. Голливудская «Бондиана» или «Робокоп» — киномифология, в которой позитивный герой (человек или машина) борется со Злом. У Джеймса Бонда, как в сказках, существуют помощники — летающие приспособления, стреляющие авторучки. Они — отголоски мифических ковров-самолетов, сапогов-скороходов и волшебных палочек. Страх перед угрозой войны в Америке в 1950-х годах XX столетия был иррационален по своей природе, и так же иррационально был преодолен этот страх. Позитивным опытом можно назвать российский мультсериал «Маша и медведь», в основе которого — народная сказка. Однако, в отличие от сказочной Маши, убегающей от семьи рассерженных медведей, зная о неминуемом наказании, Маша

из современного мультфильма похожа на сегодняшних детей. Она озорна, любопытна, немного капризна и обладает веселым непоседливым нравом. Медведь — терпеливый и работающий персонаж; архетипически — это образ Отца, который хоть и страдает от проделок Маши, все прощает ей, ибо, как Отец, знает, что шалости Маши уйдут вместе с детством. Маша — привлекательный тип Ребенка со всей жизненной энергией, присущей данному возрасту; в ней нет зла и агрессии. Мультфильм по праву смотрится с интересом не только в России, но и в Британии, Италии, США и арабских странах.

В 1970-х годах прошлого века американский режиссер Джордж Лукас выпустил первый эпизод «Звездных войн». Показательны названия первой трилогии — «Новая надежда», «Империя наносит ответный удар», «Возвращение Джедая», «Скрытая угроза», «Атака клонов», «Месть ситхов». По мотивам киносериала «Звездных войн» созданы мультфильмы и телевизионные фильмы. Стереотехнологии и компьютерные возможности увеличивают зрелищность фильмов жанра космической фантастики. Миф переплетается с реальностью: в фильме показаны документальные съемки воздушных боев времен второй мировой войны. С одной стороны, применяются технические открытия XX века: голография и протонные торпеды, метеоритный дождь и космическая станция, лазерное оружие и магнитный луч, навигационные компьютеры и роботы. С другой стороны, фильм повествует о некоем социальном обществе. Люк хочет поступить в Академию, фермеры зарабатывают деньги на сборе урожая, люди и роботы пользуются лифтами и мусоропроводами. В городах, похожих на Самарканд, досматривают транспорт, существует тюремный сектор и наручники. Несмотря на временную и пространственную запутанность (вместе с людьми и роботами живут яки-мамонты и доисторические ящеры) персонажи борются за власть — им не чужды материальные интересы и физическое уничтожение соперника. В баре они демонстрируют поведение, схожее с гангстерским.

Социальные отношения проявляются в чествовании победителей — они получают медали, почтительном обращении робота к человеку «сэр» и социальной позиции (активной или пассивной) по отношению к Империи как носителю Зла. Бен Кеноби — олицетворение Добра — напоминает японского самурая и волшебника Мерлина. Это старец-философ, повторяющий заклинание «Да пребудет с вами сила». Физическая сила и сила Добра причудливо сочетаются в фильмах. Мифический черный персонаж в маске — лорд Вейдер, избирающий сторону Зла, напоминает тевтонского рыцаря. Белые одежды характеризуют силы Добра — рыцарей-джедаев, принцессу Лею. Фильмы принесли грандиозный финансовый успех, возникло новое религиозное направление — джедаизм, а любимой игрушкой мальчиков 1970-х годов стал световой меч. «Звездные войны» — это не только сказка, рассказанная в социально-экономических и политических условиях «холодной войны», ее можно интерпретировать, как попытку

показать техногенные угрозы, которое несет с собой научно-инженерная мысль и наращивание вооружений.

Как и в сказках, историческую миссию спасения от Звезды Смерти возлагают на юного отважного потомка благородного рыцаря, обладающего уникальной энергией победителя. Безжалостный император Паллатин, как и его реальные прототипы, — борется за власть и ни перед чем не останавливается. «Звездные войны» — это фильмы о зомбировании, силе мысли, ответственности и жертвенности во имя коллективной победы. Интересно, что эвоки — примитивная раса, вооруженная лишь палками и камнями, побеждают сухопутные войска Империи. Возможно, фильмы наталкивают на мысль, что современная цивилизация при всех ее компьютерных, технических и военных возможностях может пасть от элементарной первобытной агрессии? Как все деспотические государства, власть Императора держится на страхе. Сакральная архаичная формула — Не надо недооценивать силу — нацелена на запугивание противника. Аргумент силы все-таки пересиливает аргументы добра и справедливости. Народное мифотворчество и «современная политическая имажинерия» продолжает «воплощать одну и ту же личность» в образе правителя. «Игра во власть становится лишь опасной одержимостью власти...Только критика и отрицательная позиция еще порождает призрак реальной власти» [2, с. 36–39].

Симуляция или политические мифы — опасное явление, ибо «порядок и закон сами могут быть всего-навсего симуляцией», однако «порядок всегда выбирает реальное» [2, с. 31–33]. Начиная с мифологии как главного поэтического упорядочивания мира, до сказок (народных и авторских) и заканчивая современной научной фантастикой, фэнтези, а также политическими мифами,

следует сказать, что они все содержат в той или иной степени как социальную, так и мифическую составляющую. Архетипические образы до сих пор держат людей в плену своей власти. Сознательное поведение и бессознательные чувства, прозрения, интуиции, догадки переплетаются. Социальные практики — терапевтические и психолого-коррекционные — направлены на лечение пациентов образами сказки в целях нахождения ответственных решений. Сказки воспитывают, дают образцы поведения, ориентируют в меняющемся мире благодаря ценностям (этическим) ориентирам. Сказки помогают подключать воображение, верить в возможность осуществления ситуативного личностного смысла и достигать его. Сказки эпохи глобализации трансформировались в политические мифы. Сатира, юмор и критическое осмысление навязываемых стереотипов способно противостоять манипулятивному воздействию мифологически трансформируемой реальности. Социальные политические или телевизионные практики направлены на массового потребителя. Проблемы борьбы за власть, вопросы материального достатка, освоения новых территорий, создания новейших видов оружия, социального устройства общества рассматриваются с определенных мировоззренческих позиций. Симуляции и манипулирование общественным сознанием — главный отличительный признак современного глобального мира, в значительной степени конструируемого с помощью мифов. Однако, сказка благодаря своей стилистике, образному ряду, символическому языку и аксиологической наполненности остается мощным средством профилактики и лечения стрессов, неврозов, депрессий. Игровые возможности сказки не исчерпаны, пока человек строит отношения, мечтает и настойчиво ищет свое место в мире.

Литература:

1. Барт, Р. Мифологии/Р. Барт; пер. с фр. [вступ. ст. и коммент.] С. Зенкина. — М.:Изд-во им. Сабашниковых, 2000. — 314, [1]с.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции/Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. — М.: Издательский дом «Постум», 2015. — 240 с. — (Технология свободы).
3. Зинкевич-Евстигнеева, Т.Д. Практикум по сказкотерапии/Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. — 3-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Речь, 2015. — 320 с.
4. Найдыш, В. М. Мифология: учеб. пособие/В. М. Найдыш. — М.: КНОРУС, 2010. — 432 с.
5. Нарижный, Ю. О. Введение в этику: учеб. — метод. пособие/Ю. О. Нарижный. — Днепропетровск: ВАТ «Днепркнига», 2005. — 448 с.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана/общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.: ил. — (Библиотека зарубежной психологии).
7. Хюбнер, К. Истина мифа/К. Хюбнер. — [Пер. с нем./Ст. И. Касавина]. — М.: Республика, 1996. — 447, [1] с.: ил. — (Мыслители XX века).
8. Цуладзе, А. Политическая мифология/Авандил Цуладзе. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 384 с. — (Серия «История XXI века»).
9. Шугальский, С. С. Социальные практики: интерпретация понятия/С. С. Шугальский // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — с. 276–280.
10. Эриксоновский гипноз [Электронный ресурс]. — Режим доступа: lic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychotherapeutic/489/ЭРИКСОНОВСКИЙ. — Заголовок с экрана.

11. Эстес, К.П. Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях/К.П. Эстес/ [пер. с англ. Т. Науменко]. — М.: ООО Изд-во «София», 2013. — 448 с.

Игра как философский феномен человеческой деятельности

Скачок Владимир Егорович, преподаватель;
 Демьяненко Анатолий Михайлович, преподаватель;
 Демьяненко Екатерина Анатольевна, преподаватель;
 Котлярович Андрей Александрович, преподаватель
 Автотранспортный и электромеханический колледж (г. Санкт-Петербург)

Человечество всегда стремилось к построению целостного философского образа человека. Философский подход к человеку предполагает выявление его сущности, конкретно-исторической детерминации форм его активности, раскрытие различных исторически существовавших форм его бытия. Проявления человеческой сущности крайне многообразны — это и воля, и разум, и труд, и общение. Человек думает, радуется, страдает, любит и ненавидит, постоянно к чему-то стремится, ставит перед собой новые цели, задачи и повсеместно реализует свой трудовой и творческий потенциал.

Естественными элементами предметного поля философских исследований являются феномены человеческой деятельности, в т. ч. и игровая деятельность. Деятельность в этом контексте понимается как духовная деятельность, реализуемая в интеллектуальном или художественном творческом усилии. Усилие — это действие, и в игре действие приобретает главенствующее значение, поскольку важен не столько результат игры, сколько сам процесс или действие игры. Человечество в процессе созидания культуры самыми различными способами использовало и использует игру. Оно создавало для себя разного рода игры: олимпийские, военные, политические, театральные и так далее. В этом социальное содержание феномена игры. Однако, в чем суть игры, почему она так многолика? Что скрыто в игре и почему она так привлекает?

Важный шаг в осмыслении игры как целостного феномена сделал выдающийся нидерландский мыслитель и историк культуры Йохан Хейзинга (1872–1945). В книге «Homo Ludens. Опыт определения игрового элемента культуры» (1938 г.) он сформулировал игровую концепцию культуры, рассмотрев игру как культуuroбразующий фактор — всеобщий принцип становления человеческой культуры: подлинная культура не может существовать без игрового содержания, она «развёртывается в игре и как игра» [2 с. 2]. Хейзинга достаточно убедительно раскрыл роль игры не только в формировании и развитии архаических культов и мифов, но и в возникновении различных форм общественной жизни: искусства, науки, юриспруденции, ремесла, предпринимательства, политики и т. д. В выявлении соотношения игрового момента с другими факторами жизни общества учёный ру-

ководствовался антитезой: игра — неспособность к игре, игра — серьёзное.

Всесторонне изучив феномен игры, Хейзинга выделил её определяющие свойства: непринудительный характер игры, разворачивающейся как свободный выбор; игра не является «обыденной жизнью», она не связана с непосредственным удовлетворением нужд и страстей; она «разыгрывается» в определённых границах места и времени; игра устанавливает порядок и невозможна без соблюдения определённых правил; в игре реализуется не только стремление человека к соперничеству, но и потребность в отдыхе, разрядке; с игрой тесно связано понятие выигрыша, то есть своеобразного возвышения в результате игры. [2 с. 3]

Игра — одно из ключевых понятий современной культурологии, социальной психологии, философии культуры и философской антропологии. Во многом это связано с переосмыслением значения символических форм жизни: искусства, сновидений, фантазий, религиозных представлений и т. д. Исследования философов показали, что символические формы жизни — это не просто вторичное отображение чего-то уже существующего, это, напротив, самостоятельная действительность. Символы — это реальность, в которой рождаются и претерпевают изменения, как социокультурные явления, так и сам человек. Человек не только продукт культурного развития, но и творец культуры.

Всеобъемлющей сущности феномена игры и универсальному значению ее в человеческой цивилизации посвящена классическая фундаментальная работа «Homo Ludens» И. Хейзинги. Фактически уже в начале работы учёный затрагивает вопрос о взаимоотношениях игры и серьёзности. «Смысловое содержание серьёзного определяется и исчерпывается отрицанием игры, — пишет Й. Хейзинга. — Серьёзное — это не игра, и ничего более [4, с. 142]. Смысловое содержание игры, напротив, ни в коей мере не описывается через понятие несерьёзного и им не исчерпывается. Игра есть нечто своеобразное. Понятие игры как таковой — более высокого порядка, нежели понятие серьёзного». Перефразировав следующую за этим мысль автора, можно сказать, что серьёзность исключает игру с такой же серьёзностью, с какой лёгкостью

игра включает в себя серьезность. В игре «заложена ее собственная и даже священная серьезность», — подчеркивает Х.-Г. Гадамер [2, с. 79].

Философия, и в этом одна из ее задач, пытается найти некую универсальную сферу, даже некое универсальное пространство, где духовная составляющая человеческой жизни проявляет себя с наибольшей силой. По мнению рядов авторов, такой сферой выступает деятельность. Если деятельность — это столкновение целенаправленной воли субъекта и объективность бытия, то деятельность игровая — это столкновение самих субъектов с целью показать себя первым, выиграть состязания силы, ума, энергии и т.д. Это желание первенства проявляется в различных формах. Через систему норм и ценностей, также представленных в культуре через определенного рода символику, осуществляется наследование исторически развитой сущности человека. Игра может включаться в этот сложный процесс как деятельность, заданная обществом. В таком случае в ней происходит сложное объединение самодетерминант, идущих от внутренней активности мозга, от фантазии и внешних, заданных через культурные символы социальных условий бытия. [3, с. 445]

Существует огромное количество способов, которыми люди соревнуются друг с другом, они так же различны, как и вещи, за которые они борются. Различны и действия, в которых они принимают участие. В игре всё решает сила и ловкость, скорость, интеллектуальность работы. Люди соревнуются в хитрости и ловкости, мужестве или выносливости, искусности или знании. Всё это, в сущности, является игрой, и в этом качестве игры лежит исходная точка для понимания роли и места состязания в культуре. Эти ролевые особенности игры и составляют её культурообразующие функции.

В начале всякого состязания стоит договоренность о том, чтобы игра шла в границах места и времени, по определенным правилам, в определенной форме. При этом оговаривается, что игра идет вне обычного течения жизни. Поэтому в качестве одного из существенных признаков и условий игры устанавливаются пределы игрового пространства, внутри которого и происходит действие в соответствии с установленными правилами. Игра четко фиксируется во времени. Она исчерпывается сама по себе и вне себя самой не имеет собственной цели. Ее поддерживает сознание радостного отдыха, уход от условий обыденной жизни. Игра, таким образом, становится сферой искусства. Многие исследователи рассматривают игру как противопоставление серьезного и несерьезного.

Игра принадлежит к одному из самых привлекательных видов деятельности. Она позволяет совместить приятное с полезным, расширить кругозор, закрепить и углубить свои знания, развить память, смекалку, находчивость, наблюдательность и другие индивидуальные особенности. Возникнув в глубокой древности, ещё в доклассовом родовом обществе, игра развивалась и вбирала в себя многообразие явлений действительности [1, с. 3]. Можно го-

ворить об игре как об особом типе миропонимания. Чаще всего игру определяют как совокупность определенных форм человеческой деятельности. Не случайно большинство философов определяют игру как деятельность, имеющую смысл опять-таки в самой себе и оправдывающую свое существование.

Антропологическое содержание игры включает в себя обучающе-воспитательные аспекты. Это нашло свое отражение в педагогическом понимании игры. Соприкосновение с магией игры; детская непосредственность игры, а при этом её четкое структурирование; наличие правил, невыполнение которых втечет за собой исчезновение явления игры — вот эти специфически-педагогические моменты. Итак, игра — это институциональная деятельность, поскольку она имеет организационные формы, остаточные явления самой игры, в которой заложено экзистенциальное начало, особый подход к жизни, проявляющийся во всем, но, ни с чем конкретно не связанный. Определенность и неуловимость, четкость и размытость, серьезность и забава, рациональное и иррациональное. Игра как граница: она и разделяет, и объединяет в одно и то же время. Играть — значит следовать определенному порядку, с одной стороны, препятствующему реализации свободы игрока, а с другой побуждающему к ней. Чтобы в игре воцарился порядок, необходимо отказаться от повседневной рутины, вакуум перед игрой и между ней и миром. В игре происходит временное воцарение хаоса и вместе с тем происходит установление нового порядка как самоорганизации (синтетический подход к игре).

В реальности, игра — это своего рода бегство из обыденного жизненного мира, где господствуют тяжкий труд, насилие, унижение и гнет установленных моральных ценностей. Однако игра возвращает и важные жизненные ценности: труд и любовь, власть и справедливость, но только в своеобразной, отстраненной форме. По мере того как социализация личности усложняется, общество начинает культивировать игру как способ формирования свободной установки к совершению сложных видов общественной деятельности, реальное овладение которыми будет возможно только после достижения развивающейся личностью определенной степени зрелости. Решающим в такой игре оказывается не состязательность, а моделирование действительности [3, стр. 446].

Игра — это выход из рамок жизни во временную сферу деятельности, которая имеет собственную направленность. Для играющего человека присущи особая настроенность, чувство удовольствия от игры. Это вызвано содержанием игры, которое состоит в особом смещении духовного и телесного, реального и нереального, поэтому столь существенен в ней антропологический момент. Игра осуществляется в рамках особого внутреннего мира, связь игры и мира предполагает творческую интерпретацию. Отсюда элементы двусмысленности, противоречивости, а также иррациональности, т.е. символизма в игровых ситуациях. В игре наступает гармония иррационального и рационального.

Феномен игры настолько объёмен и широк, что разные области естественного и гуманитарного знания, включая и философское, дают определения и освещают самые разные аспекты игры. Игра выступает как любопытство, инстинктивное стремление к познанию, а эти качества важны для творчества, изобретательства, которые, в свою очередь, лежат в основе мифов, ритуалов и науки. Это естественное качество для каждого человека. Любые открытия и творческая деятельность сродни игре. Ученый, делающий открытие, испытывает восторг, похожий на восторг и упоение играющего ребенка. Следует признать, что прогресс и культура рождаются именно в игре.

Цель играющего не в достижении практики, а во многом большем, в самом процессе игры. Это радость от действия. Способность играть, которая проявляется в детских забавах и развлечениях взрослых, т.е. способность давать волю своему воображению, не заботясь о результате, составляет саму суть человеческого опыта. Играют все, в т.ч. и взрослые. Общество стало использовать игру не только в воспитательной практике, но и в практике развития деловых навыков человека во взрослом возрасте. Тренинги, проводимые в игровой форме, составили целую отрасль специалистов в области бизнеса, политики, связей с общественностью [3, с. 449]. У игры есть мотивы и выигрыш.

Литература:

1. Гузик, М. А. Игра как феномен культуры. Учебное пособие. М.: 2012 г. 268 стр.
2. Куница, Е. Ю. Шекспир — игра — перевод. Иркутск: 2009 г. 434 стр.
3. Разин, А. В. Философия. Учебное пособие. 2-е изд. М.: 2015 г. 493 стр.
4. Васильева, Н. А., Сарычева Н. И. Человек играющий // Вестник Иркутской государственной сельскохозяйственной академии 2008 г. № 31. Стр. 142–146
5. Надолинская, Т. В. Игра в контексте истории философии, культуры и педагогики // Образование и наука. 2013 г. № 7. Стр. 138–152

«Массовый человек» как составной элемент «Общества спектакля» Ги Дебора

Стоян Арсен Александрович, аспирант
Мурманский государственный технический университет

Целью статьи является рассмотрение феномена «массового человека» в контексте критической теории Ги Дебора — «обществе спектакля». По мнению философа, такое общество особенно отличается утратой непосредственности существования, когда вся реальность состоит из виртуальных образов. В этой связи феномен «массового человека», теряющего собственную индивидуальность, волю и стремление к познанию, идеально вписывается в указанную концепцию.

Ключевые слова: «общество спектакля», «массовый человек», реальность, существование, общество потребления.

Научно-техническая революция вкпе с событиями первой половины XX века породила новую основополагающую систему — общество потребления. Основываясь на важности экономического базиса, общества раз-

Любое учреждение как социальный институт отчасти сродни игре. Ведь человек видит мир через социальные связи, и устанавливать эти связи помогает ему игра. Философские, культурологические и педагогические концепции игры, возникшие в разные периоды развития цивилизации, свидетельствуют о том, что она может служить в образовательном процессе своеобразным творческим корреспондентом, мощным каналом приобщения к знаниям, практическому опыту, труду, мыслительной деятельности [5, с. 142]. Для этого необходим один обязательный элемент дух игры, атмосфера игры. Понятно, что в учреждении с его официальной атмосферой достичь этого очень непросто, но возможно.

Таким образом, можно сказать, что вся жизнь — это игра. Игра пронизывает все сферы нашей жизни, она имеет место в жизни каждого человека независимо от его возраста. Игровые навыки, отработанные с опытом, часто помогают нам в жизни. Но воспринимая жизнь через призму игры, нельзя окончательно утратить связь с действительностью. Хотя феномен игры помогает формироваться человеческому в человеке и наполняет жизнь игровыми моментами, в ней, как в игре, нельзя, ошибившись, начать сначала.

витых стран объявили потребление новым «драйвером роста», который мог бы решать две проблемы сразу: и повысить благосостояние всех членов общества, и обеспечивать постоянное развитие экономики, сопровождающееся

ежегодным улучшением всех показателей производства и прибыли.

Для такой системы, основанной на принципах потребления, первостепенной задачей ставится обеспечение стабильности потребления, выраженное в создании «идеального потребителя», который будет способен в качестве смысла жизни ставить удовлетворение своих потребностей в виде обладания объектами материального производства. «Массовый человек», появившийся немного раньше и представляющий собой настоящий феномен интеграции в общество посредством собственной деиндивидуализации и конформизма, способный принять любые идеологические установки без каких-либо колебаний, стал главным претендентом на роль «идеального потребителя». Согласившись на бесконечное «потребление ради потребления», индивид очутился в иллюзорном мире, где все сосредоточено вокруг виртуальных образов, которые создаются и идеологически управляются средствами массовой информации. Анализ и критике данной системы посвящена теория Ги Дебора об «обществе спектакля», воплощенная в одноименной работе.

Дебор исходит из точки зрения, согласно которой любое общество со временем достигает определенного уровня развития, прежде всего, в производственной системе; с этого момента, вся общественная жизнь, ее восприятие и переживание переносятся в сферу виртуального, которая представляет собой «нагромождение спектаклей». Реальность теперь можно воспринимать частично, по кусочкам, каждый из которых характеризует то или иное общественное явление. Поток этих элементов создает псевдореальную картину жизни, которую можно созерцать, но нельзя участвовать. Все элементы реальной жизни трансформируются в виртуальные образы, каждый из которых априори пропитан обманом, в сущности которых на самом деле ничего нет, кроме лжи. Эти образы и система, их объединяющая в виде «Спектакля» предназначены не для отражения жизни, скорее — для ее отрицания. «Спектакль» охватывает все сферы, привлекает к себе всеобщее внимание, никакое событие общественной жизни не должно осуществляться вне идеологии этой системы, каждое из них должно существовать в каком-либо образе. «Спектакль» — это мировоззрение, облаченное в материальную форму, но транслируемое через образы, «самостоятельное движение неживого» [1, с. 6].

Дебор дает достаточно пространное определение «Спектакля», считая его «идеологией превосходства, так как во всей своей полноте он проявляет и очерчивает сущность всех идеологических систем, заключающуюся в оскудении, подчинении и отрицании реальной жизни» [1, с. 137].

Такое общество стремится к созданию своего универсального составного элемента — «массового человека». Дебор отмечает, что «Спектакль» воздействует на человека, стирая грань между индивидуальностью и окружающим миром, ирреальность нахождения в обществе,

где реальными являются лишь виртуальные образы, деформирует человеческое «Я». Подмена понятий, помноженная присутствием мимикрирующей под правду виртуальной лжи, стирает человеческое восприятие морально-нравственных ориентиров.

Отчуждение в собственной жизни охватывает индивида, его бездействие в попытках разобраться или отличить истину от лжи, подчинение системе приводит к скользкой грани безумия. В этот момент «Спектакль» «спасает» индивида, предложив раствориться в товарном раю, система предлагает готовое решение, способное избавить от негативных мыслей. Все, что требуется — это принять ее правила и не отступать от них. Неважно, что материальные блага не вызывают пиетета, «Спектакль» способен предложить любые услуги, не зря система и эту сферу активно развивает, поощряя продавцов «эмоций» и «мыслей», но в пределах установленной идеологии. Пополнив ряды «массового человека», индивид далее становится неспособным к какой-либо обратной коммуникации. «Спектакль» это поощряет: односторонность коммуникационной связи с потребителем позволяет активнее создать условия для большего потребления и принятия товаров и услуг. Конформистски настроенный потребитель молчаливо это примет, как и призыв к повышению потребления, в том числе и качественного. Его внутренняя опустошенность, отсутствие собственного мнения, стремление к активному восприятию идеологии системы, а также моральная бедность, помноженная на жажду потребления, никогда не будет подходить к этому вопросу с критической точки зрения.

По мнению Д. А. Журавлева, в «обществе спектакля» сам «Спектакль» обладает особой функцией, состоящей в обозначении первостепенной значимости «симулятивности всех процессов». Они обозначают ирреальность происходящего, где за виртуальным скрывается абсолютная пустота. Эта «симулятивность» воплощает действующую Систему, в которой реальна лишь ее коммуникационная составляющая, она выходит на первый план.

По сути, «Спектакль» представляет собой явление идеологии нового типа, более усложненной, но, впрочем, не лишенной выраженной идеологической формы в виде демократии. Есть интересная особенность: при стремлении власти в «обществе спектакля» к абсолютному управлению, ее уровень достигает степени недостижимости. Все эти моменты абсолютизируют власть, превращая демократию в видимую ширму, продолжение «Спектакля» в глобальном масштабе, где за мнимой гонкой по соблюдению прав человека и обеспечения равенства всех и каждого, на самом деле кроется система тотальной подчиненности и ярко выраженного социального неравенства [2, с. 166].

С точки зрения С. Б. Михайленко, понятие «Спектакля» интерпретируется как процесс всеобщего подчинения всех сфер общества для целей экономического производства, при этом управляемыми должны стать даже такие абстрактные понятия, как «пространство»

и «время». Автор акцентирует внимание на «Спектакле» как на новой капиталистической формации, в которой система ничего не ограниченных капиталистических отношений потребовала новый тип человека — идеального потребителя. Контроль общественной жизни является важнейшим элементом функционирования системы: потребитель ищет не товар с определенными свойствами, он хочет иллюзии, потребление которых принесет счастье и удовлетворение от жизни, пусть даже и на короткий миг. Для активного внедрения иллюзий широко используется реклама, которая олицетворяет собой практическую часть идеологии товарного фетишизма. Так создается ореол идеала вокруг групп товара, которые, возможно, и были бы не нужны обычному индивиду, но для «массового человека» они воздвигнуты в культ. Чтобы служить этой «религии», необходимо совершать периодические «жертвоприношения» в виде покупок очередной товарной партии, траты средств на очередное «обновление линейки». Парадоксальным образом человек идентифицируется окружающими только с точки зрения соблюдения или отсутствия потребления определенных товаров или «преданности» определенным «торговым маркам». «Статусное потребление» становится во главу угла, оно задает мотивации «массового человека» одно «единственно правильное» направление, к которому надо всячески стремиться. Универсальная схема «потребление ради потребления» логически замыкает круг: стремление к воссозданию виртуальных образов и объектов превращает «общество спектакля» во всемогущего создателя иллюзий [4, с. 85].

Л.Ю. Мещерякова и Е.В. Мельшина полагают, что «Спектакль» — это совокупность образов, которые отслаиваются от любого аспекта общественных отношений, эти образы формируются в неразличимые потоки, их непрерывное движение не дают увидеть комплексную «картину жизни». Авторы относят феномен «Спектакля» к типу мировоззрения, которое является как результатом, так и способом производства, кроме того способное к реализации в действительности в материальной форме. «Спектакль» становится общей точкой притяжения всей нереальности всего реального в обществе. Это мировоззрение общества определяет «Спектакль» как способ организации, в которой закреплены пропагандируемые посредством масс-медиа главенствующие тенденции производства, их цель — тотальный охват всех сфер жизни индивида. Кроме того, их существование оправдывает всю суть действующей системы, все ее задачи и функции [5, с. 35].

Дебор также обращает внимание на полную вовлеченность «массового человека» в «Спектакль»: действующая система формирует и усиливает все общественные процессы, создавая массовость во всех аспектах жизни. Массовые процессы влияют на окружающий мир, ярким примером может служить городская среда. Ее активная экспансия охватывает всю окружающую территорию, формируя «бесформенные массы городских отходов». Мас-

совое распространение автомобилей требует строительства ещё большего количества дорог, которые постепенно образуют огромные автобаны — огромные вместительные массового и бесконечного потока транспортных средств, это приводит к деформации образа города, его расположение на внушительное расстояние. Здесь проявляется другое явление — массовая застройка, причем активно возводятся не жилые дома, а именно огромные «центры потребления» — бесконечные гипермаркеты и торговые центры. Дебор называет их «раздаточными предприятиями», которые охватывают окружающую их территорию очередными парковками. Эти «центры» своими внушительными размерами и выполнением функции бесконечного потребления притягивают толпы «массовых людей». Однако, надолго быть «центрами потребления» им не удастся: система массового потребления обязана поглощать ещё больше, возводить новые торговые центры, превращая уже существующие во второстепенные массовые «кристаллы притяжения». Город начинает сам себя потреблять. Тем не менее, этот «системный каннибализм» вполне вписывается в концепцию «потребления ради потребления».

В.В. Кравченко придерживается мнения о недоработанности теоретических выкладок «общества спектакля». Автор не видит в ней системности, обличая недоработки Дебора, связанные с попыткой представления капитализма в качестве иллюзорного и пропитанного «духом потребления» «обществе спектакля». В.В. Кравченко полагает, что Дебор своим отрицанием современного капитализма пытается сыграть на идеологическом поле, создавая форму «социальной игры», где отсутствуют четкие правила. Впрочем, деборовское видение понятия «ситуации» и его приложения в «обществе спектакля», говорит о поворотном моменте в эволюции идеологии: если раньше любая идеология стремилась быть более оторванной от общества, то после этих изменений ее задачи изменились, она стремится к созданию определенной концепции, неотрывной от существующего общества [3, с. 30].

Впрочем, несмотря на критику, Дебор, страдающий некоторой недоработкой возможностей альтернативного воздействия на общество такого типа (как и Маркузе, чей «Великий отказ» не несет определенной конкретики), смог создать логичную и глубоко проработанную трактовку современного состояния общества, где потребительство возведено в главный культ. Таким образом, деборовское «общество спектакля» является системой производственных отношений, в которой все общественные процессы подчинены идеологии потребления, а вся идеологическая обработка проходит через совокупность образов, за которыми нет никакой реальности. Для такой организации «массовый человек» по своим качествам является идеальным потребителем, составным элементом, поддерживающим жизнеспособность системы. Пока жить в таком обществе или отойти от него — каждый решает сам, но кто захочет отойти от него — это большой вопрос.

Литература:

1. Дебор, Г. Общество «Спектакля»/Г. Дебор, пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. — М.: Логос, 2000. — 185 с.
2. Журавлев, Д. А. Коммуникационный аспект терроризма в постмодернистской Системе: театр террора и общество «Спектакля»/Д. А. Журавлев // Вестник РГГУ. — М.: изд-во РГГУ, 2012. — № 7. — с. 164–185
3. Кравченко, В. В. От идеологии к идеопрактикам: социально-философский дискурс в эпоху плюрализма/В. В. Кравченко // Вестник МГОУ (секция «Философские науки»). — М.: МГОУ, 2013. — № 2. — с. 25 — 31
4. Михайленко, С. Б. «Спектакль» и «медиа»Спектакль»: философские модели анализа современного общества/С. Б. Михайленко // Вестник МГОУ (секция «Философские науки»). — М.: МГОУ, 2012. — № 4. — с. 85 — 87
5. Мещерякова, Л. Ю. «Общество «Спектакля»«Ги Эрнеста Дебора: основные положения и теоретические предпосылки концепции/Л. Ю. Мещерякова, Е. В. Мельшина // Вестник РУДН (социология). — М.: изд-во РУДН, 2004. — № 1 (6). — с. 33–40

Проблема свободы человека в философии Эпикура и Демонакта

Шоназаров Жамшид Шухратович, кандидат философских наук, доцент;

Имомов Бобур Хужаназарович, ассистент

Каршинский инженерно-экономический институт (Узбекистан)

В статье приведена антиномия о свободе личности греческих и римских философов Эпикура и Демонакта, также в ней рассматриваются естественные и конституционные права личности.

Вопрос о свободе человека во все времена имел влияние в обществе. Понимая, что индивидуальная свобода может быть в свободной стране и в свободном обществе, а изучение именно этого вопроса является одним из наиболее актуальных задач на сегодняшний день, Узбекистан выбрал путь построения демократического общества.

Как утверждает организация «Фредом-хаус», из 165 независимых стран мира — 65 стран, а это примерно 39% населения земли является стабильно свободным. Если к числу этих государств добавить число частично свободных государств, то их число достигнет 115. А это уже составляет более 67% населения земли.

Как утверждает «Фредом-хаус», «впервые число людей, живущих в свободной стране и свободном обществе, превысило число свободных стран населения». [1] Вопрос о свободе личности принял форму только в XX веке, но и в античном мире, и это следует отметить, этот вопрос был в центре внимания древнегреческих и римских философов. Предлагаем вам рассмотреть антиномию Эпикура и Демонакта. Что есть антиномия? Это вопрос, обеспечивающий две противоречивых теории или идеи, доведенные до конкретного решения. [2]

Суть вопроса теории о свободе личности Эпикура в том, чтобы сравнить разработанную государством конституциональную свободу и права человека с естественными правами граждан и необходимостью конституционных прав. Как сказал с уверенностью Эпикур, «...

даже самые плохие конституциональные законы оказываются необходимыми для обеспечения свободы личности. Если бы законов не было, то люди съели бы друг друга». Краткое описание эпикуровского контекста полностью подтверждается этим тезисом.

Сущность теории о свободе личности Демонакта состоит в том, что необходимость в конституциональных правах сильно преувеличена.

Категорический вывод Демонакта состоит в том, что законы и для хороших и для плохих людей являются бессмысленными. Потому что хорошие люди не нуждаются в законах, а плохие, соблюдая их, все равно не станут хорошими. Трудно поверить, что законы не помогают в обеспечении свободы личности. Этот тезис кратко рассматривался в этом контексте. По методике, описанной между двумя противоположностями антиномии, как можно провести геометрическую черту?

Думаю, что для решения этой проблемы нужно обратить внимание на фундаментальный вопрос о том, что является основой и сущностью по Эпикуру и Демонакту. Если исследовать произведения Диогена Лаэртского, то историческое общество, в котором жили Эпикур и Демонакт, и философы, которые жили в этом же обществе, то по их теории природа происхождения проблемы свободы личности не может полагаться на ряд оснований. Система Эпикура показывает закон, права человека и свободы граждан, которые будут следовать закону и благосостоянию народа. [3]

Если это мнение представить аллегорически, то источником конституционального права является государство, а источник естественного права — Бог. Если в системе Эпикура законы определяют свободу человека и граждан, то в системе Демонакта внутренняя свобода человека и граждан определяет нормы и законы, которые соблюдают люди. Другими словами, как сказал Эпикур, «... для обеспечения свободы личности нужны законы» и он исходил из требований обязанностей. А как сказал Демонакт, «...для обеспечения свободы личности не нужны законы», и он исходил из требований этики. Например, если конституциональные права основываются на политических, социальных, экономических и других правах, то естественные права основываются на праве на жизнь, свободе выбора на основе закона и других. Чтобы понять суть вопроса, посмотрим следующем примере: А — защита родины — это мой долг. Это мое конституциональное право, определенное государством. Б — убивать человека — это грех. Например, покушение на жизнь других — не мой выбор. Таким образом, отказаться убить человека, это естественное право, основанное на свободе выбора. Таким образом, С — что мне делать, когда враги пришли в страну? Если выполняю долг перед родиной и конституциональным правам, то мне придется идти на то, что убить человека — это грех. Для того чтобы защищать родину, придется убивать человека (хотя он является врагом). Если я это делаю, я совершаю грех, убив человека. Если я откажусь убить человека, основываясь на свободе выбора, не пойду против своих естественных прав. Но, отказавшись убить человека, я не выполняю свои конституциональные права защитить родину. В таком случае мой выбор: или конституциональные, или естественные права нарушается. Мой выбор — осуществляет мой свободный выбор. Если система Демонакта обосновывает мои свободные права, то система Эпикура обосновывает мои обязанности права.

Если я считаю себя биологическим существом, то исходя из естественных прав, могу предъявлять отношения к действительности. В этом смысле для меня имеет перво-

степенное значение то, что для обеспечения свободы личности законы не нужны, также как не убивать человека. Здесь конституциональные права является вторичными. Прежде всего, я мыслю и думаю как человек, после — как гражданин.

Если же я считаю себя сначала гражданином, с точки зрения конституционального права, тогда для меня защищать родину является важным, так как первостепенное значение имеет мысль «Законы нужны для обеспечения свободы личности». Здесь я дам своим естественным правам второстепенное значение. Потому что я, прежде всего гражданин, после — думаю и мыслю как человек. Мои отношения определяют мое мнение. Если я размышляю или не размышляю исходя из свободы выбора, то я излагаю свои естественные права, в противном случае, я вынужден буду излагать свои конституциональные права. Значит, если размышлять с этой точки зрения по вопросу свободы личности, видно, что Эпикур относится с точки зрения конституционального права, Демонакт — с точки зрения естественного права. Противоречие между человеком и гражданином видно в этом антиномии. Если конституциональные права рассматривает человека как гражданин, то естественные права рассматривает как человек. С точки зрения конституционального и естественного права в обеспечении свободы личности Эпикура и Демонакта отличается отказом традиционных, социальных, религиозных и политических идей, которые являются фундаментами настоящей конституциональной демократии и должны быть поставлены в центре внимания рационализма.

При рассмотрении краткого содержания контекста развития системы Эпикура и Демонакта, можно прийти к единому выводу, что вопрос о свободе личности привлекал философов еще в античном мире — с древних времен греческих и римских философов до эпохи Возрождения. Просветители Центральной Азии и философы новой эпохи в Европе нуждаются в комплексном исследовании при изучении научно-политических и философских направлений гражданского общества настоящего времени.

Литература:

1. Что такое демократия?» Модели демократического государства» Американская федерация учителей. «Демократическое обучение». Международный проект. 1989 год октябрь.
2. И. Кант «Критика чистого разума». Ростов на Дону. «Феникс». — 1998 г.
3. Д. Лаэртский. О жизни учениях и изречениях знаменитых философов. М.: «Мысль» 1986. — 571 с.

ПРОЧЕЕ

Особенности создания современного тематического периодического издания на примере кулинарного журнала

Гвоздева Алена Павловна, магистрант;
Марченко Марина Николаевна, доктор педагогических наук, профессор
Кубанский государственный университет

В данной статье описаны особенности создания тематического периодического издания, на примере кулинарного журнала. Авторами проведено исследование специфики дизайна кулинарных журналов. Предоставлено решение проблемы путем разработки нового издания, которое бы удовлетворяло потребности широкой фокус-группы, состоящей как из мужчин, так и из женщин.

Ключевые слова: *графический дизайн, верстка, дизайн, графическое оформление журнала, особенности верстки периодических журналов.*

На современном рынке существует масса различных периодических изданий. Все они имеют различную направленность. Одни помогают повысить уровень знаний, другие — скрасить серые будни. Такой широкий ассортимент может утолить потребности в получении информации у детей и взрослых. Например, сейчас с легкостью можно купить кулинарный журнал, в котором хозяйка любого возраста может найти для себя массу полезных идей и необычных рецептов.

Исследования в данной статье не только предоставляют подробный анализ аналогового рынка, выявляя проблемы и предоставляя пути решения. Проанализированную информацию можно использовать в педагогических целях для подготовки будущих графических дизайнеров. Данный материал позволит ознакомиться с особенностями современных тематических периодических изданий, а также с основными понятиями верстки и графического оформления.

Часто современные кулинарные журналы пестрят качественными, яркими фотографиями блюд, продуктов, полезной утвари. Женщины-покупатели склонны остановиться, разглядеть мелкие подробности, полистать и в итоге купить его из-за огромного количества информации, которая путает мысли и сбивает с цели. Кажется бы, обилие информации — огромный плюс в современных периодических изданиях, ведь это привлекает, иногда даже заставляет их приобрести. Однако основной проблемой является именно то, что они могут привлечь по большей части женщин, и редкий мужчина заинтересуется этими пестрыми картинками. Ведь, как известно, мужчины склонны совершать покупки, не думая о цене или какой-то яркой индивидуальности товара. Простота

и доступность — вот что в первую очередь привлечёт внимание мужчины-покупателя.

Практически для всех кулинарных журналов, которые мы исследовали, не предусматривается их приобретение мужчиной-покупателем. Возможно, это происходит потому, что существует некий стереотип о том, что приготовление пищи, в основном, женское занятие. Ритм жизни существенно изменился, различия деятельности по гендерному признаку утратили свою актуальность. Следует отметить, что пренебрежение мужской аудиторией — это не единственный минус современных кулинарных изданий. Эти журналы переполнены нетематической рекламой, которая зачастую мешает восприятию читателем их содержания.

Проанализировав некоторые примеры с конкретной направленностью, можно с уверенностью сделать вывод о том, что в наше время редакторы уделяют гораздо больше внимания внешнему виду издания, здесь имеет значение бумага, формат, дизайн. В первую очередь необходимо позаботиться о том, чтобы издание было приятно взять в руки, ведь восприятие читателем любого издания начинается с оценки его внешнего облика — прежде чем читатель станет вчитываться в текст, его внимание будет привлечено оформлением [4]. Прилавки с периодическими изданиями пестрят красками, как раз для того чтобы привлечь внимание, но их такое огромное количество, что все они сливаются в одно яркое пятно, из которого вычленишь что-либо становится просто невозможно. Например, часто кулинарные журналы, которые мы рассматривали выше, для оформления своей обложки предпочитают выбирать «вкусное» фото какого-либо блюда. Раньше это было бы достаточно удачным ходом, но не сейчас, когда каждое второе такое

издание избирает для себя идентичную концепцию стилистического решения. И хотя редакторы понимают необходимость хорошего дизайна, единого мнения по данному вопросу пока не существует. Одни считают, что хороший дизайн подразумевает обилие графики и активного использования цвета, другие — что хороший дизайн должен быть максимально функционален и обращаться с иллюстрациями и цветом следует осторожно. Так, анализ нынешнего рынка периодических изданий в области кулинарии привел к выводу, что современному ассортименту не хватает некоего универсального продукта. Который не позиционировал бы себя как «женский журнал кулинарии», был бы легок в использовании за счет своего формата и рубрикации, предоставлял доступные рецепты изысканных блюд и отличался бы от других за счет необычного дизайна.

Итак, новое разрабатываемое издание будет называться «Кулинарные зарисовки» — журнал, который с легкостью научит любого приготовлению самых разных блюд. Фокус-группа будет довольно широкой, в нее будут входить как мужчины, так и женщины от 30 до 50 лет. Это значительно усложнит задачу дизайнерского оформления, но позволит привлечь большее количество читателей. Ведь нужно учитывать, что в современном мире покупают кулинарные журналы не только женщины, но и мужчины. Мужчины стали гораздо больше ходить по магазинам. Эта тенденция будет наблюдаться и дальше. Поскольку они

все дольше остаются холостыми, им приходится учиться покупать те вещи, о которых их отцы никогда не заботились. Учитывая также то, что мужчины женятся на женщинах, которые много и упорно работают, они будут вынуждены брать на свои плечи все большую часть забот [2].

Буквы логотипа вписываются в вертикальный прямоугольник, не имеют засечек. Шрифты этого семейства являются акцидентными, именно поэтому начертание логотипа соответствует канонам гротескных шрифтов. Логотип довольно прост, чтобы соответствовать общему слогану журнала: «Все самое лучшее просто». Облегченное начертание букв украшает и обогащает небольшой нарисованный элемент (рис. 1).

Главными графическими элементами первого выпуска были выбраны нарисованные фрукты, овощи и другие продукты. Это было сделано для того, чтобы закрепить связь образа и названия в сознание потребителя. Сами графические элементы не навязчивы и довольно лаконичны. Плюс к нарисованным элементам добавятся геометричные плашки и отбивки. Это позволит приобрести данному изданию некую жесткость и мужественность, но при этом не потерять мягкость и уют, за счет нарисованных элементов (рис. 2).

Внутренне графическое содержание не будет пестрить излишним цветом и информацией, простая рубрикация значительно облегчит процесс эксплуатации (рис. 3).

Рис. 1. Логотип разрабатываемого издания

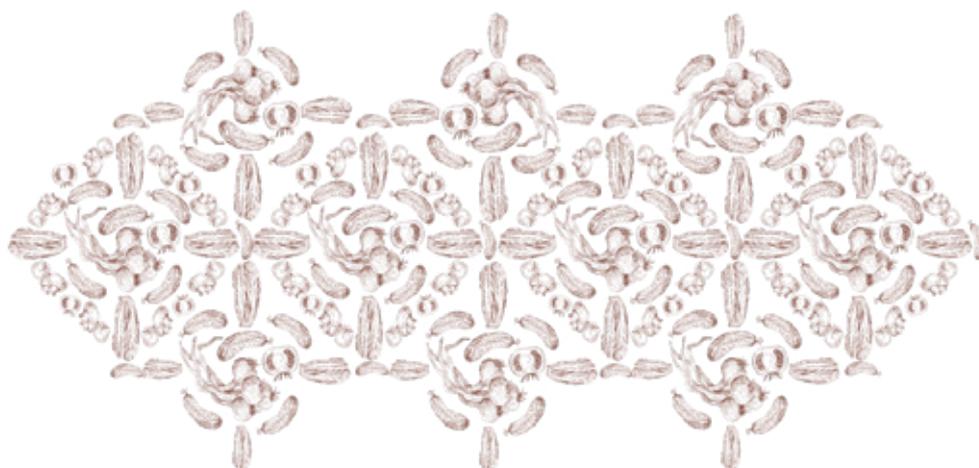

Рис. 2. Графические элементы

Рис. 3. Пример разворота с содержанием

Далее речь пойдет о подборе цветового решения. Так как цвет воздействует на чувства, а не на разум человека, нужно быть очень внимательным при выборе цветового решения любой полиграфической продукции [8]. Цвета, используемые в данном выпуске, будут как теплые, так и холодные. Например, темно-коричневый и бежевый цвета. Коричневый — цвет земли и древесных стволов будит воспоминания о камине и доме, а потому связан с представлениями о комфорте. Коричневый цвет облегчает выбор, так как считается вневременным, а также свидетельствуют об экологической чистоте [3]. А вот бежевый цвет — это всегда актуальная классика. Способен успокаивать, обладает теплой, тихой и спокойной энергетикой. За счет этих цветов можно создать приятную «домашнюю» атмосферу, которая привлечет представителя заданной фокус-группы, независимо от его гендерной принадлежности.

Одним из достоинств журнала, отличающих его от других, конкурирующих изданий, будет отказ от использования фотографии на обложке. «Лицо» данного издания будет выглядеть светлей и приятней за счет нарисованных овощей и, сложенного их них авторского паттерна. Далее хотелось бы сказать и о рекламе. Не секрет, что основным источником доходов для владельцев коммерческих периодических изданий является реклама [4]. Есть два выхода: либо свести рекламу к минимуму, либо поработать так, чтобы она идеально вписывалась в журнал

по стилю и теме. В данном периодическом издании будет использоваться необходимое количество рекламы, но вся она будет строго тематической и вписанной в общий вид разворотов по стилистическим параметрам. Будь это нечто нарисованное или сфотографированное — общая ассоциативная цепь, которая так важна для формирования образа журнала, должна присутствовать во всем.

Ни для кого не секрет, что сейчас очень ценится вариативный дизайн, а большая часть предлагаемого ассортимента на рынке периодических изданий не пользуется вариативностью. На этом и можно сыграть, вводя некоторые изменения в стиль каждого номера. Например, в первом номере можно использовать авторский паттерн из нарисованных овощей, а во втором — построенный по той же сетке, но уже сфотографированный паттерн. Таким образом, появится вариативность, но узнаваемость, безусловно, останется.

Выпуск периодического издания — непростая задача. Можно сказать, что хороший дизайн, применительно к периодическим изданиям — это грамотная и осознанная компоновка текста с визуальными элементами, благодаря которой можно достичь успеха. Хорошо выполненный дизайн способствует более легкому чтению и пониманию. У читателей нет ни времени, ни терпения преодолевать дизайнерские ухищрения для извлечения информации. Дизайн периодического издания должен быть достаточно гибким, чтобы присутствовал элемент сюрприза [4].

Литература:

1. Ажгихин, С.Г. Содержание профессиональных компетенций будущих дизайнеров с учетом регионального аспекта/Преподаватель XXI век. 2011. Т. 1. № 1. с. 12–18.

2. Журнал «Элитариум» портал дистанционного образования, статья Пако Андерхилл «Как покупают мужчины и женщины», 2005. URL: <http://www.elitarium.ru/> (дата обращения 26.03.14).
3. Иоханнес Иттен Искусство цвета. СПб., 2001.
4. Кнабе, Г. А. Энциклопедия дизайнера печатной продукции. Профессиональная работа. М., 2006.
5. Марченко, М. Н. Влияние дизайнерской деятельности на развитие способностей обучающихся к творчеству/Международный журнал экспериментального образования 2013. № 11—3. с. 201—203.
6. Рудер Эмиль Типографика. Руководство по оформлению, Изд.: «Книга», 1982
7. Чихольд Ян. Новая вёрстка, изд.: Студии Артемия Лебедева 2011
8. Электронный журнал «КомпьюАрт» № 11, 2011, статья Николая Дубинина «Размышления о цвете», URL: <http://www.compuart.ru/> (дата обращения: 24.03.14).

Формирование и распространение философии корпоративной культуры и лидерства

Гиоргадзе Нана Вепхиевна, студент

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Корпоративная культура — явление социальное. Оно возникает на любом предприятии и является системой ценностей, убеждений, а также норм, ролей, правил, которые направляют деятельность организации (предприятия).

Корпоративная культура обладает определенными чертами. Они выделяют данную организацию среди остальных и являются продуктом исторического развития организации. Такими чертами являются традиции, язык (сленг), лозунги, обычаи, — все то, что способствует передаче культурных ценностей, убеждений, норм и содержания ролей другим поколениям работников.

Результат многократного взаимодействия работников, их ценности, убеждения, распределение ролей, а также поиск приемлемых норм поведения — все это и есть корпоративная культура, являющаяся продуктом человеческих отношений работников предприятия. Корпоративная культура — это ценности, нормы, роли, убеждения, которые работают в данной организации. [1, 18]

Корпоративная культура формируется по двум направлениям:

1) поиск ценностей успешной организационной культуры, которая соответствует следующим факторам: организационная технология, возможности внешней среды, а также ее ограничения, профессионализм и компетентность сотрудников, и национальный менталитет;

2) выявление ценностей и их закрепление у сотрудников.

Вышеуказанные направления связаны между собой. Очень важно, как будет происходить формирование ценностей на первом этапе. От этого будет зависеть глубина внедрения в корпоративную культуру организации, насколько это будет последовательно и систематично. Необходимо не оставлять без внимания национальный менталитет и изучать его особенности, определить какие

существуют возможности персонала и ограничения, выявить какое воздействие внешней среды на организацию. Такие культурные ценности послужат основой для закрепления их в организации на втором этапе. [2, 58]

При создании бизнеса, должно быть соответствие ценностей корпоративным целям организации, которые, в свою очередь, исходят из ее стратегии. На сегодняшний день идет борьба между организациями и большая конкуренция. Как раз-таки корпоративные ценности и помогают выиграть в этой борьбе. Но работники не всегда имеют четкое понятие о поведении, которое требует та или иная ценность. Если организация имеет цель, чтобы повысить производительность с помощью корпоративных ценностей, то ей необходимо:

— знать и понимать в чем важность ценностей. Например, Джефф Безоз, когда начал работу над Amazon.com, каждые три месяца встречался со своими сотрудниками для того, чтобы напомнить, что для них важна не биржевая стоимость акций компании, а сервис, качественный и высокоуровневый. Потому что именно сервис, по его словам, влияет на успех организации. В организациях, которые пользуются успехом и в которых управление идет именно ценностями, все сотрудники имеют представление о ценностях фирмы, понимают их важность и усердно работают для их достижения. Нужно давать сотрудникам разъяснения, насколько ценности связаны с позицией компании и насколько они важны среди конкурентов.

— проецировать ценности на деятельность организации. Руководителю необходимо совершенствовать и продвигать корпоративные ценности. Это позволяет повысить чувство ответственности у сотрудников.

Мало пользы будет от разговоров с сотрудниками о том, насколько важны ценности и цели для компании. Больше пользы, если эти разговоры переходят в конкретные инструкции, которыми руководствуются сотрудники.

— установить приоритет ценностей. Менеджмент должен перечислить действия, которые будут в приоритете. Именно они поспособствуют выполнению важных, главных корпоративных целей.

— поощрение работников, не оставляющих без внимания корпоративные ценности. Если организация имеет определенный доход, то, соответственно и работники, которые являются держателями акций, также получают прибыль. Стимул может быть разным. Это либо дополнительный доход, премия или просто словесная похвала, может даже повышение по должности. Если сотрудник проявляет старание и уважительно относится к корпоративным ценностям, то он должен быть в любом случае отмечен, чтобы понимать важность сделанного и свой вклад в общее дело. Если сотрудник не увидит выгоды для себя, то он не изменит свое поведение к лучшему. [4, 148]

В процессе исследования была проанализирована корпоративная культура ОАО «Сан-Инбев», основной деятельностью которого является производство и реализация пива.

Наличие принципов и компетенций на ОАО «Сан-Инбев» говорит о том, что корпоративной культуре на этом предприятии уделяется большое внимание, что является глубоким пониманием и осознанием важности руководством фирмы того, что дух предприятия и его внутренняя среда является одной из важнейших вещей, которые необходимы работникам для их морального удовлетворения.

Рис. 1. Символ «Анхойзер-Бух Инбев»

Социально-трудовые отношения крайне важны для корпоративного духа предприятия, они должны быть четко регламентированы и достоверны, поэтому коммуникации внутри предприятия являются одной из важнейших внутренних характеристик определяющих организационную культуру.

Коммуникации между сотрудниками компании — существенная часть философии мечта-люди-культура. Поэтому от эффективных коммуникаций зависит производительность труда работников.

Эффективные коммуникации — получение сотрудниками нужной информации в нужное время в нужном формате и из достоверного источника.

План внутренних коммуникаций включает в себя коммуникацию: принципов, элементов цикла люди (целей, компетенций, аттестации), льгот и т.д. посредством флэш-сообщений, корпоративной газеты, информации (на сервере, по электронной почте, на информационных досках), ежемесячных совещаний, личных встреч руководитель — сотрудник.

По мере развития компании «невероятная мечта», люди и культура «Инбев» будут движущими силами всей работы во всех странах, где действуют предприятия. Мечта — стать лучшей в мире пивоваренной компанией, которая будет вновь и вновь радовать своих клиентов и потребителей [5].

Внедрение корпоративной культуры на ОАО «Сан-Инбев» происходит при помощи следующих действий:

Изменение стиля руководства:

— делегирование сотрудникам больших полномочий и ответственности;

— привлечение сотрудников к принятию управленческих решений;

— четкий контроль конечных результатов работы;

Изменение системы вознаграждения:

— вознаграждение, основанное на личных достижениях и результатах работы;

— переход от фиксированных окладов к премиальной системе;

Обучение:

— проведение тренингов, семинаров, программ адаптации и обучения на рабочем месте, посредством которых происходит внедрение новых ценностей и стандартов поведения;

Новая кадровая политика:

— подбор в организацию сотрудников, разделяющих корпоративные принципы и ценности, или тех, кто в последствии может легко их перенять;

— подбор на ключевые позиции людей, являющихся носителями недостающих в компании ценностей, и способных передавать их другим сотрудникам;

— перемещение старых управленцев на позиции экспертов по различным вопросам работы компании;

Внимание к рабочему окружению:

— переоборудование рабочих и общественных мест. Ремонт туалетов, столовой, создание строгой рабочей обстановки;

— введение униформы с корпоративной символикой для технических специалистов и рабочих;

Построение системы внутреннего PR:

— новая интерпретация прежней истории, символики, мифов, легенд и традиций;

— создание системы информирования сотрудников на всех уровнях. Общие собрания, информационные доски, компьютерные рассылки, корпоративная газета.

Культура компании:

— Верхний организационный уровень (видимые, внешние факторы) — одежда, символы, девиз, организационные церемонии, рабочая обстановка, корпоративный музей, корпоративные издания и т.д.

— Второй организационный уровень (ценности и нормы, определяющие поведение в организации) — работники компании должны разделять эти ценности. Наставничество, справедливая и понятная система мотивации (включая и материальные поощрения) может способствовать положительному принятию любых корпоративных предписаний и т.д.

Структура корпоративной культуры на анализируемом нами предприятии представлена внешними и внутренними атрибутами.

К внешним атрибутам, то есть визуальным, можно отнести то, что на территории завода все работники без исключения обязаны носить спецодежду, будь то грузчик, либо менеджер какого-нибудь отдела, правила едины для всех, и все они выполняются. Также фирменная символика на одежде и в различных местах предприятия указывают на то, что к термину о корпоративной культуре в данной организации относятся очень серьезно. Здесь же можно выделить что компания имеет ряд различных программ по умеренному употреблению алкоголя, и призыву к самоконтролю граждан РФ, что свидетельствует о многочисленных биллбордах, висящих в различных городах России, а также видеороликах и акциях компании.

К внутренним атрибутам особенно ярко можно отнести направленность в сторону работника данной организации, потому как в ней создаются все условия для того, чтобы работник этого предприятия приходил на работу и работал на благо компании с удовольствием. Естественно, что здесь играет немаловажную роль мотивационный фактор, то есть предприятие обеспечивает работника всеми видами социальных льгот, страхование, пенсионные отчисления, премии за выполнение плана, подарки от предприятия всем работникам на дни их рождения, и различные официальные праздники, в том числе праздники применимые к внутренней культуре предприятия, это например день пивовара, или день рождения завода. Также на ОАО «Сан-Инбев» заботятся и о детях работников организации, ежегодно отправляя их в детские летние лагеря. Внутри предприятия также помнят и спорте, ежегодно устраивая турниры среди различных отделов завода по футболу, волейболу, плаванию, лыжному кроссу и настольному теннису. Ежемесячно определяется лучший работник каждого отдела, ежеквартально определяется лучшая бригада завода с последующим по-

паданием на почетную доску в главном холле при входе на предприятие. Важное место уделяется чистоте и порядку на каждом рабочем месте, выполняется оно посредством постоянного контроля [5].

Анализируя затраты на поддержание корпоративной культуры 2012 и 2013 годов можно сделать вывод, что затраты снизились в 2013 г. на 91 тыс. руб. Увеличились затраты на проведение банкетов, фуршетов и праздников, так как в 2013 г. был введен новый корпоративный праздник — день пивовара. Также увеличились затраты аренды автобусов для доставки работников на предприятие, связано это прежде всего с постоянным ростом цен на горючесмазочные материалы. Уменьшились затраты на подарки на дни рождения работников предприятия, так как идет планомерное сокращение определенных специалистов. Еще уменьшились затраты на проведение спортивных праздников и общественных мероприятий, выдачи премий по итогам лучший работник месяца и лучшая бригада месяца, и оплата путевок в детские летние лагеря.

К спецодежде прежде всего относятся одежда для рабочих в цехах — рабочая форма, для работников лаборатории, медпункта и обслуживающего персонала выделяются халаты, а также для офисных работников жилетки с фирменной символикой. Проведение банкетов, праздников и фуршетов производится происходит в честь празднования общероссийских или внутри культурных мероприятий, таких как встреча нового года, двадцать третье февраля, восьмое марта, день пивовара, день рождения завода и т.д. Спортивные и общественные мероприятия представляют собой тренировки и соревнования между командами предприятия, обычно команды делятся по названию цехов или отделов. Предоставление бесплатного транспорта до предприятия также является неотъемлемым плюсом корпоративной культуры.

Поддержание корпоративной культуры происходит за счет различных стендов выполнения правил, норм ра-

Таблица 1. Затраты на поддержание корпоративной культуры

Наименование затрат	Количество выделенных средств, тыс. руб.			
	2012 г.	2013 г.	Абсолютное откл-е, (-/+)	Темп роста, %
1) Спецодежда с фирменной символикой	250	250	0	0
2) Проведение банкетов, праздников и фуршетов	230	288	58	125,2
3) Подарки на дни рождения работников	517	511	-6	98,8
4) Проведение спортивных и общественных мероприятий	112	98	-14	87,5
5) Премии лучший работник месяца, лучшая бригада месяца	326	303	-23	92,9
6) Путевки в летние лагеря для детей работников предприятия	228	214	-14	93,8
7) Аренда автобуса для доставки работников на предприятие	382	419	37	109,7
Итого:	2052	1961		

боты и планов выполнения графиков всех складов, цехов, отделов. Стенды обновляются ежемесячно и на них отчетливо показано, было ли выполнение плана отдельно взятым отделом. Стенды расположены внутри офисных помещений на территории завода. Также поддержанию корпоративной культуры способствует постоянная рассылка по электронной почте информации о нововведениях на предприятии и различных мероприятиях, проводимых как на его территории, так и за его пределами. Корпоративная газета позволяет узнать сотрудникам в основном о новостях которые происходят на предприятии, но уже в другой региональной зоне.

ОАО «Сан-Инбев» заботится о своих сотрудниках так, как руководство компании понимает, что в современном мире самым действенным способом достижения результата является не метод «кнута и пряника», а внесение гармонии и четкого взаимопонимания между работниками во внутреннюю среду предприятия.

В ходе диагностики корпоративной культуры, и ее влияния на организационную эффективность можно сделать выводы, что в целом сама культура предприятия создана очень благоприятная, как для потребителей, так и для работников.

На данном предприятии нет необходимости проводить изменения глубинного устройства организации, так как уже четко сформирована миссия и стратегия деятельности корпорации, а у коллектива присутствует единое видение целей корпорации, также выработана оптимальная организационная структура корпорации — все это помогает эффективно работать по выбранным направлениям. Но все же некоторые вопросы остаются открытыми.

На основе проведенного анализа корпоративной культуры ОАО «Сан-Инбев», можно предложить ряд рекомендаций по совершенствованию культуры корпорации.

Мероприятия по улучшению организационной эффективности:

1. Путем устного опроса сотрудников, выявлено что есть предложения относительно спецодежды, многие

подразделения указывают на необходимость введения двух вариантов спецодежды: летний и зимний комплект, вместо старого демисезонного. Обоснованием данного мероприятия является многочисленны просьбы работников о чувстве дискомфорта, что летом в спецодежде часто бывает жарко, а зимой в ней холодно;

2. В связи с различными производственными ситуациями и случаями травматизма на предприятии предлагается введение круглосуточной работы медицинского кабинета, то есть найм еще одного медицинского работника для работы в ночную смену, это является необходимостью, потому как от своевременного оказания медицинской помощи зависят жизни людей, а также с вытекающими последствиями зависит и производительность труда [5, 206].

3. Необходимо реализовывать программы косвенной материальной заинтересованности (например, выдача жилищных субсидий, гранты на образование, «сервис передвижения» — помощь транспортом и т. п.), то есть нужно внедрять разработанные формы мотивирования персонала с использованием материальной и нематериальной систем стимулирования;

4. Создание стандарта информирования персонала (какая информация, в какой форме, с какой периодичностью, по каким каналам и кем должна доводиться до коллектива), что необходимо для большей информированности персонала о планах и действиях руководства, а следовательно, помогает налаживанию доверительных взаимоотношений между руководством и подчиненными и создает у сотрудников ощущение сопричастности и необходимости в данной работе;

5. Разработка и осуществление комплекса коллективных мероприятий, так называемых, «программ отдыха» (совместные выезды на природу, походы в театр, на экскурсии, совместные банкеты и т.д.) для поддержания «здорового» корпоративного климата в коллективе и налаживания взаимоотношений между сотрудниками, начальством и подчиненными, которые стали бы одной из традиций ОАО «Сан-Инбев».

Литература:

1. Абрамова, С. Г., Костенчук И. А. О понятии «корпоративная культура». — М., 2011.
2. Албастова, Л. Н. Технология эффективного менеджмента. — М.: «Издательство ПРИОР», 2013. — 288 с.
3. Власова, Н. Корпоративная культура // Дела, люди XXI, 2011, № 10, январь.
4. Гейтс, Б. Бизнес со скоростью мысли. — М.: «Эксмо», 2011.
5. <http://www.suninterbrew.ru/>

Практические аспекты внедрения 242-ФЗ

Степанов Петр Петрович, студент
Дальневосточный федеральный университет

В статье рассматриваются проблемы, связанные с вступлением в законную силу закона 242-ФЗ. Рассмотрена позиция регулятора по вопросу трансграничной передачи персональных данных и изменения, внесенные в порядок проведения проверочных мероприятий. Предложены способы обработки персональных данных, на которые не распространяется действие данного закона.

Ключевые слова: *персональные данные, локализация баз данных.*

С самого начала Закон 242-ФЗ вызвал большой резонанс в среде бизнеса и специалистов в области информационной безопасности. Поскольку пересмотр ИТ-стратегии бизнеса, перенос части серверов на территорию РФ или полная реструктуризация ИТ-структуры вопрос значительных финансовых затрат, и если такие компании как Facebook, Google, PayPal способны позволить себе это и еще до вступления закона в силу пересмотрели территориальную политику своих информационных ресурсов, то как поступать мелким игрокам, в условиях рынка, правила на котором постоянно меняются, оставалось непонятно.

Результатом вступления в законную силу Федерального закона № 242 от 21 июля 2014 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях», по мнению большинства специалистов в области информационной безопасности, станет создание буферных баз, поскольку в законе который устанавливает требования об обязанности оператора при сборе персональных данных, обеспечить их систематизацию, запись, уточнение, накопление, хранение, извлечение персональных данных граждан РФ с использованием баз данных, находящихся на территории РФ, слова «только» нет.

Необходимо отметить, что Минкомсвязи предлагает лишь свое понимание федерального закона 242-ФЗ, поскольку не уполномочены трактовать или толковать последний.

Во-первых, Минкомсвязи признает за субъектом право передавать свои персональные данные кому угодно, в том числе юридическим лицам, иностранным государственным органам, организациям и физлицам как резидентам, так и находящимся за пределами РФ.

Во-вторых, Минкомсвязи закономерно считает, что ИСПДн может быть распределенной, учитывая характер сети «Интернет», поэтому российский оператор вправе поручить обработку персональных данных иностранному оператору персональных данных. Необходимо отметить, что 242-ФЗ не отменяет положения статьи 12 федерального закона 152-ФЗ о трансграничной передаче данных. Регулятор предлагает понимать их в системном единстве. Более того, на доступ к персональным данным из-за пределов России ограничений нет.

В-третьих, Министерство не считает невозможным применение дублирующих баз данных, которые могут находиться как на территории РФ, так и за её пределами.

Но не все так просто. Хотя слова «только» в законе нет, по сути мы получили запрет хранения персональных данных за пределами РФ даже используя буферные базы. Об этом Роскомнадзор говорит в своем последнем разъяснении: «Логический процесс, связанный с формированием и актуализацией базы данных, не позволяет осуществлять отдельные процедуры, указанные в рассматриваемой норме, в том числе «хранение персональных данных» в базах данных на территории иностранного государства не нарушая при этом нормы Закона 242-ФЗ.

Так, каждый случай, в котором при сборе данных будет осуществляться одновременное хранение базы данных на территории России и иностранного государства будет являться нарушением Закона 242-ФЗ, поскольку оператор при сборе персональных данных допустит их хранение в базе данных за пределами России. В том числе после сбора данных, то есть после формирования базы данных на территории России, недопустимо изменение условий её хранения путем переноса базы данных на территорию иностранного государства».

Тем не менее необходимо обратить внимание, что в 242-ФЗ речь идет о первичном сборе, записи, систематизации, накоплении, хранении, уточнении, изменении, обновлении, извлечении персональных данных, которые должны производиться на территории России. Следовательно такие действия с персональными данными, как передача, использование, распространение, доступ, предоставление, обезличивание, удаление, блокирование, уничтожение могут производиться где угодно, потому что база данных и приложение, обращающиеся к ней — это разные сущности, и приложение может находиться где угодно.

Одной из неприятных особенностей закона является размытость определений, либо отсутствие толкования отдельных ключевых требований, таких как «сбор» и «база данных».

Четкое определение понятия «сбор информации» необходимо, потому что именно за это действие часть 5 статьи 18 Закона 152-ФЗ накладывает обязанность на оператора обеспечить хранение персональных данных граждан РФ с использованием баз данных, находящихся на терри-

тории РФ. Тем временем комментарии регуляторов различного уровня не вносят ясности даже в понятие «база данных». Имея определение в Гражданском кодексе, а именно в статье 1260 «Переводы, иные производные произведения. Составные произведения», а также в ГОСТ Р 20886—85 «Организация данных в системах обработки данных», разъяснением в адрес Совета Федерации Роскомнадзор дал ответ, что они считают базами данных «упорядоченный массив персональных данных, независимый от вида материального носителя информации и используемых средств его обработки (архивы, картотеки, электронные базы данных)» согласно Модельному закону о персональных данных Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. Удивление вызывает не только отношение данного Модельного закона к законодательству России, но и расширение понятия «базы данных», толкуемого не только к электронной форме.

Более того, регулятор предложил оператору персональных данных самостоятельно определять процедуру определения гражданства субъекта персональных данных. В данной ситуации важно, что сложно говорить о гражданстве субъекта персональных данных, если его об этом нигде не спрашивают, тем более в условиях сети «Интернет», где мы еще не научились определять государственную принадлежность по заголовку IP-пакета. Не говоря уже о том, что номер и серию паспорта назвать персональными данными можно лишь с большой натяжкой, потому что у нас не существует легальных путей для установления личности по этим данным.

В этой плоскости интересно рассмотреть направления, на которые не распространяется действие 242-ФЗ в части хранения персональных данных за рубежом.

Во-первых, обезличивание. По мнению самого регулятора после обезличивания, персональные данные перестают быть таковыми. Если они больше не считаются персональными данными, следовательно, выпадают из-под действия Законов 152-ФЗ и 242-ФЗ. Из этого логически следует, что хранить их можно где угодно, в том числе за пределами РФ. Все это в рамках действующего законодательства. Обезличивание можно проводить согласно приказу того же Роскомнадзора № 996, который устанавливает критерии «хороших» методов обезличивания. Характерной особенностью данного приказа является то, что он не ограничивает самих методов — они могут быть любыми, но исходить из критериев, предложенных регулятором.

Во-вторых, архивирование. Выполнение норм Закона 125-ФЗ об архивном деле выводит архивные дела из-под действия Закона 152-ФЗ, о чем в первом прямо сказано. Архивные дела, в свою очередь, мы можем передавать и хранить где угодно и кому угодно.

Рассмотренные аспекты касаются изменений в части 149-ФЗ и 152-ФЗ. Дополнения, внесенные в 294-ФЗ, внесшие значительные изменения в порядок надзора, получили свое логическое развитие в Постановлении Правительства РФ от 19.08.2015 года № 857 и двух приказах

Роскомнадзора от 22.07.2015 года № 84 и № 85 и явились единственным четко отрегулированным механизмом в Законе.

Основные изменения правил надзора:

— снижение числа проверок в отношении операторов персональных данных. Для государственных и муниципальных органов, а также юридических лиц не чаще одного раза в два года, для индивидуальных предпринимателей и физических лиц не чаще одного раза в три года;

— Роскомнадзор не должен согласовывать свои плановые и внеплановые проверки с прокуратурой, исключением служит доказательное обращение граждан, у которых появляется возможность не просто подать жалобу в регулирующий орган, но и попросить рассмотреть заявление о блокировке ресурса, нарушившего его права, не будет ограничен двадцатью днями, а именно: уведомление о плановой проверке должно быть произведено не позднее чем за 3 дня, о внеплановой — не менее чем за 24 часа. Внеплановый характер и установленная в Законе периодичность представляют угрозу, в первую очередь, для банков, страховых компаний, операторов связи, медицинских и образовательных учреждений последствия прекращения обработки персональных данных в которых, может оказать значительные негативные последствия.

Особую озабоченность вызывает применение указанного требования в сфере гражданской авиации, поскольку оно, в силу объективных причин, не сможет быть реализовано в установленный Законом от 21 июля 2014 года № 242-ФЗ срок.

В настоящее время обработка персональных данных пассажиров в целях бронирования и продажи воздушных перевозок в гражданской авиации осуществляется с использованием глобальных распределительных систем, таких как: Amadeus (Амадеус), Gabriel (Габриель), Sabre (Сейбр), Galileo (Галилео), позволяющих осуществлять продажу билетов на рейсы российских авиакомпаний в различных странах. В этой связи, выполнение требований, установленных Законом от 21 июля 2014 года № 242-ФЗ и в указанные им сроки, не представляется возможным, поскольку требует, как минимум, согласия провайдеров этих систем на их размещение в Российской Федерации.

В заключении отмечу, опыт предыдущих лет подсказывает, что разъяснения регуляторов различного уровня по одному и тому же вопросу могут значительно различаться. Поэтому следует руководствоваться правоприменительной практикой, информации о которой, за месяц после вступления закона в силу для анализа накопилось достаточно. Позиция Минкомсвязи, безусловно, вносит больше ясности и может использоваться для выстраивания стратегии соблюдения нового требования. Но Минкомсвязи уполномочено осуществлять функции по выработке и реализации государственной политики в области персональных данных, а ведомством, фактически проверяющим компании на соблюдение требований закона о пер-

сональных данных, является Роскомнадзор. Насколько он разделяет опубликованную позицию Минкомсвязи и готов

будет ей следовать — покажет практика или самостоятельные разъяснения Роскомнадзора (которых пока нет).

Литература:

1. Федеральный закон 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях», <http://www.rg.ru/2014/07/23/persdannye-dok.html>.
2. Официальные разъяснения Минкомсвязи России, <http://www.minsvyaz.ru/ru/personaldata/>

Современные интернет-инструменты PR

Хомякова Татьяна Александровна, студент
Российский государственный социальный университет

Одной из характерных черт современного мира можно назвать бурное развитие средств массовой коммуникации. Мы живем в век информационных технологий, в котором информация является продуктом потребления. Появление Интернета ознаменовало начало информационной эпохи. Сеть Интернет находится в постоянном развитии, охватывает практически все сферы человеческой жизнедеятельности. В крупных мегаполисах почти каждый житель изо дня в день использует Интернет для работы, учебы, личных целей и т. п. Такая мощная информационно-коммуникативная технология породила новые инструменты в сфере связей с общественностью, которые активно развиваются и совершенствуются.

PR в Интернете — это комплекс онлайн-мероприятий, являющихся, как правило, неотъемлемой частью общей PR-кампании, направленных на оценку, поддержку и изменение информационной среды вокруг компании, организации в Интернете [2, с. 253]. Хорошо продуманная и реализованная PR-деятельность в Интернете по достигнутым результатам может быть сравнима с PR-деятельностью вне Сети. При этом произведенные затраты на кампанию в Интернете обычно меньше, чем затраты на оффлайн мероприятия.

В Интернете одним из основных инструментов специалиста по связям с общественностью является пресс-релиз. Этот инструмент по своей сути почти не отличается от традиционного пресс-релиза на бумажном носителе. Структурные части (шапка, заголовок, основная часть, заключение) сохраняются, пресс-релиз обязательно начинается с указания места и даты проведения мероприятия. Также необходимо помнить о том, что освещаемый информационный повод в пресс-релизе должен быть подан максимально интересно.

При написании электронного пресс-релиза есть возможность сократить объем основного содержания, а более подробное описание новости дать отдельной ссылкой на страницу своего сайта или сайта организации. Как правило, это делается потому, что на электронную почту жур-

налиста или редактора приходит огромное количество аналогичных сообщений. Кроме этого, в электронном пресс-релизе, в отличие от традиционного, используется больше ключевых слов. Это делается для того, чтобы увеличить шансы нахождения конкретного пресс-релиза конечным потребителем в Интернете.

Многие новостные сайты и информационные порталы, а также сайты организаций имеют отдельную страницу для прессы, на которой размещаются все пресс-релизы и другая информация, адресованная прессе.

Все чаще PR-специалисты прибегают к такому интерактивному инструменту, как блог. На сегодняшний день блоги получили широкое распространение в сети Интернет, и их количество продолжает расти. Джорн Бэргер впервые использовал слово weblog («блог») в декабре 1997 г. Это слово образовалось из фразы logging the web («веду дневник в Сети») — глагол превратился в существительное [2, с. 256]. Блог представляет собой совокупность записей, которые отображаются в обратном хронологическом порядке. Это может быть не только текст, но также и фото-, аудио-, видеоматериалы, ссылки и др. К отличительным чертам блога можно отнести [5]:

- легкость публикации;
- широкие поисковые возможности;
- высокая социализация;
- быстрота распространения информации;
- возможность прямой связи с источником;
- взаимосвязанность источников информации.

Применительно к сфере PR блоги успешно используются компаниями как для внутренней, так и для внешней коммуникации. Внутренний блог компании выполняет схожие функции с корпоративными СМИ — «внедряет» определенные корпоративные ценности, стандарты поведения, налаживает внутренние связи между работниками и руководством, информирует о событиях, мероприятиях, проходящих в компании, объединяет коллектив и формирует чувство сплоченности.

Работая на внешнюю аудиторию, блог, прежде всего, выполняет одну из главных функций PR — создание позитивного образа компании. Благодаря корпоративным блогам, у целевой аудитории появляется возможность узнавать информацию о компании и ее продуктах из первых рук. Потребители могут комментировать записи, то есть коммуникация приобретает уже двусторонний характер, благодаря чему у клиентов формируется чувство внимания и особого отношения к себе.

Блог является важным дополнением к корпоративному сайту организации, где может быть представлена альтернативная точка зрения, информация описана другим более доступным языком. Учитывая то, что в настоящее время степень доверия к блогам повышается, и их контент уже не рассматривается как исключительно развлекательный, корпоративный блог выступает в качестве связующего звена между организацией, которая представлена официально на веб-сайте, и блогосферой, которая воспринимается общественным мнением как неформальная информационная площадка с высокой степенью доверия потребителей информации [3].

Но, несмотря на это, многие организации не приветствуют этот вид коммуникации, так как боятся, что сотрудники могут опубликовать сведения, негативно влияющие на репутацию компании, а также опасаются утечки конфиденциальной информации.

Кроме корпоративных свое распространение находят и персональные блоги политиков, общественных деятелей, журналистов, предпринимателей. Появляется возможность отследить реакцию и настроение населения. При этом стоит помнить, что у блогосферы никогда не будет единого мнения, коллективной воли, так как это система неформальной репрезентации [6].

Таким образом, блоги выступают как оперативный источник информации, обеспечивающий двустороннюю коммуникацию между организацией или конкретным лицом и конечным адресатом, что делает их ближе к целевым аудиториям. При правильном использовании блоги могут быть мощным инструментом формирования репутации и имиджа.

Еще одним эффективным инструментом PR в Интернете является контекстная реклама. Она помогает привлечь целевую аудиторию на сайт компании.

Контекстная реклама, основываясь на данных, собранных о пользователе сайтом или даже браузером, позволяет подобрать для показа рекламу наиболее вероятно подходящую именно ему. Поэтому человек более склонен обращать внимание на такую рекламу, поскольку она точнее соответствует его реальным нуждам, а компания, осуществляющая рекламную кампанию, получает выборку целевой аудитории, что также увеличивает эффективность всей рекламной кампании.

Выделяют два основных вида контекстной рекламы:

1. поисковая контекстная реклама — это реклама, которая отображается на поисковых сайтах (Яндекс, Google и т. п.), при этом ее тематика зависит от самого поискового запроса пользователя;

2. тематическая контекстная реклама — это реклама, которая располагается на web-сайте со схожей тематикой и представляет собой дополнительную информацию для человека, посещающего данную страницу.

Так как контекстная реклама содержит именно ту информацию, которая в данный момент интересует пользователя, она обладает определенным преимуществом — не раздражает пользователя.

Эффективность контекстной рекламы неуклонно повышается с развитием сферы компьютерных технологий и электронных коммуникаций. Алгоритмы сбора и агрегации различной информации о пользователе Интернета, полученной из различных источников, постоянно совершенствуются, а в последнее десятилетие в этой области отмечается и вовсе феноменальный взрыв.

Выборка контекстной рекламы основана на тексте и ориентированности конкретного материала, который просматривается в данный момент, что позволяет рекламе занять важную нишу «горячих решений». Стоит заметить, что к категории «горячих решений» в данном контексте относятся решения, принятые человеком под влиянием сиюминутных ощущений, возникших от прочтения определенного материала. К примеру, посетитель сайта, освещающего светскую хронику, может решить посетить то или иное мероприятие, только что прочитав о нём положительный отзыв критика или грамотно составленный анонс, несмотря на то, что в другое время он бы это событие проигнорировал, и, благодаря контекстной рекламе, он сразу же в один клик по ссылке переходит на сайт, где он может приобрести билеты на это мероприятие.

Таким образом, главное преимущество контекстной рекламы — это направленность на целевую аудиторию. Конечно, нельзя сказать, что контекстная реклама может выступать в качестве основного PR-инструмента продвижения, однако, как вспомогательный инструмент она способна помочь в повышении репутации и узнаваемости бренда.

В настоящее время очень популярны стали социальные сети. В зависимости от возрастной группы, социального положения и других факторов те или иные целевые аудитории можно найти на таких социальных площадках как «ВКонтакте», «Twitter», «Facebook», «Одноклассники» и др. Этим пользуются PR-специалисты, занимаясь так называемым SMM (Social media marketing).

SMM — это продвижение бренда или продукта через социальные сети посредством нагнетания трафика. Социальные сети помогают привлечь внимание потребителей, увеличить круг целевой аудитории благодаря передаче информации о бренде, продукте или организации от одного человека другому. Кроме того, как и в случае с блогами, в социальных сетях появляется возможность реализовать двустороннюю коммуникацию. Компания получает оперативную информацию о реакции своих клиентов и может быстро реагировать на нее. Также к достоинствам SMM как PR-инструменту можно отнести невысокую стоимость относительно других оффлайн инструментов.

Для эффективности SMM очень важно правильно выбрать свою аудиторию в социальных сетях. Для этого необходимо определить параметры, по которым будет осуществляться поиск. Пол, возраст, образование, место жительства, интересы — всю эту информацию может предоставить социальная сеть. С другой стороны, здесь нужно помнить, что не все пользователи пишут о себе правду, и проверить это нельзя. Свою аудиторию можно искать и в сообществах с соответствующими тематиками.

К минусам SMM можно отнести следующее:

— риск неправильно выбрать целевую аудиторию, опираясь на личные данные пользователя, которые могут оказаться недостоверными;

— сложно проанализировать действия пользователей из-за определенного уровня конфиденциальности социальных сетей, есть возможность получить только общие цифры, например, измерить количество людей, упоминающих о компании, при этом почти невозможно определить качество отзывов — негативные они или позитивные.

В целом сейчас в социальных сетях подписчиками являются уже лояльные клиенты компании. Поэтому социальные сети — это пока еще не освоенная площадка поиска новых потребителей и клиентов, имеющая большой

потенциал. При умелом использовании SMM может стать эффективным инструментом в PR-деятельности любой компании, и в настоящее время эта область активно развивается.

Подводя итог, можно сказать, что в современном мире все больше компаний используют Интернет как средство связей с общественностью, которое имеет множество преимуществ. Интернет позволяет сокращать расходы на PR-деятельность компании, работать в любое время суток, выходить на международные территории, напрямую взаимодействовать со своей аудиторией, сокращать расстояние между потребителем и компанией и оперативно отслеживать реакцию людей на проводимые PR-мероприятия в режиме онлайн.

Конечно, PR в Интернете находится еще на стадии развития. Кто-то активно внедряет новейшие технологии в работу своей организации, а кто-то пока еще находит риски испортить свою репутацию, в силу различных предрассудков и стереотипов, слишком высокими. Но, так или иначе, прогресс не стоит на месте, и для успешного формирования положительной репутации необходим качественный и эффективный PR, который невозможен без использования новых средств продвижения, среди которых важное место занимает Интернет.

Литература:

1. Блэк, С. PR: что это такое? — М.: Новости, 1990—280 с.
2. Кривоносов, А. Д., Филатова О. Г., Шишкина М. А. Основы теории связей с общественностью. — СПб.: Питер, 2012. — 384 с.
3. Попов, А. А Корпоративный блоггинг как PR-технология // А. А. Попов // Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. № 6. с. 270—277.
4. Попов, А. В. Блоги: новая сфера влияния. М., 2008.
5. Скобл, Р., Израэл Ш. Разговор дороже денег: как блоггинг меняет общение бизнеса и потребителя. М.; СПб., 2007.
6. Шарапова, И. Л. Блог как инструмент рекламы и PR // И. Л. Шарапова // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. с. 166—172.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 24 (104) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Агаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;
фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.
E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 10.01.2015. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25